СОВРЕМЕННИКЪ.

14

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Е. Фишера.

1839.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XIV.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Е. Фишера.

1839.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK

Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2087

СОВРЕМЕННАЯ ШВЕДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЗИМНІЕ ЦВѢТЫ.

Такъ называется альманахъ, съ нѣкотораго времени появляющійся въ Швеціи ежегодно около Рождества. Его издатель г. Меллинъ. Въ этомъ сборникѣ, который и по имени, и по назначенію своему, такъ живо напоминаетъ Сѣверные-цвѣты нашего покойнаго Дельвига, принимаютъ участіе нѣкоторые изъ лучшихъ писателей Шведскихъ. Книжка Зимнихъ Цвѣтовъ, вышедшая въ 1838 году, подала мысль г. Ленстрему, Упсальскому литератору, написать краткій отчетъ объ отечественной словесности за протекшій годъ. Этотъ остроумный обзоръ отличается безпристрастіемъ и приличіемъ, рѣдкими качествами въ области нынѣш-

ней критики Шведовъ, и, сообщая довольно вѣрное понятіе о состояніи всей современной ихъ литературы, можетъ служить дополненіемъ къ помѣщенной въ послѣдней книжкѣ нашего журнала статьѣ: *Знакомство съ Рунебергомъ*. Потому-то мы и предлагаемъ здѣсь въ переводѣ отчетъ Г. Ленстрема почти цѣликомъ. Читая его, всякій, кому извѣстно состояніе нашей собственной литературы, неразъ подивится многимъ сходнымъ чертамъ, какія представляетъ настоящая эпоха умственнаго развитія двухъ сосѣдственныхъ народовъ сѣверной Европы.

Въ концѣ года, начинаетъ г. Ленстремъ, приводятся къ окончанію и къ общему итогу всякіе счеты, для обозрѣнія всѣхъ прибылей и потерь, для опредѣленія, что̀ сохранено изъ стараго и что̀ пріобрѣтено вновь. Такія повѣрки, въ большей части образованныхъ государствъ Европы, дѣлаются съ окончаніемъ года и въ отношеніи къ литературѣ. Онѣ являются въ видѣ *альманаховъ*, гдѣ какъ замѣчательные, такъ и незначительные писатели помѣщаютъ свои произведенія: эти книги свидѣтельствуютъ или только о томъ, какіе писатели дѣйствуютъ, или о томъ, цвѣтетъ ли поэтическая жизнь народа полнотою юношеской силы и свѣжести. Въ Швеціи, гдѣ поэзія и художества поощряются менѣе, нежели въ другихъ земляхъ, такіе альманахи выходятъ рѣдко, да если и выходятъ, то бываютъ наполнены почти всегда только первенцами весны, т. е. произведеніями едва начинающихъ или молодыхъ пи-

сателей. Старые, увѣнчанные сыны Аполлона, по большой части покоятся на лаврахъ, не заботясь о пѣсняхъ юнаго поколѣнія. Одни покоятся потому, что должностныя занятія вовлекли ихъ въ потокъ иной, вовсе не поэтической жизни—неизбѣжный эпилогъ литературной дѣятельности всякаго Шведскаго поэта, если онъ не хочетъ умереть подобно возвышенному Витàлису * Другіе отдыхаютъ потому, что въ нихъ жажда творчества убита природною лѣнью и безпечностью сѣвернаго жителя, или пресыщеннымъ честолюбіемъ, или хозяйственнымъ благосостояніемъ и т. п. Вторая причина скупости альманаховъ на зрѣлые плоды зрѣлыхъ пѣвцовъ скрывается въ томъ духѣ отчужденія или отдѣльности, которымъ заражена жизнь Шведскаго писателя. Минулъ еще годъ, вышелъ еще альманахъ. Эта книжка и была поводомъ къ нашей статьѣ; мы намѣрены обозрѣть поэтическую жатву какъ въ альманахѣ, такъ и внѣ его, и представить такимъ образомъ въ миніатюрной картинѣ рядъ сочинителей, нынѣ живущихъ въ Швеціи, и изъ которыхъ въ прошедшемъ году одни *пѣли*, а другіе *молчали* или *умолкли*.

1. *Кто молчалъ?*

Въ этомъ разрядѣ первое мѣсто занимаетъ, безъ сомнѣнія, *Тегнѐръ*; гòлоса его мы уже давно ждемъ, но не дождемся. Онъ знаетъ, что теперь поетъ ужъ не для

* Подъ симъ вымышленнымъ именемъ прославился своими стихотвореніями мечтательный *Шёбергъ* (Sjöberg), умершій почти въ нищетѣ.

одной Швеціи, но и для Европы—и молчитъ, унимая нетерпѣливые клики своихъ соотечественниковъ: *еще! еще!* богословскими поученіями, въ которыхъ однакожъ—сказать мимоходомъ—*поэтъ* частенько беретъ верхъ надъ ученымъ богословомъ. Не смотря на то, надѣемся, что сильный, ясный, увлекательный, возвышенный, живой, народный пѣвецъ снова подаритъ насъ когда-нибудь прекраснымъ произведеніемъ. Недавно Майергофъ познакомилъ Германцевъ съ его лирическими произведеніями: о нихъ одинъ Нѣмецкій рецензентъ говоритъ, что они доказываютъ богатое воображеніе и мастерское искуство въ исполненіи, но что сіи качества у него не соединяются съ равнымъ творчествомъ и съ глубокостью чувства, почему Тегнеру и удается лучше всего обработка историческихъ предметовъ.

Франценъ издалъ въ 1836 г. прелестную драматическую идиллію: *Лапландская дѣвушка*, которая только немного длинна; но послѣ того мы уже не слышали звуковъ его чистой, проникнутой чувствомъ, плѣнительной, кроткой идиллической музы. Ожидаемъ отъ него большой національной эпопеи: *Густавъ III Адольфъ*. Для Францена лирическій періодъ, кажется, уже прошелъ. Не многимъ дано писать и на старости прекрасныя стихотворенія въ этомъ родѣ, какъ удавалось наприм. незабвенному Гёте.

Безсмертный псалмистъ и витія *Валлинъ* не сочинилъ ничего въ послѣдніе годы, если исключить

помѣщенную въ послѣднихъ *Зимнихъ Цвѣтахъ* пьесу его о Вашингтонѣ, въ которой мѣстами видна высокая поэзія.

Гейеръ, издавъ свои сильныя, чисто-Шведскія, простыя, оригинальныя стихотворенія, кажется, заключилъ ими всѣ расчеты съ поэтическою стариной, и посвятилъ себя исключительно истолкованію первовременныхъ рунъ Саги. Имъ, можно сказать, замыкается рядъ Норманскихъ Скальдовъ: его *Викингъ* и *Послѣдній Скальдъ* едва ли найдутъ себѣ когда-нибудь братьевъ или родственниковъ, даже и въ потомствѣ могучаго пѣвца Асовъ, *Лингa* *, который въ цѣлыхъ томахъ рисуетъ жизнь Норманновъ, изображенную Гейеромъ на немногихъ страницахъ. Но честь и ему, пѣвцу воителей, живописцу сѣвера, съ кистію лирической поэзіи!

Валеріусъ не поетъ болѣе милыхъ пѣсень своихъ, которыхъ звуки никогда не умрутъ въ устахъ пирующихъ Скандинавовъ.

Все это *академики*; впрочемъ теперь ужъ пора разрушиться той Китайской стѣнѣ, которая прежде

* Лингъ, одинъ изъ замѣчательныхъ новѣйшихъ поэтовъ Шведскихъ, наиболѣе извѣстенъ эпическою поэмою: *Асы* (Скандинавскіе боги) въ 30 пѣсняхъ. Онъ получилъ за нее отъ Шведской академіи, безъ всякаго съ своей стороны домогательства, большую золотую медаль.

отдѣляла туземцевъ отъ Татаръ—Татаръ Словесности, какъ говоритъ Торильдъ *. Теперь этимъ именемъ должно означать только плохихъ пѣвцовъ, сидятъ ли они на нумерованныхъ или на ненумерованныхъ креслахъ. За симъ бросимъ взглядъ на *не-академиковъ*.

Отъ *Альмквиста*, остроумнѣйшаго изъ поэтовъ, явившихся въ послѣднее десятилѣтіе, ожидали въ прошломъ году новаго изданія чуднаго или лучше дивнаго произведенія его **, но ожидали тщетно.

Геніальный *Ливѝнъ*, авторъ *Пиковой дамы*, которая нѣсколько времени приводила въ восторгъ Нѣмцевъ и нравилась Французамъ, замолкъ.

Афцеліусъ, собиратель народныхъ пѣсень и сочинитель *пѣсни Нека*, думаетъ про себя: «пусть будетъ одинъ, да львёнокъ!»

Линдебергъ собралъ въ прошломъ году свои стихотворенія, вызванныя на свѣтъ и награжденныя

* Знаменитый ученый и писатель Шведскій, но посредственный поэтъ, умершій въ 1819 г. Слишкомъ смѣлымъ противоборствомъ духу и вкусу своего времени онъ навлекъ на себя немилость короля Густава III. Въ литературѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ и ревностнѣйшихъ враговъ классической школы, и особенно Леопольда.

** Собранія повѣстей подъ заглавіемъ: *Книга Шиповника* (Törnrosensbok.)

академіею: во многихъ изъ нихъ, что̀ ни утверждай голосъ партій, нельзя отвергать достоинства, особенно, когда на кудряхъ Музы не замѣтно академическаго инея.

Баронесса *Кнорринъ*, подаривъ публикѣ своихъ *Двоюродныхъ Братьевъ*, думаетъ, кажется, что общее и столь заслуженное вниманіе, съ которымъ эта книга была встрѣчена, смѣнилось холодностію. Напрасно! Съ ея несомнѣннымъ дарованіемъ, живописнымъ слогомъ, игривостію, рѣзвою граціей и умѣніемъ писать, право, не трудно снискать одобреніе всякаго и даже пасмурнаго Шведа.

Линдебладъ, надъ которымъ посредственный поэтъ и критикъ Руда совершилъ литературное убійство, одаренъ, безъ сомнѣнія, сильнымъ поэтическимъ талантомъ. Переставъ теперь безотчетно покланяться Тегнеридамъ, онъ конечно въ скоромъ времени услышитъ тѣ справедливыя похвалы, въ которыхъ такъ долго ему отказывали.

О. Р. читается, но до сихъ поръ еще не выходитъ изъ-подъ покрова своей таинственной безыменности, хотя уже всѣмъ и наскучилъ неразрѣшимый вопросъ: «кто такой О. Р.?»

Вадманъ, веселый старецъ, послѣдній изъ Бельмановскихъ пѣвцовъ на сѣверѣ, уснулъ навѣки, но

мы ужъ давно надѣемся, что его поэтическое *я* оживетъ въ какомъ нибудь неподложномъ изданіи.

Унге, неюмористическій юмористъ на Парнассѣ нашемъ, какъ видно, отдыхаетъ, для обновленія силъ. Онъ что-то смотритъ сѣвернымъ Жанъ-Полемъ.

Энгенстремъ бросилъ арфу и взялъ въ руки странничій посохъ для блага государственнаго хозяйства.

2. *Кто пѣлъ?*

Лирическіе поэты. Первымъ между ними должно здѣсь, по справедливости, назвать *Аттербома*, издавшаго нынѣ полное собраніе своихъ стихотвореній. Многіе изъ нихъ, еще за двадцать лѣтъ тому назадъ, снискали одобреніе образованныхъ Шведовъ, т. е. тѣхъ, которые понимали истинную поэзію и не принадлежали къ академіи. Что этотъ подарокъ, сдѣланный намъ, а вскорѣ, можетъ быть, доступный и иноземцамъ, былъ принятъ не слишкомъ благосклонно нѣкоторыми изъ критическихъ управъ, доказываетъ только или обаяніе судей ослѣпительнымъ духомъ партій, или неспособность ихъ къ вѣрной оцѣнкѣ. Если и согласиться, что въ поэзіи Аттербома есть недостатки, то все-таки было бы слишкомъ несправедливо отрицать богатство мыслей, чувствительность, эѳирную мечтательность, южно-роскошное воображеніе и другія качества у того, кто написалъ *Островъ блаженства*, *Цвѣты*, и

столько прекрасныхъ произведеній въ прозѣ. При всемъ томъ, его достоинствъ не умѣли оцѣнить, потому-что онъ, подобно Стагнеліусу, писалъ только для задушевныхъ друзей, которые, находясь на одной съ нимъ точкѣ образованія, смотрятъ на жизнь тѣми же глазами, какъ и онъ самъ. Мы сравнили его съ Стагнеліусомъ: сходство между ними простирается еще и далѣе. Аттербому свойственна въ полной мѣрѣ таже поэтическая, таинственная созерцательность, какою отличался пѣвецъ Владиміра, но въ ясности и, такъ сказать, прозрачности формъ послѣдній недостижимъ. Отсутствіе патріотизма и академическая сухость не позволили критикамъ отдѣлить въ Аттербомѣ поэта отъ политическаго писателя, и остроумнаго Шведскаго сочинителя отъ фосфориста *.

Лирикъ *Дальгренъ*, по справедливости одинъ изъ любимцевъ нашей націи, снискавшій заслуженную славу множествомъ удачныхъ стихотвореній, ни увеличилъ, ни уменьшилъ ея своими *пѣснями на пароходѣ*.

Беттигеръ, исполненный кротости, любви и теплоты, безыскуственный пѣвецъ, одинъ изъ первыхъ между нашими лириками и пишущими на случаи стихотворцами, показалъ въ своихъ новыхъ лирическихъ пѣсняхъ неутомимое совершенстованіе. Здѣсь

* См. Т. XIII. Современника, стран. 15-ю *перв. нумер.*

онъ въ первый разъ умѣлъ совладѣть съ избыткомъ своего чувства.

Никандеръ, приготовляющій собраніе своихъ стихотвореній, написалъ, какъ говорятъ, текстъ для коллекціи гравюръ и помѣстилъ въ нынѣшнихъ Зимнихъ Цвѣтахъ нѣсколько прелестныхъ пьесъ. Какъ все, что принадлежитъ ему, онѣ поражаютъ роскошью и красотой языка: признаки этаго достоинства замѣтны и въ его переводѣ Орлеанской дѣвы. Онъ, безъ сомнѣнія, стоитъ также въ ряду превосходнѣйшихъ лириковъ нашихъ.

Ингельманъ, годъ тому назадъ, получилъ отъ Шведской академіи премію за стихотвореніе: *Смерть Густава Адольфа*, которое не что иное, какъ сплетеніе напыщенныхъ фразъ и общихъ мыслей.

Стихотворенія *Брауна*, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ появленія, изданы вновь: это что-то необыкновенное въ Швеціи. Браунъ не безъ дарованія, но онъ могъ бы извлечь изъ него благороднѣйшіе плоды. Его поэзія бываетъ рѣдко поэзіей, живость его часто поддѣльна, шутки—тяжелы и неблагопристойны. Больно видѣть, съ какою жадностію невѣжественная толпа полу-образованныхъ бросается на его произведенія. Они тѣшатъ ее, но это удовольствіе конечно не облагораживаетъ души и образа мыслей, какъ всякая истинная поэзія, а только портитъ.

Унизительно поэту проповѣдывать, что жить значитъ пить, ѣсть, любить, въ самомъ низкомъ значеніи слова, и т. п. Браунъ, этимъ жалкимъ воззрѣніемъ на міръ, напоминаетъ Англичанина Мѣрріета (Marryat), котораго романы должны непремѣнно вредить нравственности. Поэтому, любя добро, нельзя не желать г. Брауну нпаго, кромѣ достиженія высшаго образованія, прежде-нежели онъ появится вновь передъ читателями.

Въ Зимнихъ Цвѣтахъ выступилъ въ первый разъ на литературное поприще *Гёрансонъ*. Онъ помѣстилъ тамъ *Послѣднее приключеніе Донъ-Жуана* и еще нѣсколько пьесъ, которыя всѣ доказываютъ талантъ, возвышенный надъ посредственностію. Въ названномъ стихотвореніи Донъ-Жуанъ впервые влюбляется дѣйствительно, и гибнетъ отъ любви, чтобы въ царствѣ смерти увидѣть дѣву, которой образъ онъ обнималъ на землѣ. Такъ любовь, бывшая его жизнью, становится и причиною смерти его. Мысль глубоко-поэтическая.

Сочинители идиллій, романовъ и повѣстей. Рунебергъ, простодушный пѣвецъ *Стрѣлковъ оленей*, дополнилъ эту прелестную идиллическую поэму *Ганной*, гдѣ открывается новая свѣтлая сторона его таланта.

Первое мѣсто между романистами Швеціи занимаетъ дѣвица *Бремеръ*, которой послѣдній романъ *Сосѣди* имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Счастлива

земля, гдѣ есть такія писательницы! Не только дѣйствуютъ онѣ на эстетическое образованіе народа; вліяніе ихъ обширнѣе: онѣ положительно дѣйствуютъ на нравственность. Закрывая книгу такаго, и остроумнаго и непорочнаго, автора, кто не почувствуетъ себя хотя нѣсколько исправленнымъ, примиреннымъ съ жизнью, въ которой, и среди превратностей, такъ много прекраснаго! Желаю отъ души, чтобы на книжной полкѣ моей у *Сосѣдей* очутились, какъ можно скорѣе, сосѣди изъ семейства той же умной, ангельски-доброй сочинительницы.

Вотъ единственный оригинальный романъ, вышедшій въ прошломъ году. Появилось еще нѣсколько оригинальныхъ повѣстей, наприм. *Ничто*, въ Шведской Библіотекѣ для чтенія, смѣсь изрѣдка мелькающей живости и постоянно видимой изысканности, и другія; но все это, вѣроятно, одни приготовленія къ важнѣйшимъ трудамъ. *Меллінъ*, въ своихъ *Зимнихъ Цвѣтахъ*, помѣстилъ опять прелестную повѣсть: онъ удостоился недавно чести видѣть многія изъ своихъ произведеній въ Нѣмецкомъ переводѣ.

Драматики. Область драмы въ Швеціи до сихъ поръ походила на безплодную степь, гдѣ было только два рода растеній: тернія Шведскаго произхожденія и восковые цвѣты на французскій манеръ. Теперь, слава Богу, *Бѣсковъ* засѣялъ эту землю воспоминаніями временъ Эрика XIV и Фолькунговъ, тогда-какъ

Альмквистъ съ другой стороны оплодотворилъ ее семенами, взятыми не изъ стихотворной Хроники *, а изъ обильнаго источника творчества, и эти семена произвели растенія, достойныя юга. *Бесковъ* издалъ недавно вторую часть своихъ *Драматическихъ Опытовъ*, которыхъ первую часть знаменитый Эленшлегеръ перевелъ недавно на Датскій языкъ. Биргеръ и родъ его представляютъ въ Шведской исторіи столь же занимательное зрѣлище, какъ и Торкель Кнутсонъ. Нужно много вкуса, поэтической воспріемлемости и знанія театра, чтобы изъ матеріала столь скуднаго, какова стихотворная Хроника, создать прелестную и увлекательную драму. При всемъ томъ, если бъ разобрать строго эти произведенія и держаться совершеннаго безпристрастія, то можно бы сказать на счетъ ихъ много дѣльныхъ замѣчаній.

Въ новыхъ драматическихъ трудахъ *Гранберга*, которыхъ предметы заимствованы также изъ исторіи, нѣтъ ни запаха, ни вкуса.

Въ теченіе года изданы вновь народныя пѣсни, и сочиненія Бельмана, Чельгрена, Стагнеліуса, Шернъельма, Густава III и другихъ: такимъ образомъ вскорѣ мы будемъ имѣть въ дешевыхъ изданіяхъ труды всѣхъ замѣчательнѣйшихъ изъ умершихъ писателей Швеціи.

* Сборника, написаннаго Карломъ IX.

Переводы все еще наводняютъ нашу литературу и, останавливая полное развитіе народности, угрожаютъ ей совершеннымъ истребленіемъ, если настоящее состояніе продлится. Оригинальные сочинители составляли всегда одно изъ бѣднѣйшихъ сословій въ Швеціи; теперь же грошовыя изданія такъ избаловали публику, что наши собственныя, болѣе дѣльныя, книги, которыхъ нельзя продавать слишкомъ дешево, затрудняются въ сбытѣ. Между-тѣмъ переводческое мастерство подвинулось въ Швеціи очень далеко и совершенствуется съ каждымъ годомъ. Впрочемъ здѣсь рѣчь идетъ только о переводахъ сочиненій въ прозѣ: не многимъ далось искуство переlагать стихотворныя произведенія. На такіе переводы мы не стали бы возставать. Напротивъ того, въ области Европейской поэзіи есть множество сокровищъ, которыми мы бы совѣтовали обогатить нашу словесность. Но — или у насъ нѣтъ умѣнья выбирать, нѣтъ стихотворческаго искуства, поэтическаго чутья, или, что вѣроятнѣе, у насъ нѣтъ легкаго сбыта.

Изъ этаго обзора видно, что мы въ настоящее время не ощущаемъ недостатка ни въ хорошихъ писателяхъ, ни въ надеждахъ на блистательное развитіе многихъ начинающихъ. При всемъ томъ, литература наша далека отъ цвѣтущаго состоянія. Унасъ лежатъ еще нетропутыми цѣлые поэтическіе рудники; есть и такіе роды поэзіи, по которымъ почти ничего еще не сдѣлано.

Примѣчаніе. Во время печатанія этой статьи дошло до насъ извѣстіе о недавней кончинѣ однаго изъ упоминаемыхъ въ ней писателей. $\frac{26\ \text{Генваря,}}{7\ \text{Февраля,}}$ нынѣшняго года, умеръ въ Швеціи поэтъ *Никандеръ* (см. выше стран. 14), родившійся 20 марта н. с. 1799. Вотъ что пишутъ о немъ: «Получивъ въ 1824 году степень магистра философіи онъ принужденъ былъ безпрестанно бороться съ трудными обстоятельствами. Только вспоможеніе со стороны Кронпринца и Шведской академіи доставило ему средства къ путешествію, которому мы обязаны прекрасными *Воспоминаніями о югѣ* и *Гесперидами*. Никандеръ служилъ нѣсколько лѣтъ канцеляристомъ въ королевской канцеляріи и потомъ копіистомъ въ военной экспедиціи; но въ послѣдніе годы не несъ никакой службы и жилъ только платою за проданное имъ право изданія своихъ сочиненій. Изъ нихъ послѣднимъ было: *Левъ въ пустынѣ*. Одинъ изъ короткихъ знакомыхъ покойнаго говоритъ о немъ слѣдующее: «Все прекрасное въ природѣ и въ искуствахъ, всеблагородное въ словахъ и въ поступкахъ такъ сильно дѣйствовало на него, что онъ часто заливался слезами. Онъ бывалъ совершенно счастливъ, когда могъ въ ясный лѣтній день гулять съ немногими истинными друзьями по окрестностямъ Стокгольма. Тогда онъ нерѣдко чувствовалъ вдохновеніе, и читалъ свои собственные стихи съ увлекательнымъ жаромъ. Онъ видѣлъ въ каждомъ артистѣ друга; неизмѣнно преданный тѣмъ, съ которыми сблизился въ Римѣ, онъ столь же искренно привязывался и къ молодымъ та-

лантамъ, радовавшимъ его своими успѣхами. — — — При обширной начитанности, особенно въ новѣйшей литературѣ, Никандеръ любилъ страстно и древнихъ писателей. Болѣе всѣхъ нравился ему Сенека, изъ котораго онъ иногда приводилъ изреченія. Рано познакомился онъ съ новыми поэтами, и преимущественно съ Итальянскими. Языкомъ Петрарки и Данта владѣлъ онъ до такой степени, что написалъ въ Римѣ нѣсколько Итальянскихъ стихотвореній, заслужившихъ общее одобреніе. Какъ художникъ, Никандеръ достигъ полнаго развитія и зрѣлости. Онъ такъ хорошо изучилъ форму, что всѣ его произведенія кажутся вылитыми съ однаго разу, столько же въ отношеніи къ языку и гармоническому построенію стиха, сколько и въ отношеніи къ самому предмету. Прекраснѣйшіе Шведскіе сонеты принадлежатъ Никандеру Всѣ его стихотворенія проникнуты нѣжнымъ и теплымъ чувствомъ. Ихъ неподдѣльная красота и чистая цѣль доставили навсегда его имени почетное мѣсто въ Шведской Литературѣ. »

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Исторія Смутнаго Времени въ Россіи *въ началѣ XVII вѣка. Сенатора* Д. Бутурлина. *Часть первая. Въ б.* 8, *стран.* 278 *и* 128.

Повѣствованіе раздѣлено въ изданной теперь первой части на двѣ книги: съ 1584 до 1605 и съ 1605 до 1606 г. При концѣ сочиненія помѣщены слѣдующія приложенія. 1) Указъ Царя Ѳеодора Іоанновича о пятилѣтней давности и отысканіи бѣглыхъ крестьянъ; 2) Его же указъ о холопяхъ крѣпостныхъ и кабальныхъ; 3) Грамота утвержденная объ избраніи Царемъ Бориса Ѳеодоровича Годунова; 4) Указъ Царя Бориса Ѳеодоровича объ изъятіи отъ запрещенія перехода крестьянъ; 5) Запись Лжедимитрія Гришки Отрепьева, данная

Юрью Мнишкѣ о бракосочетаніи съ дочерью его Мариною и о предоставленіи ей государствъ Новгородскаго и Псковскаго; 6) Грамота Лжедимитрія Отрепьева, данная Юрью Мнишкѣ на уступку ему и Польской коронѣ Смоленской и Сѣверской Земли; 7) Грамота Лжедимитрія къ Московскимъ обывателямъ о правахъ его на престолъ Россійскій; 8) Грамота Лжедимитрія Отрепьева въ Пелымъ о восшествіи его на Всероссійскій престолъ; 9) Окружная Грамота Лжедимитрія къ Сибирскимъ воеводамъ о приводѣ ему къ присягѣ всякаго званія людей, съ приложеніемъ образца присяги; 10) Роспись Московскимъ Сенаторамъ: Совѣтъ его Цесарской милости *(Лжедимитрія)* .духовныхъ и свѣтскихъ персонъ; 11) Боярскій приговоръ о бѣглыхъ крестьянахъ (при Самозванцѣ); 12) Письмо Короля Сигизмунда III къ Самозванцу Отрепьеву, привезенное паномъ Гонсѣвскимъ; 13) Наказъ, данный отъ Лжедимитрія Отрепьева Папскому посланнику графу Рангони для донесенія Польскому Королю; 14) Роспись подаркамъ, врученнымъ Власьевымъ въ Краковѣ Маринѣ Мнишковой и ея отцу; 15) Грамота Царя Василія Іоанновича въ Пермь Великую о восшествіи его на престолъ съ приложеніемъ двухъ подкрестныхъ записей; 16) Окружная Грамота отъ Царицы Маѳеы Ѳеодоровны къ воеводамъ Сибирскихъ городовъ о убіеніи Лжедимитрія и о избраніи Царя Василія Іоанновича; 17) Походъ Московскаго Царя Димитрія въ Москву съ Юріемъ Мнишкомъ Воеводою Сендомирскимъ и прочимъ рыцарствомъ 1604 г.

Разсматриваемое сочиненіе принадлежитъ къ числу тѣхъ явленій литературы, которыя дѣйствительно украшаютъ ее и никогда не лишаются цѣны своей. Историкъ, съ достоинствомъ исполняющій долгъ свой, питаетъ любознательность нашу, останавливаетъ вниманіе на самыхъ поучительныхъ явленіяхъ народной жизни и становится посредникомъ между предками и потомствомъ. Въ его чистомъ убѣжденіи есть польза, которой нельзя отвергнуть, даже оспаривая по-частямъ выводы разысканій его. Онъ всегда останется представителемъ истины съ той точки зрѣнія, которой не избралъ произвольно. Авторъ, о которомъ мы говоримъ, ведетъ свой разсказъ со всею ясностію и отчетливостію человѣка, изучившаго предварительно эпоху; онъ не примѣшиваетъ ничего чуждаго главному дѣлу и не развлекается суетными предположеніями. Приведенныя имъ приложенія и указанія на источники служатъ неоспоримымъ подтвержденіемъ того, что онъ не могъ иначе говорить, какъ съ убѣжденіемъ. Въ его языкѣ, подобно какъ и въ тонѣ повѣствованія, отпечатлѣлась важная простота, всегдашній признакъ мышленія хладнокровнаго и непзмѣнчиваго.

2. Повѣствованіе о Россіи. *Составлено* Н. С. Арцыбышевымъ. *Два тома. Въ* 4; 1148 *стран.*

Лѣтописи, Сказанія и другіе письменные памятники служили главнымъ основаніемъ сего повѣствованія. Г. Арцыбышевъ не отступалъ отъ порядка своихъ

источниковъ даже въ размѣщеніи предметовъ. Онъ ведетъ разсказъ изъ году въ годъ, удерживая во всемъ систему Лѣтописей. Онъ только свелъ свои матеріалы въ одно цѣлое, отстранилъ повторенія, противорѣчія и другія несообразности — и переложилъ очищенный такимъ образомъ текстъ на нынѣшнее Русское нарѣчіе. Его книга есть новаго рода Лѣтопись, полная, провѣренная и облеченная въ ученое единство. Она въ изданныхъ двухъ томахъ доведена до 1584 года.

3. Акты Юридическіе, *или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства. Изданы* Археографическою Коммиссіею. *Въ* 4; *стран: VII*, 4, 465 *и* 23.

Ни одна отрасль учености не образуется изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, какъ исторія въ обширномъ смыслѣ. Все, что касается до народа въ его гражданскомъ быту, съ религіозной, моральной, умственной и даже физической стороны, все необходимо должно быть изслѣдовано для успѣховъ исторіи. Наше Правительство, неусыпно пекущееся о совершенствованіи важнѣйшей изъ наукъ, обратило въ нынѣшнюю эпоху все свое вниманіе на пособія отечественной исторіи. Передъ нами уже красуются эти безцѣнные памятники его просвѣщенной дѣятельности. Разсматривая книга относится къ тому же разряду. Никогда частный человѣкъ не въ силахъ былъ бы совершить такаго предпріятія. Юридическихъ старинныхъ актовъ здѣсь напечатано числомъ 648. По

содержанію своему они раздѣлены ни 12 видовъ. Самый обильный изъ нихъ вилъ называется: *Грамоты, Записи* и *Памяти*. Въ хронологическомъ порядкѣ они идутъ съ 1425 по 1705 годъ. И такъ три четверти XV, все XVI и XVII столѣт. получили для историка, филолога, правовѣда, литератора и вообще для всякаго ученаго изыскателя живую физіономію; жизнь общественная и семейная разцвѣчена; характеръ отношеній гражданскихъ объясненъ.

4. Указатель къ Актамъ Археографической Экспедиціи. *Въ* 4; 128 *стр.*

Въ 1836 году Археографическая Коммиссія издала четыре тома *историческихъ актовъ* Экспедиціи, которой поручено было собраніе по разнымъ мѣстамъ Россіи любопытнѣйшихъ памятниковъ древней письменности. Чтобы удобнѣе можно было пользоваться этими книгами, она теперь составила къ нимъ указатель, заключающій: *имена личныя, названія географическія* и *примѣчательные предметы.*

5. Сборникъ Князя Оболенскаго. *Въ* 8, *стран.* 382.

Частные люди спѣшатъ содѣйствовать осуществленію прекрасной идеи, выражающейся столь блистательно въ благотворительныхъ дѣйствіяхъ Правительства относительно успѣховъ Русской исторіи. Никогда еще не являлось вдругъ столько существенныхъ матеріаловъ въ пособіе отечественному бытописателю, какъ

въ наше время. Князь Оболенскій въ изданной теперь книгѣ напечаталъ слѣдующіе акты: 1. Книгу Посольскую Великаго Княжества Литовскаго; 2. Отвѣты Литовскихъ Пословъ Московскимъ Думнымъ Боярамъ; 3. Слѣдственное дѣло Максима Грека; 4. Отрывокъ слѣдственнаго дѣла о неплодіи В. К. Соломоніи Юрьевны; 5. Дневникъ Литовскихъ Пословъ, Сбаражскаго и Шимковича; 6. О побѣгѣ изъ Москвы Князя Рязанскаго, 1521 г.; 7. Грамоту Царя Бориса; 8. Наказъ Сигизмунда III-го Сапегѣ, Варшицкому и Пельгримовскому (на Польск. яз.); 9. Грамоту Тушинскаго Самозванца къ Смольянамъ; 10. Посольское донесеніе Льва Буховецкаго о посольствѣ его къ Іоанну Грозному въ 1576 г. Свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ этихъ бумагъ, касаются періода любопытнѣйшаго въ нашей исторіи; отъ чего ихъ появленіе въ свѣтъ становится еще важнѣе.

6. Русскій Историческій Сборникъ, *издаваемый Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Редакторъ* профессоръ Погодинъ. *Въ* 8; *въ I томѣ стран: IV и* 522; *во II* 438 *и XXIV. Съ рисунками и снимками почерковъ.*

Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ дѣятельно стремится къ достиженію прекрасной цѣли своей. Со времени основанія своего въ 1804 году, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, сколько напечатало оно любопытнѣйшихъ историческихъ изы-

сканій и древнихъ памятниковъ нашей литературы! Оно, своимъ рвеніемъ и неусыпными трудами, животворило и благотворно направляло дѣятельность какъ предшествовавшаго, такъ и новаго поколѣнія нашихъ ученыхъ по части Русской исторіи. Въ изданныхъ теперь двухъ томахъ его Сборника помѣщены: 1. Пути сообщенія въ древней Россіи и 2. Историческая система, статьи покойнаго *Ходаковскаго;* 3. О признакахъ древняго быта и 4. Камняхъ, найденныхъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, *Ѳ. Н. Глинки*; 5. О послѣднихъ историческихъ толкахъ и 6. О договорахъ Русскихъ Князей Олега, Игоря и Святослава, статьи *М. П. Погодина;* 7. О значеніи слова Русь въ нашихъ лѣтописяхъ, г. *Ѳедотова;* 8. О вирахъ у Россіянъ X и XI стол., священника М. *Діева*; 9. О поединкахъ въ Россіи вообще, и въ особенности о судебныхъ, *К. Ѳ. Калайдовича;* 10. Объ иконномъ портретѣ В. К. Василія Іоанновича IV, г. *Снегирева*. Прочія статьи этаго разряда менѣе занимательны. Вотъ еще новые историческіе акты, доставленные въ Сборникъ г. *Ивановымъ:* 1. Дѣло о попѣ Нестерѣ, изъ эпохи междоцарствія (неконченное); 2. Наказъ Воеводамъ, отправленнымъ въ Новгородъ 1617 г.; 3—16. Дѣла по мѣстничеству съ 1579 по 1629 г.; 17. Записка о Московскомъ пожарѣ 1626 г.

7. Галлерея видовъ города Пскова *и его окрестностей, снятыхъ, съ натуры, издаваемая Псков-*

скимъ Губернскимъ Землемѣромъ Ивановымъ. *Ч. I. и II. Во* 2; *всего восемь видовъ.*

На прекрасное и у насъ совершенно еще новое предпріятіе г. *Иванова* мы смотримъ какъ на ученый трудъ, который онъ исполняетъ со всею заманчивостію художника. Псковъ и его окрестности—классическія мѣста въ древней исторіи нашей. Не только прелестію видовъ, они высокимъ своимъ значеніемъ въ Лѣтописяхъ нашихъ достойны вниманія соотечественниковъ. Художникъ сочеталъ эти двѣ идеи и осуществляетъ ихъ достойнымъ образомъ. При каждомъ видѣ вы находите его исторію, сжатую, но полную жизни и занимательности. Мы увѣрены, что названіе изображенныхъ имъ предметовъ любопытно будетъ для каждаго изъ нашихъ читателей. Вотъ они: 1. *Псковъ* съ югозападной стороны съ изображеніемъ крестнаго хода, возвращающагося въ Печерскій монастырь; 2. *Изборскъ*, основанный въ VII в., столица Князей Россійскихъ, съ могилою Князя Трурора; 3. *Проломъ* Короля Стефана Баторія, сдѣланный въ Псковской городовой стѣнѣ 1581 года; 4. *Святогорскій монастырь*, основанный въ 1561 году, съ изображеніемъ могилы А. С. Пушкина; 5. *Мирожскій монастырь* и церковь Преображенія, существующая съ основанія своего Архіепископомъ Нифонтомъ въ 1156 году, и Губернская гимназія; 6. *Печерскій монастырь*, огражденный каменною стѣною въ 1565 году, съ церковью Успенія П. Б., выкопанною въ горѣ, 1523 г.; 7. *Снѣ-*

тогорскій монастырь, основанный въ 1312 г., съ церковью Рождества Богородицы; *Сельцо Михайловское*, А. С. Пушкина, состоящее въ Опочецкомъ уѣздѣ, отъ Святогорскаго монастыря въ 3-хъ верстахъ. Послѣ исчисленія сихъ видовъ мы ничего не смѣемъ прибавить, что̀ бы еще могло сильнѣе возбудить и участіе и вниманіе. Вописаніи сельца Михайловскаго, гдѣ получили жизнь лучшія созданія изъ произведеній нашей литературы, мы встрѣтили нѣсколько подробностей о жизни поэта, истинно безцѣнныхъ и умилительныхъ.

*

8. Сто Русскихъ Литераторовъ. *Томъ первый (содержащій пьесы десяти авторовъ). Въ 8; стран. IX и 830. Съ гравированными портретами и картинками.*

«Съ давняго времени (говоритъ издатель, книго-«продавецъ Смирдинъ) имѣлъ я намѣреніе собрать са-«мые вѣрные портреты извѣстнѣйшихъ современныхъ «литераторовъ Русскихъ, и издать это собраніе въ «свѣтъ.» Послѣ издатель предположилъ коллекціи портретовъ придать видъ книги, и потому напечаталъ при нихъ по одной статьѣ каждаго изъ авторовъ, имъ избранныхъ. Мы находимъ послѣднее его соображеніе несовсѣмъ удачнымъ. Статьи напечатаны; но *книги* изъ нихъ не вышло. Книга предполагаетъ какое-нибудь единство — или предмета, или цѣли сочиненія. А здѣсь мы видимъ статьи, безъ всякаго между со-

бою отношенія. Если бы изданіе могло по крайней мѣрѣ служить *Современною Хрестоматіею*, оно походило бы на книгу. Но въ теперешнемъ своемъ видѣ, подобно *Новоселью*, или одному тому *Библіотеки для Чтенія*, оно не представляетъ ничего цѣлаго. Что сказали бы о художникѣ, который, представивъ коллекцію портретовъ, вздумалъ бы, на память физіономіи, нарисовать подлѣ каждаго лица или сапогъ, или перчатку, или палку—вещи, очень любопытныя, когда онѣ образуютъ полный костюмъ исторической особы, но ничего незначущія по-одиначкѣ? Отдѣльныя статьи авторовъ, здѣсь представленныхъ, еще печатаются, или были уже печатаемы въ *Библіотекѣ для Чтенія*. По чему бы тамъ не прикладывать этихъ же портретовъ, что обошлось бы гораздо съ меньшими издержками, а первое желаніе издателя равнымъ образомъ было бы исполнено? Мы не находимъ особенной надобности говорить о статьяхъ; потому-что ни одинъ изъ *извѣстнѣйшихъ* (какъ называетъ ихъ книгопродавецъ) авторовъ не вышелъ здѣсь изъ своей давно знакомой намъ сферы.

9. Одесскій Альманахъ *на* 1839 *годъ*. *Въ* 16; *стран*. 618.

Явленіе Альманаха въ Одессѣ гораздо пріятнѣе, нежели явленіе подобнаго сборника въ столицѣ. Тамъ для литераторовъ болѣе необходимо сосредоточеніе, нежели здѣсь. Въ центрѣ всѣхъ удобствъ и пособій для человѣка, ищущаго образованности, вліяніе литератур-

ныхъ лицъ незамѣтно; но въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ этаго центра соединенныя силы просвѣщеннѣйшихъ людей видимо подвигаютъ образованность цѣлой области. Здѣсь болѣе замѣтно охоты судить, а тамъ подражать. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ перечитали статьи Одесскаго Альманаха, касающіяся прямо Новороссійскаго края. Предметы общіе обработаны большею частію литераторами двухъ нашихъ столицъ. Но спеціальные взгляды на природу, исторію, топографію и нравы Новороссіи изложены особами туземными. Ихъ труды по-справедливости можно назвать пріобрѣтеніемъ Русской Литературы. Если бы близъ каждой оконечности обширнаго Отечества нашего, въ городахъ, болѣе людныхъ, являлось ежегодно хотя по одной книгѣ, посвященной исключительно изслѣдованію мѣстности и общежитія, мы скоро яснѣе бы начали видѣть свои преимущества передъ другими націями.

10. Украинскій Сборникъ, *И. Срезневскаго. Книжка I. Наталка Полтавка, Малороссійская опера* И. Котляревскаго. *Въ* 8; *стран,* 88.

Книжная національная Литература Малороссіи ведетъ свое начало отъ Котляревскаго. Онъ первый воспользовался истиннымъ юморомъ Малороссійскаго народа и языка его—и положилъ эту стихію основаніемъ тамошней словесности. Предпріятіе г. Срезневскаго—собрать постепенно цѣлую, такъ сказать, библіотеку сочиненій, писанныхъ на Малороссійскомъ языкѣ, безъ

сомнѣнія прекрасно; только оно ведетъ къ достиженію частной цѣли, и такимъ образомъ его труды будутъ имѣть цѣну относительную. Языкъ Малороссійской, какъ всякое провинціальное нарѣчіе, не привлекаетъ къ себѣ даже въ Малороссіи всѣхъ классовъ жителей. Высшія сословія, болѣе образованныя и слѣдственно требующія для умственныхъ занятій обширнѣйшаго горизонта, не будутъ раздѣлять стремленія литераторовъ къ изображенію той жизни, которая веселитъ ихъ какъ шуточное представленіе, а не занимаетъ какъ дѣйствительность. Впрочемъ сохраненіе того, что уже принадлежитъ литературѣ края, во всякомъ случаѣ достойно трудовъ—и останется любопытнымъ памятникомъ существованія талантовъ.

*

Стихотворенія, появившіяся отдѣльными книжками въ теченіе первой четверти нынѣшняго года, такъ незанимательны, такъ слабы или безцвѣтны, что странно было бы подвергать ихъ серьёзному разбору, а шутить надъ ними скучно. Мы представляемъ только ихъ заглавія.

11. Радостная встрѣча *новаго* 1839 *года*, *благоденствующимъ Россіянамъ*. *Сочиненіе* Александра Орлова. *Въ* 16, *стран.* 16.

12. Блины. *Стихотвореніе*. И. Д. *Въ* 32, *стран.* 35.

13. Вечеръ въ клубѣ. *Шуточный разсказъ въ стихахъ*. *Соч.* А. К. *Въ* 12, *стран.* 42.

14. Стихотворенія Веронова. *Въ* 16, *стран.* 209.

15. Полина, *романъ въ стихахъ* (*Первыя три главы*). *Въ* 16, *стран.* 69.

16. Стихотворенія П. Праволамскаго. *Въ* 8, *стран.* 108.

17. Стихи, Поэтъ и Мулла. *Сочиненіе* Стахія Краснова. *Въ* 12, *стран.* 21.

18. Симоновъ монастырь. *Стихотвореніе*. *Въ* 8, *стран.* 3.

*

19. Очерки большаго свѣта. *Сочиненіе* Ясновидящей. *Въ* 8, *стран: V и* 205.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны двѣ повѣсти. Авторъ не напрасно назвалъ ихъ Очерками большаго свѣта, который съ такимъ упрямствомъ не поддается Русскимъ раскащикамъ. Черты общества, которое мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ въ слѣдствіе особенностей воспитанія, привычекъ, образованности и самой моды, эти черты надобно близко и внимательно разсмотрѣть, чтобы вѣрно передать ихъ послѣ въ разговорѣ или въ какомъ-нибудь дѣйствіи выводимыхъ въ повѣсти лицъ, чтобы не слить ихъ съ общими чертами жизни. Еще надобно получить отъ природы счастливую воспріемлемость чувствованій и ума, чтобы наблюденія наши хранимы были въ душѣ неизмѣнными и проникнутыми жизни до той минуты,

когда дойдетъ дѣло до ихъ осуществленія. Вотъ по-
чему писатели безъ таланта, подражая природѣ и ду-
мая, что схватили ее во всей точности, только дразнятъ
ее или даже лгутъ на нее. Соображая самые легкіе
оттѣнки поступковъ или рѣчей въ *Очеркахъ большаго
свѣта*, нельзя не удивляться, до какой степени худож-
никъ можетъ сдѣлаться вѣрнымъ изображаемой жизни
и обольстительнымъ въ созданіяхъ своихъ. Если авторъ
когда-нибудь представитъ намъ полную картину сво-
ихъ наблюденій и внесетъ въ ея раму болѣе положе-
ній и страстей, безъ сомнѣнія на его книгу мы бу-
демъ смотрѣть какъ на уставъ свѣтскаго языка и на
образецъ свѣтскихъ красокъ.

20. Басурманъ. *Сочиненіе* И. Лажечникова. *Четыре
части. Въ* 12; *въ I-ой* 247, *во II-ой* 243, *въ III-ей*
274, *въ IV-ой* 286 *стран.*

Романъ, не только занимательный, какъ всякое
прекрасно соображенное повѣствованіе, но и любопыт-
ный по множеству историческихъ подробностей, для
которыхъ авторъ такъ изучилъ избранную имъ эпоху.

Къ сожалѣнію, все прекрасное въ этомъ разрядѣ
сочиненій только и ограничивается разсмотрѣнными
нами двумя книгами. Слѣдующіе романы ниже по
средственности.

21. Фра-Діаволо, *или Послѣдніе годы Венеціи. Ис-
торическій романъ. Сочиненіе* Р. Зотова. *Четыре
части. Въ* 16; *стран:* 298, 305, 342 *и* 251.

22. Владиміръ и Юлія, *или любовь дѣвушки въ шестнадцать лѣтъ. Романъ. Сочиненіе* Ѳедора К. с. р. на. *Двѣ части. Въ* 12; *стран:* 219 *и* 230.

23. Цыганка. *Романъ. Сочиненіе* Ѳ. Миллера. *Три части. Въ* 12; *стран:* 143, 140 *и* 147.

*

24. Разстроенное Сватовство, *или Горе отъ ума и горе безъ ума. Комедія въ* 3-*хъ дѣйствіяхъ.* А. Ѳедосѣева. *Въ* 8; 136 *стран.*

25. Пріѣздъ жениха, *или Святочный вечеръ въ купеческомъ домѣ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Въ* 12; 60 *стран.*

26. Сватъ въ новомъ родѣ, *или Поѣздка въ Парголово. Шутка-водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ* 16; 68 *стран.*

Все это невинныя шутки надъ вкусомъ и взыскательностію драматическаго искуства.

*

Гораздо утѣшительнѣе было отдѣленіе прозы, какъ ее называли, *академической*. Молодые таланты на педагогическомъ поприщѣ, блестящемъ и столь справедливо уважаемомъ въ нашемъ отечествѣ, обогатили разныя отрасли учености остроумными и увле-

кательными взглядами, основательными и глубокими изслѣдованіями. Высочайше утвержденное постановленіе, чтобы профессорскія должности предоставляемы были только лицамъ, удостоеннымъ ученой степени доктора, безпрерывно вызываетъ юное поколѣніе на мирные, но достоставные подвиги знанія. Мы съ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей нашихъ на эти счастливые опыты, на эти отрадныя надежды ученаго сословія.

27. *Критическія изслѣдованія объ* Основаніяхъ Статистики. В. Порошина. *Въ* 8; 52 *стран.*

Главная мысль автора состоитъ въ томъ, чтобы Статистику вывести изъ ея шаткаго положенія, въ которомъ она, не поддерживаясь основными законами науки, безпрестанно подвергается измѣненіямъ и прихоти взглядовъ. Сочинитель этаго достигнулъ съ совершеннымъ успѣхомъ.

28. О развитіи изящнаго *въ искусствахъ и особенно въ Словесности. Разсужденіе, писанное на степень Доктора Философскаго Факультета* Михаиломъ Розбергомъ. *Въ* 8; 67 *стран.*

29. *Историческое изложеніе Русскаго законодательства о* Наслѣдствѣ. *Сочиненіе* Николая Рождественскаго. *Въ* 8; 90 *стран.*

30. *Изслѣдованіе вопроса: Какое мѣсто въ Русской Исторіи должно занимать* Великое Княже-

ство Литовское? *Сочиненіе* Н. Устрялова, *читанное на торжественномъ актѣ, въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, 30 декабря 1838 г. Въ 8; 42 стран.*

31. *Изслѣдованіе началъ* Внѣшняго государственнаго права, *или объясненіе свойствъ взаимныхъ отношеній государствъ; сочиненіе* Николая Безобразова, *написанное для полученія степени Магистра Правовѣдѣнія.*

32. *Разсужденіе* о ересяхъ и расколахъ, *бывшихъ въ Русской церкви со времени Владиміра Великаго до Іоанна Грознаго. Соч. студентомъ Моск. Дух. Ак.* Николаемъ Рудневымъ *по предложенію Канцлера Графа Румянцева. Въ 8; стран. 292, 69 и VIII.*

33. *Историческое значеніе и личный характеръ* Димитрія Іоанновича Донскаго. *Соч.* Николая Савельева. *Въ 8; стран. 30.*

Разнообразіе вопросовъ, важность ихъ для человѣка мыслящаго и любознательнаго, рѣшеніе обдуманное, и самое изложеніе, въ которое введены пріятности общежительнаго языка—все это вмѣстѣ образуетъ изъ представленныхъ нами брошюръ явленіе, достойное нашего взыскательнаго вѣка.

Менѣе спеціальная, но равно съ предыдущими замѣчательная брошюра

34. *Совершенствованіе человѣка въ* истинѣ *соч.* П. Д. Маркелова, *въ* 12, *стран.* 32,

представляетъ высокія моральныя мысли. Насъ изумила разность впечатлѣній, остающихся въ сердцѣ при одномъ и томъ же явленіи. «Сочиненіе г. Мар-«келова (отозвался кто-то печатно) прочитали мы съ «сердечнымъ наслажденіемъ. Это капля воды на из-«сыхающее отъ жажды сердце человѣческое. Почтен-«ный авторъ бесѣдуетъ въ духѣ кроткаго друга, а не «строгаго догматика. Желаемъ, чтобы поскорѣе яви-«лись послѣдующія книжки его сочиненія. Пусть «вспомнитъ онъ, что и на голосъ вопіявшаго въ пусты-«нѣ все-таки приходили, хоть немногіе, избранные.» Въ это же время другой произноситъ: *Брошюрка г. Маркелова очень красиво напечатана; но мы* ровно ничего *въ ней не понимаемъ.*

*

Нельзя сказать, чтобы современная литература наша скудна была *учебными книгами*, особенно сочиненіями, назначаемыми для *дѣтскаго чтенія*. Исчисленіе новыхъ произведеній, явившихся по этимъ двумъ частямъ, можетъ порадовать заботливыхъ наставниковъ и родителей. Но мы не измѣряемъ успѣховъ литературы массами новыхъ книгъ. Произведеній безталантныхъ, компиляцій и особенно заказныхъ издѣлій для книгопродавцевъ всегда было и будетъ много. Подобнымъ образомъ и книги, которыхъ заглавія мы помѣщаемъ здѣсь, не выводятъ литературы

на путь блестящій или новый Все кружится въ златой посредственности.

35. *Краткая* Географія, *составленная по руководству Мальтбрена, Бальби, Арсеньева и другихъ. Въ* 8; 143 *стран.*

36. *Новая* дѣтская учебная книжка, *вполнѣ приспособленная къ понятіямъ дѣтей, служащая къ развитію ихъ умственныхъ способностей и обогащенію памяти, и составленная по методѣ извѣстнѣйшихъ педагоговъ, для первоначальнаго обученія герцога Бордосскаго,* Лефранкомъ. *Издана Русскимъ учителемъ, испытавшимъ пользу этой методы. Въ* 12; 186 *стран.*

37. *Новый и самый простый способъ* обучать грамотѣ, *по которому какъ малыя дѣти, такъ и самые пожилые люди весьма охотно, скоро и правильно научаются читать и писать по-Русски. Въ* 12 *урокахъ. Въ* 8; 42 *стран.*

38. Русская Азбука, *какой еще не бывало, или новая, самая простая и легкая метода учить грамотѣ, не употребляя даже складовъ, изданная другомъ дѣтей. Въ* 16; 64 *стран.*

39. Азбука *для малолѣтныхъ дѣтей, или легчайшій способъ обучать дѣтей Россійской грамотѣ. Въ* 12; 51 *стран.*

40. *Практическая* Грамматика Латинскаго *языка, показывающая правила въ примѣрахъ простыхъ и ясныхъ, для обучающагося юношества.* Н. Александровскимъ. *Въ* 12; 166 *стран.*

41. *Методическій* Словарь Грузино-Французско-Русскій, *содержащій слова, наиболѣе употребительныя, числомъ около четырехъ тысячь. Составленъ для воспитанниковъ Грузіи титулярнымъ совѣтникомъ* Сулхановымъ. *Въ* 8; *стран. X и* 115.

42. *Дѣдушка Разскащикъ, или собраніе* дѣтскихъ волшебныхъ сказокъ, *служащихъ къ украшенію сердца и развитію ума. Съ семью гравированными картинками. Въ* 8; 62 *стран.*

43. *Новыя* дѣтскія поздравленія, *въ стихахъ, съ праздниками. Подарокъ дѣтямъ и родителямъ къ наступающему* 1839 *г. Изданіе* Л. Жебелева. *Въ* 12; 70 *стран.*

44. Розовый букетъ, *составленный изъ лучшихъ цвѣтовъ Русской поэзіи. Золотой подарокъ для юныхъ читателей, съ* 25 *иллюминованными картинками. Въ* 64; 112 *стран.*

45. Гостинецъ дѣтямъ *на новый годъ. Книга въ пользу воспитанія дѣтей. Сочиненіе* М. С—ва. *Въ* 32; 108 *стран.*

46. Три дѣтскіе водевиля *съ нотами и тремя гравированными картинками. Подарокъ на новый*

годъ. Соч. Елизаветы Клевецкой. *Двѣ книжки. Въ* 16*; стран:* 46 *и* 32.

Отъ этаго длиннаго ряду книгъ, книжекъ и книжечекъ отдѣльно поставить надобно сочиненіе, за которое дѣти должны благодарить писательницу, столько же усердную къ дѣлу образованія маленькихъ читательницъ и читателей, сколько и свѣдущую въ этомъ дѣлѣ.

47. Царевна-Несмѣяна, *народная Русская сказка, переложенная въ стихи для десятилѣтняго читателя, Павла Александровича Жмакина*, Александрою Фуксъ. *Въ* 8*;* 54 *стран.*

*

Въ дополненіе картины современной литературной у насъ дѣятельности остается дать мѣсто еще одной отрасли, которая, подобно предшествовавшей, почти всегда бываетъ многовѣтвиста. Говоримъ о книгахъ, требуемыхъ въ большомъ количествѣ: ибо кому не хочется увеличить своихъ доходовъ, сократить издержекъ, и найти вѣрный способъ беречь денежку на черный день? Не состоя, на свое горе, въ этомъ ряду достопочтенныхъ особъ, мы очень обрадовались, когда, перечитавъ кипы новыхъ книгъ, только три нашли между ними, которыя имѣютъ обратить на себя вниманіе ревнителей хозяйственной части, по крайней мѣрѣ новою *малотолковитостію*.

48. *О выгоднѣйшемъ* разведеніи, собираніи и сбереженіи хмѣля, *съ показаніемъ средствъ къ отвращенію его плодородія. Въ* 16; 64 *стран.*

49. Дневникъ *для записыванія* въ каждый день *приходовъ и расходовъ по всѣмъ частямъ сельскаго хозяйства, или формы для единообразнаго веденія счетовъ, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ имѣніяхъ. Составлено* г. Карповичемъ.

50. Энциклопедія молодой Русской хозяйки. *Въ двухъ частяхъ. Составилъ Б. В—нъ. Ч. I. Въ* 8; *стран: IV,* 477 *и XXXIII.*

*

Наконецъ вотъ и новые успѣхи *кабалистики.*

51. *Новѣйшій полный* оракулъ, *угадывающій и предсказывающій въ ясныхъ отвѣтахъ судьбу женихамъ и невѣстамъ, холостымъ и женатымъ. Составленъ по запискамъ знаменитыхъ астрологовъ, какъ-то:* Брюса, Альберта-великаго *и другихъ, для пріятнаго препровожденія времени, съ присовокупленіемъ способовъ гаданія на картахъ и кофе. Въ четырехъ частяхъ. Въ* 12; 190 *стран.*

52. Сонникъ, *сказующій матку правду. Въ* 12; *стран.* 24.

II.

Изъ неоконченныхъ прежде продолжаются слѣдующіе литературные труды.

53. *Военная Библіотека, издаваемая, подъ руководствомъ генерала барона Н. В. Медема и О. И. Сенковскаго*, И. Глазуновымъ *на* 1838 *годъ. Томъ II. Войны Среднихъ-вѣковъ.* Обозрѣніе исторіи военнаго искуства. *Соч. Брандта. Переводъ* г. Штюрмера. *Въ* 8; *стран.* 373.

54. Дѣтскій Альбомъ *на* 1839 *годъ. Собраніе стихотвореній, повѣстей, разсказовъ и драматическихъ разговоровъ. Сост.* А. Поповымъ. Годъ вторый. *Въ* 16; 209 *стран.*

55. Записки Александрова *(Дуровой). Добавленіе къ Дѣвицъ-Кавалеристу. Въ* 8; *стран.* 362 *и II. Съ портретомъ автора.*

56. Исторія Россіи *въ разсказахъ для дѣтей. Сочиненіе* Александры Ишимовой. Часть пятая. *Въ* 12; 454 *стран.*

Эта часть Исторіи, признанной по-справедливости во всѣхъ отношеніяхъ лучшею книгою при воспитаніи, не только для изученія самой исторіи отечества нашего, но и вообще для дѣтскаго чтенія, начинается 1740 годомъ, т. е. принятіемъ Анною Леопольдовною регентства надъ Россіею, а оканчивается 1796 или кончиною Императрицы Екатерины II. Читая книгу, мы не только не могли надивиться искуству сочинительницы, какъ легко и счастливо соединяетъ она въ разсказахъ своихъ картины великихъ политическихъ событій съ неподражаемою прелестью инте-

реснѣйшихъ подробностей, касающихся до разныхъ особъ, являющихся въ повѣствованіи, но мы не умѣемъ постигнуть, какъ у нея достаетъ терпѣнія заготовлять для всякой эпохи, для всякаго происшествія, даже для всякаго историческаго лица столько новыхъ и драгоцѣнныхъ матеріаловъ, и потомъ обработывать ихъ такъ быстро и съ такимъ художническимъ совершенствомъ! Можно теперь сказать, что изданіемъ этой части сочинительница *важнѣйшее въ прекрасномъ своемъ предпріятіи кончила все*. Исторія Россіи, въ слѣдующихъ ея частяхъ, должна уже принять нѣкоторымъ образомъ или видъ лѣтописи, или характеръ такъ называемой учебной книги. Время и событія съ 1796 года слишкомъ близки къ намъ. Свободное искуство откладываетъ подобные матеріалы, пока отдаленіе не наложитъ на нихъ печати, по которой узнается законная собственность художниковъ.

57. Чтенія о Словесности. И. Давыдова. Курсы 3 и 4. *Въ* 8; *стран.* 348 *и* 292.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. Аделанда, *первая императрица Германская. Хроника X столѣтія, написанная игуменомъ Одиліономъ. Перевелъ съ Французскаго* ***. *Въ* 16; *стран.* 50.

Выборъ несчастливъ и не заслуживалъ труда; а трудъ такъ неудаченъ, что не выкупаетъ потерянnаго времени.

2. Палестина, *и мѣста, освященныя ученіемъ и страданіемъ Апостоловъ. Сорокъ восемь живописныхъ видовъ, по рисункамъ Гардинга, Турне и*

другихъ знаменитыхъ художниковъ. Перев. съ Фр. Н. Бобылева. *Четыре части. Въ* 8*; стран. XVI и* 126, 130, 56 *и* 59.

Читатели найдутъ здѣсь не подробныя, но удовлетворительныя и ясныя описанія довольно хорошо литографированныхъ видовъ Іерусалима, любопытнѣйшихъ мѣстъ въ Палестинѣ, въ Египтѣ, на Архипелагѣ, и даже Римскаго форума и Колизея.

3. *Біографія* Іосифа Добровскаго, *Ф. Палацкимъ. Съ Нѣм. пер.* А. Царскій. *Въ* 8*;* 70 *стран.*

Самую занимательную и для насъ поучительную часть въ біографіи Добровскаго составляютъ подробности, касающіяся до его сочиненій, столь уважаемыхъ во всѣхъ Славянскихъ земляхъ. Добровскій цѣлую жизнь занимался филологіею и исторіею Славянъ. Онъ первый въ ученомъ мірѣ возбудилъ любопытство и участіе къ умственной дѣятельности соплеменниковъ своихъ. Разысканіями своими о трудахъ, языкѣ и жизни первыхъ переводчиковъ нашей Библіи онъ внесъ много свѣту въ древнюю исторію литературы нашей.

*

4. Браво, *или Венеціанскій бандитъ, историческій романъ* Купера. *Четыре части. Въ* 12*; стран.* 189, 206, 192 *и* 218.

Переводы великихъ образцевъ всегда для литературы полезнѣе безцвѣтныхъ или ложно исполняемыхъ сочиненій. Это особенно относится къ историческому роду. Произведеніе таланта обогащаетъ читателя сокровищами истинными, никогда не теряющими цѣны своей. Вотъ почему переводъ романа Купера или другаго знаменитаго автора долженъ радовать всякаго, кто желаетъ добра своей литературѣ. Надобно только, чтобы образецъ передаваемъ былъ въ полной своей прелести. Переводчикъ Браво, кажется, не думалъ соперничествовать съ Куперомъ ни въ силѣ, ни въ живости языка. Онъ желалъ только доставить чтеніе, въ которомъ уже самое содержаніе увлекаетъ читателя. Но при отдѣлкѣ, достойной подлинника, его трудъ остался бы навсегда украшеніемъ литературы.

5. Воспитанникъ любви. *Сочиненіе* Поль-де-Кока. *Четыре части. Въ* 12; *стран:* 116, 114, 93 *и* 102.

6. Мусташъ. *Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ* Безпольнаго. *Четыре тома. Въ* 12; *стран:* 208, 205, 240 *и* 213.

7. *Тотъ же романъ. Въ* 12; *стран:* 164, 159, 192 *и* 173.

О романахъ Поль-де-Кока говорить нечего: можно представить, съ какою жадностію читаются они, если въ одно время, однаго и того же романа являет-

ся по два перевода. Въ этомъ феноменѣ утѣшительно одно: каковы читатели, таковы и переводчики.

8. Тысяча и Одна Ночь, *Арабскія Сказки. Пять томовъ. Въ* 8; *стран: LXXXV и* 209, 240, 240, 240 *и* 240.

Можно пожелать, чтобы всѣ книги, сдѣлавшіяся по оригинальности своей, или по вѣрному изображенію человѣка, необходимымъ пріобрѣтеніемъ литературы каждаго изъ Европейскихъ народовъ, такъ издаваемы были на Русскомъ языкѣ, какъ явился теперь переводъ столь древняго и столь замѣчательнаго созданія фантазіи Востока. Онъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ и взыскательнаго литератора и снисходительнаго свѣтскаго человѣка. Арабскія сказки подвергались неоднократно долговременному и критическому изученію славнѣйшихъ въ Европѣ Оріенталистовъ. Готье, Лангле, Галланъ, Коссенъ, Гаммеръ и другіе издали ихъ съ своими замѣчаніями на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Русскіе переводчики вполнѣ воспользовались трудами предшественниковъ своихъ и представили нынѣ публикѣ такой переводъ, котораго конечно никто не прочтетъ безъ особеннаго удовольствія.

9. Дераръ, *восточная повѣсть въ стихахъ, соч.* Александра Ходзько. *Переводъ. Въ* 15; *стран.* 112.

Польскій поэтъ представляетъ намъ очерки жизни бедуиновъ съ мѣстными красотами, гдѣ все для

Европейца такъ поразительно и ново. Переводчикъ, сохранивши неподдѣльныя красоты подлинника, въ то же время умѣлъ сохранить и прелесть Русскаго стиха, и точность Русскаго языка.

*

10. *Жизнеописаніе* Дженъ Телоръ, *заимствованное изъ собственныхъ ея записокъ и писемъ. Въ* 32; *стран.* 78.

11. Утѣшеніе скорбящимъ, *особенно же больнымъ, почерпнутое изъ Божественныхъ писаній, съ приличными размышленіями. Переводъ* съ Англійскаго. *Въ* 16; *стран.* 258.

12. Приданое моей дочери, *или уроки для благородныхъ дѣвицъ. Съ Нѣмецкаго перевода* Гавріила Солнцева. *Въ* 8; 82 *стран.*

13. *Собраніе назидательныхъ и полезныхъ для юношества* повѣстей. *Сочиненіе герцогини Абрантской. Перевела съ Франц. дѣвица* Эсбе. *Томъ I. Въ* 12; 201 *стран.*

Книги, назначенныя для чтенія нравообразовательнаго. Первая изъ нихъ любопытнѣе и наставительнѣе прочихъ.

*

14. *Новый вѣрнѣйшій способъ* леченія геморроя *холодной водою, составленный докторомъ* Риттеромъ. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ* 8; 24 *стран.*

15. *О главныхъ причинахъ* нервныхъ болѣзней *и искривленіи стана у молодыхъ дѣвицъ въ наше время. Сочиненіе доктора* Симона. *Пер. съ Фр. Въ* 12; *стран: V и* 37.

Незамѣчательныя брошюры.

*

16. *Главныя правила* садоводства. *Соч. Джона Линдлея. Переводъ* Ивана Двигубскаго. *Въ* 12; 124 *стран.*

17. *Простой и недорогой способъ* добыванія сахара изъ свекловицы, М. Домбаля. *Пер. съ Фр. Въ* 8; 79 *стран.*

18. *Геологическія понятія, приспособленныя къ* земледѣлію и промышленности, *изъ соч.* Бубе. *Въ* 8; *IV и* 147 *стран.*

19. *Новый весьма дешевый и для всѣхъ полевыхъ и садовыхъ растеній выгодный* способъ добыванія позема *съ особеннымъ примѣненіемъ къ огородничеству. Соч. Неббина. съ Нѣм.* Н. Пейнеръ. *Въ* 16; *XV и* 71 *стран.*

Много полезныхъ и удобопримѣняемыхъ замѣчаній по хозяйству.

II.

20. *Очеркъ исторіи* Римской Литературы. *Соч. доктора филос.* Г. Гарлеса. *Переводъ съ Латинскаго. Въ* 8; 201 *стран.*

Объ ученыхъ трудахъ г. Гарлеса мы уже имѣли случай упомянуть въ X Т. Соврем. на 70 стран. *первой нумераціи*. Переведенная нынѣ книга составляетъ продолженіе его исторіи классической литературы и достойна вниманія посвятившихъ себя изученію древнихъ литературъ.

21. *Библіотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытнѣйшихъ путешествій, издаваемая книгопр.* Н. Глазуновымъ и Комп. Т. XV и XVI. *Въ* 12; *стран.* 194 *и* 209.

Въ одномъ изъ нихъ помѣщена вторая часть *Воспоминаній о Востокѣ*, г. Корниля; а въ другомъ, изъ сочиненій князя Пюклеръ-Мускау, первая часть Предпослѣдняго странствованія Семилассо по свѣту: *Сны и существенность, извлеченные изъ бумагъ покойника*. Въ XV томѣ болѣе занимательнаго и существенно полезнаго, нежели въ XVI.

22. *Начальныя основанія* Зоологіи, *или уроки, содержащіе въ себѣ анатомію, физіологію, классификацію и нравы животныхъ. Сочиненіе* Мильна Эдвардса. *Съ Фр.* Часть вторая. *Описательная Зоологія.* Книга вторая. *Въ* 8; *стран.* 517 *и XIII.*

23. *Введеніе къ изученію* Ботаники. *Соч. Декандоля. Переводъ съ Фр. Издалъ съ собственными замѣчаніями* И. Шиховскій. Томъ второй. *Въ* 8; *VI и* 476 *стран.*

*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1 Чтенія о Словесности. И. Давыдова. Курсы 1 и 2. *Изданіе* второе, *исправленное. Въ* 8; *стран. XXX*—259 *и* 327.

2. *Собраніе* темъ, *или краткихъ задачъ на правила Цумптовой грамматики, служащее легчайшимъ руководствомъ къ переводамъ съ Русск. яз. на Лат. По темамъ, изданнымъ Дронке, составилъ* А. Кубаревъ. *Изданіе* второе. *Въ* 8; *стран. VI и* 147.

3. *Всеобщій* Французско-Русскій Словарь, *составленный* И. Татищевымъ. *Изданіе* третіе. *Т.*

I. отъ A. до G. Издали Селивановскій и Ширяевъ. *Въ 4; стран: II и* 651.

4. *Ручный* Словарь Россійско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Россійскій, *сочиненный* И. Шмитомъ, *профессоромъ въ Лейпцигскомъ Унив.* Новое *изданіе. Часть I—Россійско-Нѣмецкая. Въ* 16*;* 1048 *стран.*

5. *Сокращеніе* Всеобщей исторіи, *составленное* А. Преображенскимъ. *Изданіе* второе, *исправленное. Въ* 8; *XVIII и* 319 *стран.*

6. *Начальныя Основанія* Физики, *изложенныя* Н. Щегловымъ. *Изданіе* второе, *совершенно передѣланное и значительно увеличенное. Двѣ части. Въ* 8. *Часть I.* 432 *стран. и* 6 *листовъ чертежей; Часть II.* 512 *стран. и* 11 *листовъ чертежей.*

7. *Нужнѣйшія* строенія для сельскаго хозяйства, *простыя, удобныя и недорогія. Изданы съ планами и описаніемъ* В. Пановымъ. *Изданіе* второе *съ дополненіями. Въ* 8*;* 39 *стран.*

*

8. Лорнетъ. *Романъ г-жи Эмиль-Жирарденъ. Переводъ съ Фр.* Александры Зражевской. *Изданіе* второе. *Въ* 8*;* 222 *стран.*

9. Картины дружескихъ связей. *Соч.* Александры Зражевской. *Изданіе* второе. *Два тома. Въ* 8*; по* 283 *стран.*

10. Патріотическія Пѣсни. *Соч.* М. Максимова. *Изданіе* третіе, *исправл. и умнож., съ дополненіемъ нотъ для пѣнія и фортепіано. Въ* 8; 36 *стран.*

11. Басни и Сказки А. Измайлова. *Изданіе* шестое, *умноженное. Съ портретомъ автора. Въ* 64; 313 *стран.*

12. Иліада Гомера, *переведенная* Н. Гнѣдичемъ. *Часть I. Изданіе* второе. *Въ* 86; *XVIII и* 362 *стран.*

II.

13. Дѣянія Петра Великаго. *Соч.* И. Голикова. *Изданіе* второе. *Томъ VIII. Въ* 8; 501 *и X стран.* Здѣсь содержатся событія 1719, 20 и 21 г.

КРИТИКА.

ЦИМБЕЛИНЪ ШЕКСПИРА*.

Цимбелинъ есть одна изъ самыхъ пріятныхъ историческихъ пьесъ Шекспира. Она можетъ назваться драматическимъ романомъ, въ которомъ всѣ, самыя разительныя части повѣсти представлены въ видѣ разговора, и всѣ обстоятельства объясняются говорящими, по-мѣрѣ-какъ представляется къ тому случай. Дѣйствіе не вдругъ сосредоточивается въ послѣдствіи; но занимательность возрастаетъ и становится какъ-бы воздушнѣе, утонченнѣе отъ перспективы, введенной въ пьесу вымышленными перемѣнами сцены и продолжительностію занимаемаго ею времени. Чтеніе этой пьесы походитъ на путешествіе, котораго цѣль не вѣрна, и въ которомъ недоумѣніе поддерживается и возвышается длин-

* См. Т. XIII Современ., стран. 123, *перв. нумер.*

ными промежутками, отдѣляющими одно дѣйствіе отъ другаго. Хотя происшествія разсѣяны по обширному пространству и относятся ко множеству характеровъ, но цѣпь, соединяющая различные интересы повѣсти, нигдѣ совершенно не разрывается. Самыя отдѣльныя и по-видимому случайныя обстоятельства придуманы такимъ образомъ, что приводятъ въ концѣ къ совершенному развитію главнаго приключенія. Легкость и свобода, съ которыми это исполнено, удивительны. Ходъ завязки усиливается въ послѣднемъ дѣйствіи; повѣсть подвигается впередъ съ необыкновенною быстротою; различныя вѣтви ея приводятся къ одному центру отъ самыхъ отдаленныхъ точекъ; главные характеры сводятся и размѣщаются въ самыхъ критическихъ положеніяхъ, и судьба почти каждаго лица драмы зависитъ отъ разрѣшенія однаго обстоятельства—отъ отвѣта *Іакимо* на вопросъ *Имоджены* о полученіи кольца отъ *Постума*. Джонсонъ говоритъ, что Шекспиръ мало заботился о заключеніи своихъ пьесъ. Мы думаемъ противное, и въ доказательство представляемъ не только настоящую пьесу, но и заключеніе *Лира*, *Ромео* и *Джюльеты*, *Макбета*, *Отелло*, даже *Гамлета* и другихъ пьесъ, менѣе важныхъ, въ которыхъ послѣдній актъ наполненъ рѣшительными случаями, совершившимися естественно и разительно.

Патетическое въ Цимбелинѣ не носитъ характера поразительнаго или въ обыкновенномъ смыслѣ траги-

ческаго, но чрезвычайно мило и пріятно. Какая-то нѣжная грусть разлита на все цѣлое. Герой этой пьесы *Постумъ*, но величайшая прелесть ея заключается въ характерѣ Имоджены. Постумъ интересенъ только по тому участію, которое она принимаетъ въ немъ, а она сама интересна по своей нѣжности и постоянству къ мужу. Отличительная черта героинь Шекспира, что онѣ живутъ только привязанностью своею къ другимъ. Ихъ можно назвать чистыми созданіями чувства. Мы также мало думаемъ о лицахъ ихъ, какъ онѣ сами, потому-что мы проникаемъ въ тайны сердецъ ихъ, и это гораздо важнѣе. Мы принимаемъ такое живое участіе въ дѣлахъ ихъ, что не можемъ останавливать взоровъ своихъ на ихъ наружности, развѣ только украдкою и изрѣдка. Никогда, никто не уловилъ такъ хорошо, какъ Шекспиръ, истиннаго совершенства женскаго характера, чувства слабости, опирающагося на силу любви; никогда, никто не описалъ такъ хорошо, какъ онъ, природной нѣжности, чуждой всякой принужденности и прикрытія; никогда, никто не показалъ такъ хорошо, какъ онъ, до какой степени чрезвычайная чувствительность и робость могутъ сдѣлаться романическими и странными — потому-что романизмъ (и довольно сильный) героинь его есть только излишество обыкновенныхъ предразсудковъ пола ихъ, совѣстливаго въ нарушеніи клятвъ своихъ, безпечнаго въ своихъ привязанностяхъ, и научаемаго силою чувства, когда надобно показать сущность вмѣсто ея формы. У жен-

щинъ его въ этомъ отношеніи превосходная логика: ничего нѣтъ столь логическаго, какъ страсть. Онѣ въ совершенствѣ знаютъ души свои, и слѣдуютъ только любимой идеѣ, въ которой поклялись языкомъ, и которую, во всѣхъ ея противорѣчущихъ выводахъ, напечатлѣли на сердцахъ своихъ. Онѣ представляютъ прелестное собраніе мученицъ, пострадавшихъ за свое вѣрованіе. Цибберъ, говоря о старинномъ Англійскомъ театрѣ, недостатокъ отличительности и театральнаго развитія женскихъ характеровъ Шекспира приписываетъ тому, что въ то время женщинамъ не позволялось играть женскія роли, отъ чего по необходимости надобно было оставлять ихъ болѣе въ тѣни. Это самое состояніе нравовъ, препятствовавшее женщинамъ являться въ обществѣ и заключавшее дѣятельность ихъ въ кругу домашней жизни, не есть ли еще болѣе вѣрное объясненіе дѣла? Женщины Шекспира конечно совсѣмъ не походятъ на театральныхъ героинь: онѣ представляютъ совершенную противоположность съ царицами трагедій.

Мы почти столько же любимъ Имоджену, сколько она Постума, и она это заслуживаетъ болѣе, нежели онъ. Изъ всѣхъ женщинъ Шекспира она, можетъ быть, всѣхъ нѣжнѣе и всѣхъ простодушнѣе. Недовѣрчивость ея въ сценѣ, когда Іакимо говоритъ ей о невѣрности мужа ея, очень походитъ на нехотѣніе Дездемоны повѣрить ревности Отелло. На самую мучительную часть разсказа она отвѣчаетъ толь-

ко: «боюсь, милордъ, что вы позабыли Британскій языкъ!» Готовность, съ которою она прощаетъ ложные наговоры Іакимо и его намѣренія противъ нея, представляетъ хорошій урокъ жеманницамъ, и показываетъ, что тамъ, гдѣ есть истинная привязанность къ добродѣтели, не нужно изумлять безмѣрною или принужденною ненавистью къ пороку. Чрезвычайно трогательна сцена, когда Пизаніо отдаетъ Имоджент письмо своего господина. Постумъ обвиняетъ ее въ преступномъ согласіи на вѣроломныя предложенія Іакимо.

Пизаніо. Что новаго, Государыня?

Имоджена. Невѣрна ложу его? Что жъ значитъ быть невѣрною? Лежать безъ сна на этомъ ложѣ, и думать о немъ? Проливать слезы отъ однаго боя часовъ до другаго? И если сонъ одолѣетъ природу, прерывать его страшною грезою о немъ и потомъ плакать проснувшись? Это ли невѣрность, это ли она?

Пизаніо. Ахъ, добрая Государыня!

Имоджена. Я невѣрна? Твоя совѣсть свидѣтельствуетъ, Іакимо: ты обвинялъ его въ невѣрности— и тогда ты казался мнѣ низкимъ обманщикомъ; теперь я вижу тебя не такимъ. Какая нибудь Итальянская прелестница, которой мать была похожа на нее, увлекла его: я бѣдная устарѣла; я—изношенное платье, которое, для золота его, не вѣшаютъ на стѣну, но хотятъ распороть, хотятъ растерзать

на части! О! клятвы мужчинъ — предатели женщинъ! Послѣ преступленія твоего, о супругъ мой, все, хорошее по наружности, должно казаться личиною злодѣйства, притворствомъ, принятымъ для уловленія женщинъ.

Пизаніо. Добрая Государыня, выслушайте меня....

Имоджена. Говори, говори неумолкая: я слышала, что меня назвали развратницей, и слухъ мой, пораженный этою ложью, не можетъ ни принять раны болѣе жестокой, ни измѣрить глубину этой!

Когда Пизаніо, которому поручено было убить Имоджену, оставляетъ ей жизнь, она говоритъ:

Зачѣмъ, добрый человѣкъ? Что дѣлать мнѣ все время? Гдѣ жить? Какъ жить? И какая отрада мнѣ въ жизни, когда я умру для мужа моего?

Но когда онъ совѣтуетъ ей переодѣться въ мужское платье и предлагаетъ ей пріятную дорогу, по которой можно будетъ достичь до мѣста, гдѣ живетъ Постумъ—она восклицаетъ:

О! на такія средства, хотя опасныя для скромности моей, но не смертельныя, я рѣшилась бы.

И когда Пизаніо, распространяясь о слѣдствіяхъ путешествія, говоритъ ей, что она должна перемѣнить

Робость и нѣжность (этихъ двухъ всегдашнихъ спутницъ женщины, или, лучше сказать, это милое женское *я*) на мужество веселое, насмѣшливое, остроумное, дерзкое и ссорливое, какъ звѣрокъ ласточка. . .

Она поспѣшно прерываетъ его:

Но . . . не распространяйся: я вижу, чѣмъ кончится разсказъ твой, и уже чувствую себя почти мужчиною.

Переодѣтая такимъ образомъ, она отправляется въ Мильфордъ-Гавенъ, и во время этаго путешествія теряетъ и проводника своего и дорогу. Въ жалобахъ своихъ она прекрасно говоритъ:

Милый! ты невѣренъ; но вотъ я думаю о тебѣ, и голодъ мой прошелъ, а еще за минуту я готова была умереть отъ него.

Потомъ она находитъ мертвое тѣло, и воображая, что это тѣло Постума, нанимается слугою къ Римскому полководцу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ей позволили со всею должною честію похоронить того, кого она называетъ своимъ прежнимъ господиномъ.

И когда я усыплю могилу его дикими древесными листьями и плевелами, когда прочитаю надъ ней, какъ умѣю, два раза сто молитвъ, ко-

гда нагрущусь и наплачусь надъ ней, и такимъ образомъ прощусь съ его службою—тогда я прошу васъ принять меня, я пойду за вами.

Это можно назвать религіей любви. Во все время она мало полагается на свою личную красоту, которую, по мнѣнію ея, легко можетъ затмить какая-нибудь разрумяненная прелестница Италіи; она полагается только на свое достоинство, а это достоинство заключается въ силѣ любви ея, въ ея истинѣ и постоянствѣ. Удивленіе наше къ прелестямъ ея возбуждается безъ всякаго малѣйшаго съ ея стороны сознанія въ нихъ. Въ пьесѣ два раза прекрасно описана наружность ея: въ первой разъ во время ея сна; во второй, когда ее считаютъ умершею. Арвирагусъ такъ говоритъ къ ней, воображая, что видитъ въ ней молодаго человѣка Фиделіо:

Во все лѣто, и пока я живу здѣсь, Фиделіо, прелестнѣйшіе цвѣты будутъ освѣжать грустную могилу твою: много будетъ у тебя и блѣдно-бѣлыхъ буквицъ, похожихъ на милое лице твое, и лазуревыхъ гіацинтовъ, похожихъ на голубыя жилки твои, и листьевъ душистаго шиповника, которые, говорю не обижая ихъ, не могутъ быть слаще твоего дыханія.

Іакимо, прокравшись въ спальню ея, описываетъ ее такъ:

Цитереа! какъ мило, какъ прилично тебѣ твое ложе! Свѣжая лилія, бѣлѣйшая этаго бѣлаго бѣлья! Если бы я могъ коснуться... Только одинъ, одинъ поцалуй! Этотъ благоуханный воздухъ комнаты разливается здѣсь отъ ея дыханія, а это пламя свѣтильника, склоняясь къ ней, какъ будто хочетъ заглянуть подъ ея вѣки и увидѣть заключенныя тамъ свѣтила, закрытыя ставнями, на которыхъ бѣлизна и лазурь переплетены чистымъ голубымъ цвѣтомъ небесъ *. На лѣвой груди родимый знакъ изъ пяти пятнышекъ: какъ походятъ они на малиновыя капельки внутри бѣлой буквицы.

Характеръ Клотена, высокомѣрнаго, глупаго, и отверженнаго любовника Имоджены, хотя не очень пріятенъ самъ по себѣ, и теперь уже обветшалый, написанъ съ большимъ юморомъ и знаніемъ души. Однихъ словъ Имоджены, которыми она описываетъ его непріятныя для нея исканія, казалось, достаточно было бы, чтобъ исцѣлить самаго смѣшнаго обожателя отъ его безумія. Напримѣръ, она говоритъ: «*Его любовь была для меня страшна какъ осада!*» Замѣчательно, что Клотенъ, не смотря на свою жалкую ролю въ любви, важничаетъ, какъ только можетъ сынъ королевы важничать въ Государственномъ Совѣтѣ, и не смотря на всю пошлость и вида и обращенія своего, старается придавать какую-то остроту

* Шекспиръ разумѣетъ подъ этимъ бѣлую кожу вѣкъ, по которой вьются голубыя жилки.

своимъ замѣчаніямъ. Такъ справедливо, что изысканность столь же часто происходитъ отъ недостатка истинныхъ чувствъ, какъ и отъ недостатка ума! Къ Шекспиру можно примѣнить восклицаніе древняго критика: «О! Менандръ и Природа, кто изъ васъ списывалъ другъ съ друга?»

Другія лица этой пьесы представлены также съ величайшею истиною и точностію. И здѣсь, какъ въ большей части произведеній Шекспира, вы найдете не только величайшее сохраненіе каждаго отдѣльнаго характера, но сродство и согласіе въ расположеніи различныхъ частей и во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, гармонію, похожую на ту, какую замѣчаемъ въ постепенномъ сліяніи красокъ картины. Разительныя и сильныя противоположности, въ которыхъ такъ изобилуетъ Шекспиръ, не могутъ остаться незамѣченными; но намѣреніе его соединить посредствомъ аналогіи величайшія различія характера и поддержать во все время непрерываемость чувства не довольно тщательно обработано. Напримѣръ, въ Цимбелинѣ, главнѣйшій интересъ заключается въ неизмѣнной вѣрности Имоджены къ супругу, во всѣхъ, самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Другія части картины наполнены второстепенными примѣрами того же чувства, разнообразно измѣняемаго различными положеніями и примѣненнаго къ добродѣтельнымъ и порочнымъ намѣреніямъ. Интересъ завязки усиленъ любовною докучливостію Клотена и трагическою рѣшительностію

Іакимо скрыть дерзкимъ обманомъ неудачу покушенія своего. Вѣрная преданность Пизаніо къ госпожѣ его есть умилительная принадлежность цѣлаго. Упорство Белларія содержать такъ долго втайнѣ молодыхъ принцевъ въ отмщеніе за неблагодарность, нѣкогда оказанную къ заслугамъ его, неисправимое злодѣйство королевы, и даже слѣпая, женолюбивая довѣренность Цимбелина составляютъ линіи, идущія къ той же точкѣ. Дѣйствіе этаго согласнаго стеченія болѣе чувствуешь, нежели можешь замѣтить, и какъ впечатлѣніе производится въ душѣ читателя неизъяснимо, то вѣроятно такимъ же образомъ и въ душѣ автора, безъ намѣренія, но силою природною возникъ особенный рядъ ощущеній, различныхъ между собою, но сливающихся вмѣстѣ, и усиливающихъ другъ друга, подобно тонамъ въ музыкѣ.

Характеры Белларія, Гвидерія и Арвирагуса, и романтическія сцены, окружающія ихъ, составляютъ прекрасные рельефы къ интригамъ и хитростямъ двора, изъ котораго они изгнаны. Описанія горной жизни ихъ исполнены высочайшей дикости и простоты. Они занимаются охотою, а не скотоводствомъ, и это согласуется съ духомъ приключеній и неизвѣстностію, господствующими въ остальныхъ частяхъ повѣсти, также со сценами, въ которыхъ они въ послѣдствіи должны дѣйствовать. Какъ искусно юношеская пылкость и нетерпѣніе принцевъ выйти изъ неизвѣстности представлены въ противоположности съ холодною

расчетливостію и благоразумною покорностію судьбѣ болѣе опытнаго совѣтника ихъ! Какъ прекрасно другъ противъ друга размѣщены—наука и невѣжество, уединеніе и общество!

Гвидерій. Ты не можешь доказать того, что говоришь: мы бѣдные, неоперенные птенцы, никогда еще не летали изъ гнѣзда своего, и не знаемъ, какой воздухъ за домомъ. Можетъ быть, эта жизнь есть самая лучшая, если спокойная жизнь есть лучшая; она пріятнѣе для тебя, потому-что ты зналъ другую, болѣе горестную; она хорошо согласуется съ твоимъ закостенѣлымъ возрастомъ; но для насъ—она келья невѣжества: она тоже, что для больнаго постель, для должника тюрьма, за стѣны которой онъ не можетъ переступить ни однаго шагу.

Арвирагусъ. О чемъ будемъ мы говорить, когда состарѣемся такъ-какъ ты? когда услышимъ дожди и вѣтры мрачнаго декабря? Какъ будемъ проводить морозные дни въ этой грустной пещерѣ нашей? Мы ничего не видѣли. Мы походимъ на животныхъ: пронырливы, стремясь за добычею какъ лисица, отважны какъ волкъ—когда дѣло идетъ о томъ, чтобы съѣсть что нибудь. Вся храбрость наша—гоняться за тѣмъ, что летаетъ. Изъ клѣтки нашей мы дѣлаемъ клиросъ, и какъ заключенныя птички свободно поемъ свою неволю.

Отвѣтъ Белларія на эти убѣжденія едва ли удовлетворителенъ, потому-что для надежды нѣтъ другаго отвѣта, кромѣ опыта.

Одинъ Арденскій лѣсъ въ пьесѣ *Какъ вамъ угодно* можетъ сравниться съ горными сценами въ Цимбелинѣ: но какая разница между созерцательнымъ спокойствіемъ одной картины и смѣлою рѣшительностію другой! Шекспиръ не только открываетъ намъ самыя души дѣйствующихъ лицъ своихъ, но даже отражаетъ въ тонѣ и краскахъ описываемыхъ сценъ чувства ихъ вымышленныхъ обитателей. Онъ въ одно время наблюдаетъ высочайшую отчетливость дѣйствія и страсти, и придаетъ всему мѣстныя принадлежности. Равняясь съ величайшими предметами, онъ не пренебрегаетъ и малѣйшими.

Мы не можемъ разстаться съ этой любимой нами пьесой, не обративъ вниманія читателей на нѣкоторыя, встрѣчающіяся въ ней, случайныя черты благочестія и нравственности. Напримѣръ, начало той сцены, гдѣ Белларій учитъ молодыхъ принцевъ приносить небесамъ молитвы свои.

> Смотрите, юноши! этотъ путь учитъ васъ обожать небеса! склонитесь для утренней, святой молитвы!

Гвидерій. Привѣтствуемъ васъ, небеса!

Арвирагусъ. Привѣтствуемъ васъ, небеса!

Белларій. Теперь на горную охоту нашу, туда, на ту возвышенность!

Какая пріятность, какое непринужденное благочестіе дышитъ въ этихъ строкахъ! Такимъ же образомъ одинъ изъ братьевъ говоритъ другому во время печальнаго обряда при похоронахъ Фиделіо.

Нѣтъ, Кадуалль: голову надобно положить къ востоку—батюшка знаетъ зачѣмъ.

Нравоученіе у Шекспира вводится также просто, ненавязчиво. Товарищи Имоджены, Гвидерій и Арвирагусъ, видя ее больною, хотятъ отложить до другаго дня охоту свою, и остаться дома, чтобы ходить за нею. Имоджена не позволяетъ имъ этаго, и представляетъ причину тому.

Держитесь ежедневнаго обыкновенія: *нарушеніе обычая есть нарушеніе всего.*

Когда королева старается скрыть, для чего надобно ей достать отъ Корнеліуса яду, говоря, что ей хочется испытать дѣйствіе его *на тварях*, *нестóящихъ быть повышенными* — то отвѣтъ его представляетъ въ одно время и безмолвный упрекъ въ ея притворствѣ и полезное наставленіе въ состраданіи.

Государыня, это упражненіе только ожесточитъ ваше сердце.

ЖАНЪ-ПОЛЬ.

Нашъ вѣкъ, нашъ просвѣщеный XIX вѣкъ, изо всѣхъ силъ стремящійся ко всякимъ нововведеніямъ и усовершенствованіямъ, забываетъ похлопотать объ искорененіи нѣкоторыхъ предразсудковъ, заграждающихъ ему путь къ истинѣ. Къ числу предразсудковъ въ литературѣ (не говоря одругихъ) принадлежитъ ложное мнѣніе о Жанъ-Полѣ, раздѣляемое къ удивленію большимъ числомъ образованныхъ людей. Впрочемъ надобно сказать и то, что теперь вообще поэзія какъ-то въ-немилости: отъ всѣхъ требуютъ положительнаго; то, чего нельзя привести въ цифры, почитается негоднымъ, ничего незначащимъ. Обширная область анф-

тазіи, въ которой осталось еще нѣсколько избранныхъ счастливцевъ, пустѣетъ ежечасно, и если не произойдетъ какаго либо переворота въ умахъ, то на Парнассѣ немудрено явиться паровой мѣльницѣ, прядильной фабрикѣ, свекловичному заводу и желѣзной дорогѣ, а поэтамъ, какъ чернорабочему народу, придется возить матеріалы. О пользѣ или вредѣ такаго направленія говорить нечего: крайности ни въ чемъ не могутъ быть одобряемы, и рано или поздно разрушаютъ сами себя; такъ станется, можетъ быть, и съ попытками современниковъ нашихъ сослать съ бѣлаго свѣта все, кромѣ денегъ.

Независимо отъ направленія расчетливаго вѣка, посреди насъ, явились Вальтеръ-Скотъ и Байронъ, Жуковскій и Пушкинъ. Прошедшій ли вѣкъ напиталъ ихъ этимъ стремленіемъ въ идеальный міръ, населеный не капиталистами, а созданіями игривой мечты, или отрѣшила ихъ отъ земнаго собственная потребность духа, надъ которою не можетъ восторжествовать и обшее умонаправленіе, какъ бы то ни было, но и въ современникахъ своихъ не встрѣтили они повсемѣстно охлажденныхъ слушателей. Такъ свойственно сердцу человѣка желаніе благороднѣйшихъ удовольствій. Будемъ спокойны при тщетныхъ усиліяхъ поверхностныхъ умовъ, которые грозно произносятъ судъ, смотря на одну только сторону предмета. Поэзія неизмѣнно слѣдовала во всѣхъ вѣкахъ за всѣми народами, не страшась ни вонн-

ственнаго, ни торговаго преобладанія въ ихъ характерѣ. Ея вѣчныя истины, неотъемлемая принадлежность сильно чувствующихъ и ясно мыслящихъ душъ, не могутъ быть ни уничтожены совершенно, ни распространены всенародно. Но онѣ должны и будутъ жить между людьми при всѣхъ перемѣнахъ ихъ вкуса, при всѣхъ перемѣнахъ собственныхъ формъ своихъ.

Много было говорено о классицизмѣ и романтизмѣ. Ни защита, ни опроверженіе той или другой стороны не подѣйствовали на духъ людей, призываемыхъ природою быть представителями изящнаго. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему ведетъ споръ о такомъ предметѣ, котораго совершенство до безконечности разнообразно? Развѣ истинный талантъ станетъ руководиться исключительно правилами того или другаго ученія? Назовите, какъ хотите, произведеніе, въ которомъ видны поразительная мысль, живое чувство—и оно будетъ всегда, вездѣ хорошо. Комедіи Мольера, не смотря на то, что названы единогласно классическими, вѣчно останутся совершенными. Поэмы Байрона, относимыя безусловно къ школѣ романтической, всегда будутъ составлять наслажденіе людей, у которыхъ есть поэтическое чувство.

Подобныя замѣчанія невольно вырываются изъ-подъ пера, когда заговоришь о поэзіи. Возвращаюсь къ первому своему предмету. Я началъ говорить о

предразсудкѣ, господствующемъ въ-разсужденіи Жанъ-Поля. Взглянемъ на нѣкоторые о немъ отзывы.

Не знаю почему, говоря о Жанъ-Полѣ, всѣ рецензенты его вмѣняютъ себѣ въ непремѣнную обязанность упоминать преимущественно о его странностяхъ и въ идеяхъ и въ слогѣ, какъ будто однѣ странности составляютъ главное, исключительное его достоинство. О глубокомыслін его поэзіи, о направленіи его сочиненій почти вовсе не упомнпается, какъ о предметахъ посторонннхъ, не стоящихъ вниманія. Вездѣ почтп, гдѣ говорится о великомъ Германскомъ писателѣ, мы находимъ выписки или указанія на то, что у него, на примѣръ, «луна бомбардируетъ землю, а марсъ разговарпваетъ съ другими планетами» и т. д. Это напоминаетъ привычку тѣхъ людей, которые, желая дать живое понятіе о Суворовѣ и его великихъ подвигахъ, толкуютъ только о томъ, что онъ пѣлъ пѣтухомъ и окачивался холодною водою, какъ будто именно однѣ эти странности обличаютъ все въ немъ величіе человѣка, снискавшаго право на блестящее мѣсто въ псторіи народовъ. Подобнымъ же образомъ другіе, говоря о Наполеонѣ, останавливаютъ вниманіе на его шляпѣ и сюртукѣ, какъ на неувядаемыхъ лаврахъ, увѣковѣчпвшихъ его имя. Жанъ-Поль такъ возвышенъ, что на подобныя мелочи, имѣющія впрочемъ въ цѣломъ и смыслъ и много характеристическаго, но что совсѣмъ теряется въ безголовыхъ и безхвостыхъ выпискахъ, не стоптъ почти обращать

вниманіе. Земля представляется всегда въ видѣ совершеннаго шара, не смотря на ея горы и пропасти.

Мы встрѣтили въ одномъ изъ Русскихъ журналовъ, который издавался въ Москвѣ, разборъ сочиненій Жанъ-Поля. Редакторъ, желая по-видимому блеснуть *высшимъ* на нихъ взглядомъ, въ-слѣдъ за другими потерялся въ мелкихъ замѣчаніяхъ и ни одною мыслію не подвинулъ впередъ избраннаго предмета. Намъ кажется, онъ еще усилилъ ложное понятіе о семъ писателѣ, помѣстивъ переводъ одной его пьесы: *Уничтоженіе*. Не изучивъ характера Жанъ-Поля, не сблизившись съ его самобытностію въ слогѣ и воззрѣніяхъ, онъ передалъ слова, въ которыхъ не отыщешь никакой опредѣленной мысли. Подобные переводы конечно болѣе всего вредятъ автору; потому-что не всѣ читатели примутъ трудъ сравнивать переводъ съ подлинникомъ—и естественно въ нихъ утвердится еще сильнѣе прежняго ложное мнѣніе. Недавно одинъ изъ журналистовъ, упоминая о Жанъ-Полѣ, не умѣлъ лучшаго придать ему эпитета, кромѣ *чудака*. Такъ мы любимъ низводить все возвышенное, для насъ недоступное, въ сферу обыкновенныхъ явленій, и радуемъ свою суетность тѣмъ, что насъ самихъ унижаетъ. Но кто бы наконецъ могъ представить, что писатель, для котораго Нѣмецкій языкъ долженъ быть *роднымъ* и слѣдственно понятнымъ во всѣхъ его оттѣнкахъ, писатель, ежеднено произносящій приговоръ какому-нибудь труду литератора и всякаго ученаго, разсуждая о

Жанъ-Полѣ, выговоритъ слѣдующія слова (съ грустію и сожалѣніемъ повторяемъ ихъ!): «за Жанъ-По«ля принимался я неоднократно: темно, непонятно, «натянуто, ненатурально, безвкусно. Его книги мож«но сравнить *съ кучами сору*, гдѣ встрѣчаются *ошиб«кою* и драгоцѣнныя вещи; но *рыться въ навозной ку«чѣ* для того, чтобы авось-либо найти тамъ золотое «колечко (не удивляемся, что *Русскій* языкъ здѣсь «хромаетъ), я не состояніи * »

Нельзя не удивляться, отъ чего немногіе умѣютъ цѣнить высокія достоинства Жанъ-Поля. Можно сказать, что послѣ Древнихъ едва ли не два только и было самобытно-великихъ поэта, составляющихъ собою особенный отдѣлъ, разительно отличающійся отъ прочихъ: это Шекспиръ и Жанъ-Поль. Гёте, Шиллеръ, Байронъ, Пушкинъ представляютъ совершенно другую сторону художества, иногда, можетъ быть, болѣе опредѣлительную, но далеко не такъ обширную. Шекспиръ и Жанъ-Поль въ геніальныхъ созданіяхъ своихъ руководимы въ истиномъ смыслѣ одною природою, раскрывшею предъ ними свои дары. Они не копируютъ ея, но соперничествуютъ съ нею, созидаютъ свой особенный міръ, въ которомъ все дышитъ жизнію полною, гдѣ всякое существо говоритъ своимъ языкомъ, свойственнымъ только ему, гдѣ все знакомо вамъ и вмѣстѣ какъ-то недоступно. Вы видѣли, знали всѣ лица, являющіяся въ Жанъ-Полевыхъ романахъ, вы сочув-

* См. Отечест. Записки, 1839 г., Т. II, Отдѣл. VII. стран. 98.

ствуете съ нимп, живете ихъ жизнію—и вмѣстѣ съ тѣмъ васъ иногда поражаетъ въ нихъ что-то необыкновенное, но не сверхъестественное: подумайте, припомните, сообразите—и вы убѣдитесь не только въ возможности, но даже въ подлинности ихъ существованія. Къ Жанъ-Полю часто примѣняли слова, сказанныя г-жею Сталь о Нѣмцахъ вообще, что имъ достался въ удѣлъ воздухъ. Мнѣ кажется, примѣненіе къ Жанъ-Полю этихъ словъ неумѣстно. Развѣ человѣкъ носится въ воздухѣ, если онъ, въ пылу чувства, увлекаемый величіемъ природы, величіемъ Создателя и дивною картиною мірозданія, предастся мечтамъ и перенесется мыслію въ міръ невещественный? Жанъ-Поль отличается именно тѣмъ, что всѣ его кажущіяся поэтическія грезы и всѣ умствованія проистекаютъ отъ глубокаго познанія міра. Онъ никогда не отдѣляется отъ земли, и изъ того, что встрѣчается ежедневно, выводитъ заключенія, созидаетъ поэтическіе образы, которые могутъ только *казаться* поэзіею отвлеченною, между-тѣмъ-какъ она основана вся на понятіяхъ его о жизни людей, объ отношеніяхъ ихъ, о добрыхъ и злыхъ ихъ качествахъ. Можетъ быть, укажутъ мнѣ на отдѣльныя мѣста и назовутъ ихъ отвлеченными. Это не докажетъ ничего: что кажется отвлеченнымъ въ выпискѣ, то можетъ быть исполнено дѣйствительности, если сообразить съ цѣлымъ и доискаться истиннаго источника, откуда оно проистекаетъ. Пусть назовутъ мнѣ хоть одну цѣльную пьесу Жанъ-Поля, романъ или повѣсть, которая бы основана была на идеѣ, взя-

той не изъ вещественнаго, доступнаго всѣмъ намъ міра. Развитіе этой идеи можетъ мѣстами, и то рѣдкими, отступать отъ первоначальнаго главнаго основанія, но сущность останется одна и таже.

Что составляетъ главный, отличительный характеръ твореній Жанъ-Поля? Какая мысль, какія чувства не покидаютъ его ни на минуту отъ перваго и до послѣдняго тома его сочиненій? Твердая, непоколебимая вѣра въ Бога, утѣшительное, ничѣмъ несокрушимое вѣрованіе въ безсмертіе души человѣческой и безграничная, горячая любовь къ людямъ. Сіи три чувства суть краеугольный камень фундамента, на которомъ онъ воздвигалъ свое зданіе, зданіе великолѣпное, блестящее, которое переживетъ вѣка, не страшась непогодъ, и въ отдаленномъ потомствѣ будетъ гласить о творцѣ своемъ, какъ о безсмертномъ зиждителѣ, соорудившемъ сей храмъ на пользу и просвѣщеніе міра. Прибавьте къ этимъ величественнымъ, поражающимъ и умилительнымъ идеямъ смѣлую, широкую кисть Жанъ-Поля, который, не жалѣя красокъ, не щадя труда, убѣждаетъ васъ въ неложности сихъ истинъ; вникните во всѣ ихъ оттѣнки — и вы сознаетесь, что человѣкъ, написавшій шестьдесятъ-одинъ томъ, преслѣдуемый всюду однѣми идеями, руководимый всюду правилами чистѣйшей нравственности, долженъ уже по одному этому быть человѣкомъ необыкновеннымъ, стоящимъ полнаго вниманія.

Читайте Жанъ-Поля со вниманіемъ—и вы увидите, что основныя мысли, о которыхъ я сей-часъ говорилъ, мелькаютъ всюду, пробиваются даже тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего можно ожидать. Если въ его романахъ и повѣстяхъ встрѣчаются лица безнравственныя, то они являются только для того, чтобы можно было на нихъ показать слѣдствія порочной жизни и этими сильными тѣнями выставить въ большемъ блескѣ свѣтлую сторону добродѣтели, чтобы убѣдительнѣе доказать людямъ превосходство чистой нравственности передъ порокомъ даже въ практической жизни. Изъ сихъ немногихъ словъ вы видите, каково направленіе генія Жанъ-Поля! какому священному служенію великихъ истинъ посвятилъ себя безсмертный дѣятель на полѣ словесности! Теперь посмотримъ, въ какія формы облекаетъ онъ свои идеи; какъ справляется онъ съ гигантскими предначертаніями своими, чтобы сдѣлать ихъ доступными читателю, не всегда посвященному въ таинства его чувствъ, въ глубокія соображенія его необъятнаго ума.

Прежде всего, при чтеніи Жанъ-Поля, бросается въ глаза юморъ его, искрящійся остроуміемъ. Его насмѣшки отчетливы, всегда бьютъ вѣрно и изумляютъ полнымъ, тонкимъ познаніемъ всѣхъ изгибовъ человѣческаго сердца. Наблюдательность и умѣнье—схватывать смѣшную сторону всегда и во всемъ—превосходитъ всякое понятіе. Читая Жанъ-Поля, вы согласитесь, что все, представленное имъ въ смѣшномъ видѣ

дѣйствительно смѣшно; но вы чувствуете вмѣстѣ съ тѣмъ, что, не смотря на естественность выходокъ его противъ несообразностей и странностей человѣческаго характера, вамъ никогда бы не пришло въ голову, никогда не удалось бы подмѣтить того, что онъ видитъ, кажется, безъ малѣйшаго труда, не доискиваясь, не натягивая. Вы должны иногда смѣяться до слезъ, представляя себѣ лице тѣхъ, кого такъ живо рисуетъ вамъ Жанъ-Поль; но при всемъ томъ въ васъ никогда не родится ни малѣйшаго чувства злобы противъ этихъ чудаковъ, дѣйствующихъ наперекоръ здравому смыслу, слабыхъ, и слабостями своими доводимыхъ до поступковъ предосудительныхъ. Вы смѣетесь надъ ними, и чувствуете къ нимъ жалость, состраданіе; вы бы желали помочь имъ, исправить ихъ, шепнуть имъ наставленіе. Если вы не подмѣтили этаго въ твореніяхъ Жанъ-Поля, то вѣроятно читали ихъ безъ малѣйшаго вниманія, или только перелистывали; а ихъ нельзя читать такъ, какъ читаютъ нѣкоторые Французскіе романы, которые, по Русской поговоркѣ, войдутъ въ одно ухо и выйдутъ изъ другаго, не задѣвъ ни въ головѣ, ни въ сердцѣ ни одной фибры, не оставивъ ничего, кромѣ мутнаго воспоминанія о зѣвотѣ, одолѣвавшей васъ на многихъ страницахъ. Жанъ-Поля должно изучать — и время, употребленное на его изученіе, не потерянное: оно будетъ для васъ всегда источникомъ истиннаго наслажденія, въ какомъ бы вы возрастѣ ни были, начиная отъ того, въ который разсу-

докъ вашъ войдетъ въ полную дѣятельность и силу. Сообразивъ, что насмѣшки Жанъ-Поля, при всей ихъ вѣрности и колкости, никогда не отзываются желчью, питающей перо сатирика, мы непремѣнно должны убѣдиться, что юморъ его есть истинный, самостоятельный, неподдѣльный юморъ. Сатира и эпиграмма суть судорожныя движенія ума, направляемаго обиженнымъ, раздосадованнымъ сердцемъ для уязвленія людей; юморъ же предполагаетъ всегда доброе начало: онъ есть слѣдствіе истиннаго чувства любви къ ближнему, состраданія къ его слабостямъ и желанія исправлять дурное. Сатира и эпиграмма могутъ иногда обидѣть, ожесточить, а юморъ ко всякой наносимой имъ ранѣ прикладываетъ и бальзамъ для ея исцѣленія. Этою добротою въ насмѣшкѣ и доказывается то, что Жанъ-Поль настоящій юмористъ; ибо юмористъ, вполнѣ заслуживающій сіе названіе, долженъ быть истиннымъ филантропомъ въ самомъ обширномъ значеніи этаго слова. Его любовь къ людямъ не должна высказываться приторными сладостями; это не слабость, а чувство возвышенное, которое стремится вознести все до совершенства. Юмористъ, какъ филантропъ, подобно доброму отцу, научающему дѣтей и наказующему ихъ за проступки изъ желанія содѣлать ихъ лучшими, отъ любви къ нимъ, долженъ дѣйствовать на умы людей и на ихъ нравственность, направляя и то и другое къ благородной цѣли. Дѣтей, на которыхъ не дѣйствуютъ увѣщанія, отецъ исправляетъ розгою, а юмористъ вооружается противъ

порока бичемъ насмѣшки. Посмотрите на Стерна, разберите его творенія—и вы увидите, каковъ долженъ быть и есть истинный юмористъ. Надѣюсь, что вы не отнимете сего названія у Стерна.

Опредѣливъ такимъ образомъ видъ изложевія идей, которыми большею частію руководствуется Жанъ-Поль, поговоримъ нѣсколько о его слогѣ, этомъ камнѣ преткновенія для столькихъ читателей.

Я согласенъ, что чтеніе Жанъ-Поля съ истиннымъ, полнымъ наслажденіемъ требуетъ и навыка и въ нѣкоторыхъ случаяхъ умственнаго напряженія, иногда довольно большаго. Я согласенъ, что слогъ его въ иныхъ мѣстахъ весьма пестрый, и что эта пестрота мѣстами затемняетъ точный смыслъ рѣчи, до котораго впрочемъ всегда можно дойти. Если же въ Жанъ-Полѣ найдутся мѣста, непонятныя для читателя, и остаются темными послѣ всѣхъ соображеній, этаго никакъ нельзя ставить въ вину его слогу, и должно отнести къ тому, что намъ недостаточно знакомы мѣстныя обстоятельства, вызвавшія изъ-подъ пера автора намеки на предметы, для насъ совершенно чуждые или мало извѣстные. Мы не такъ знаемъ Германію, чтобы судьями быть въ этомъ дѣлѣ, а Нѣмцы, осуждавшіе его за то, вѣроято не знали вполнѣ ни семейной его жизни, ни людей, съ которыми онъ жилъ, и въ которыхъ подмѣчалъ то, чего другіе не замѣчали ни прежде, ни послѣ него. О такихъ не-

понятныхъ мѣстахъ въ его сочиненіяхъ я вовсе не буду говорить; они указываютъ сами на себя—и потому не требуютъ со стороны рецензента никакихъ объясненій: ихъ отличитъ каждый немного привычный читатель. Займемся теперь собственно неясностями слога; посмотримъ, отъ чего они происходятъ, и постараемся пріискать къ нимъ какой нибудь ключь. Сіи неясности проистекаютъ главнѣйше отъ чрезмѣрнаго обилія мыслей, тѣснившихся въ головѣ автора и просившихся у него на бумагу; ему недостаетъ словъ, чтобы выразить то, чѣмъ полна душа его; для него нѣтъ довольно широкой рамы, въ которую бы онъ могъ помѣстить гигантскую картину, представляющуюся его воображенію. Изъ каждаго тома его можно составить десять томовъ, разбавивъ мощныя мысли его (скованныя иногда не по правиламъ, принятымъ нами за образцы отчетливости и ясности) поясненіями, *амплификаціями* и т. п. вспомогательными средствами, которыхъ требуютъ отъ книги недальновидные читатели, привыкшіе получать умственную пищу разжеванною. Сіе обиліе мыслей неминуемо влечетъ за собою множество вводныхъ періодовъ, которые иногда могутъ отнять нѣсколько ясности. По моему мнѣнію, можно Жанъ-Поля упрекнуть въ томъ, что онъ не всегда владѣетъ своею фантазіею: онъ увлекается ею иногда слишкомъ далеко. Говоря о какомъ нибудь предметѣ, онъ закидаетъ васъ разными замѣчаніями, поэтическими вымыслами, колкими посмѣшками—и вамъ, я согласенъ, должно вооружиться всѣмъ вниманіемъ,

чтобы не потерять нити идеи, или не пропустить того, что содержитъ въ себѣ и умъ и чувство. Но многіе читатели не могутъ приковать ума своего къ тому, что читаютъ; многіе считаютъ чтеніе развлеченіемъ отъ скуки, и потому требуютъ отъ него одной легкости: имъ все равно, есть ли въ книгѣ пища для ума, была бы только легкость, лишь бы періоды были гладки, лишь бы не надобно было задумываться. Конечно для такихъ людей чтеніе Жанъ-Поля есть величайшее наказаніе, пытка, мученіе, не могущее сравниться ни съ чѣмъ. Но конечно и то правда, что для такихъ читателей нестоитъ и браться за перо, а должно предоставить имъ чтеніе по ихъ вкусу, хотя увы! ихъ много, очень много, чтобы не сказать ужасно много. Я не стану оспаривать, что можно писать весьма умно, съ чувствомъ, поэтически и *понятно*, если не для всѣхъ, по крайней мѣрѣ для многихъ; но нельзя не согласиться и въ томъ, что если геніальныя мысли требуютъ иногда нѣкотораго размышленія прежде, нежели содѣлаются вамъ доступны, то онѣ стоятъ усилій, употребляемыхъ для полнаго ихъ понятія, и не теряютъ тогда въ вашихъ глазахъ ничего противъ мысли, напряснѣйше изложенной. Если при всемъ этомъ, вамъ трудно понимать Жанъ-Поля, вы можете отдѣлить, при чтеніи каждаго періода, главную мысль отъ вводныхъ; прочтите сперва то, о чемъ идетъ дѣло, а потомъ наслаждайтесь прибавочными мыслями—и тогда вы поймете все, если знаете по-Нѣмецки, и найдете, что эти вводныя фразы, исклю-

чительное почти достояніе Жанъ-Поля, составляютъ особенную прелесть, и никогда не могутъ назваться неумѣстными или лишними, во что ихъ жалуютъ нѣкоторые. Вы скажете, что это длинный трудъ, что это работа, а не наслажденіе. Чтожъ дѣлать, если вы не хотите читать внимательно. Вотъ вамъ ключь для тѣхъ мѣстъ Жанъ-Поля, которыя кажутся непонятными.

Разсматривая всѣ произведенія Жанъ-Поля, дивишься ихъ разнообразію, дивишься многогранности идей и свѣдѣній автора; но при всемъ этомъ разнообразіи, куда ни поведетъ онъ васъ въ своихъ разсказахъ, онъ всегда остается вѣренъ тѣмъ высокимъ тремъ истинамъ, о которыхъ я говорилъ выше, какъ о главной характеристикѣ Жанъ-Поля. Это множество предметовъ, о которыхъ онъ говоритъ съ вами, есть не что иное, какъ богатство красокъ, употребляемыхъ имъ для обрисовки главныхъ предметовъ. Онъ хочетъ доказать и доказываетъ мастерски на практикѣ, что все, встрѣчающееся съ нами въ жизни, твердитъ намъ о Богѣ, о безсмертіи и о любви. И потому у него всюду мелькаютъ сіи мысли, и онѣ вездѣ кстати, онѣ кажутся необходимой принадлежностію каждаго предмета.

Жанъ-Поль былъ человѣкъ чрезвычайно образованный, начитанный — скажу болѣе: онъ былъ ученый, и эта его ученость есть, можетъ быть, так-

же одна изъ причинъ, почему его не всѣ понимаютъ. Онъ иногда закидываетъ васъ такими мудреными цитатами, такимъ множествомъ техническихъ словъ, что надобно точно быть самому ученымъ, чтобы вполнѣ понимать мысль его; но это все частности незначительныя: не велика бѣда, что вы не вполнѣ поймете пять строкъ, потому-что не знаете хорошо химіи, или математики, или астрономіи; въ слѣдъ за ними вы прочтете цѣлые десятки страницъ чистѣйшей поэзіи—и тогда вы вѣрно простите Жанъ-Полю ваше собственное незнаніе.

Скажите, ужели васъ не прельщаетъ ни веселость, ни задумчивость Жанъ-Поля, перемѣшанныя всегда вмѣстѣ и являющія вамъ точную картину нашей земной жизни, нашего странствованія въ семъ мірѣ, гдѣ слезы радости и горя сливаются въ одну чашу, гдѣ улыбка всегда угрожаема жаломъ печали, могущимъ въ одну минуту исказить улыбающіяся уста ваши судорожнымъ движеніемъ? Ужели васъ не прельщаетъ вѣрный снимокъ съ человѣческаго сердца, представляемый вамъ Жанъ-Полемъ со всѣми малѣйшими, едва замѣтными его движеніями? Ужели васъ не прельщаетъ живописаніе роскошной природы, являющейся въ твореніяхъ безсмертнаго Германскаго поэта со всею ея прихотливостію и непрерывною творческою дѣятельностію? Ужели васъ не прельщаетъ такъ горячо выраженная, утѣшительная вѣра въ Бога и въ безсмертіе вашей собственной души? Читая Жанъ-Поля, вы знакомитесь и съ не-

бомъ и съ землею. Онъ водитъ васъ всюду, куда можетъ проникнуть глазъ человѣческой, куда летитъ душа смертнаго, очищенная отъ персти, облекающей его. Осмотритесь на землѣ, взгляните мыслію на небо—и вы увидите, что Жанъ-Поль ни тутъ, ни тамъ не оставилъ нетронутымъ ничего, чѣмъ дорожитъ сердце. Все, что можетъ заставить васъ содрогнуться, задуматься, улыбнуться, вы все найдете у него описанное смѣлымъ перомъ со всѣмъ жаромъ и со всею отчетливостію истинно поэтическаго ума и сердца. Читайте Жанъ-Поля, изучайте его—и вы не растанетесь съ нимъ: онъ будетъ вѣрнѣйшимъ другомъ вашимъ, источникомъ утѣшенія въ минуты грусти, неисчерпаемымъ рудникомъ наслажденій во всякое время вашей жизни, во всякомъ расположеніи вашего духа. Каждое твореніе его можно читать по десяти разъ и всякой разъ находить въ немъ новую прелесть, новый предметъ удовольствія. Сегодня вы хотите смѣяться: берите Жанъ-Поля—вы насмѣетесь въ волю; завтра вы захотите плакать: берите опять его—онъ всегда найдетъ въ вашей душѣ струны, отъ прикосновенія къ коимъ ваши глаза увлажатся тихими слезами. Вы, можетъ быть, перемѣнили намѣреніе, вы хотите поучительнаго: берите опять въ руки Жанъ-Поля—онъ вамъ откроетъ таинства невѣдомыя; какъ бы вы умны ни были, онъ найдетъ средство научить чему нибудь даже вашу преисполненную знаній и разума голову. Но если вы не вѣрите въ Бога . . . о, тогда читайте безсмертнаго мыслителя—онъ убѣдитъ васъ, онъ про-

льетъ утѣшеніе въ вашу скорбящую душу, онъ возвратитъ ей покой, онъ покажетъ вамъ Творца въ полномъ сіяніи Его немеркнущей славы, сѣдящаго на облацѣхъ небесныхъ. О, тогда читайте, читайте Жанъ-Поля!

Показавъ общія черты, характеризующія его, я желалъ бы разобрать отдѣльно каждое изъ твореній его, чтобы высказать все, чѣмъ наполняется сердце и что поражаетъ умъ при чтеніи поэта. Но подобное предпріятіе заставило бы меня или вдаться въ безотчетныя восклицанія, или приготовить нѣсколько книгъ, объемомъ своимъ едва ли не равныхъ твореніямъ разсматриваемаго писателя. Такимъ образомъ я принужденъ ограничиться разборомъ однаго какаго нибудь сочиненія. Возьму Зибенкеса *. Изъ числа произведеній Жанъ-Поля Титанъ, Гесперусъ, Комета, Левана извѣстнѣе другихъ: о нихъ и писано и говорено было и впрямь и вкось, между-тѣмъ-какъ Зибенкесъ оставался въ забвеніи и, сколько мнѣ извѣстно, не былъ доселѣ подвергнутъ подробному разбору. Мнѣ еще не удавалось видѣть на Русскомъ языкѣ и отрывковъ изъ него. Зибенкесъ стоитъ однако полнаго вниманія и принадлежитъ къ числу самыхъ поэтическихъ и глубокомысленныхъ созданій Жанъ-

* Blumen-Frucht-und Dornenstücke, oder Ehestand, Tod und Hochzeit des Armenadvokaten F. A. Siebenkäs. Jean-Paul's sämmtliche Werke T. XI, XII, XIII und XIV. Berlin bei G. Reimer 1826. — Я нарочно означаю изданіе, чтобы переводы, которые представлю, могли быть удобно свѣрены съ подлинникомъ тѣми, кто пожелаетъ.

Полева воображенія и ума. Въ немъ изложены, въ картинѣ вѣрной, многія важнѣйшія происшествія практической жизни человѣка. Зибенкесъ не богатъ хитросплетеніемъ завязки: въ немъ мало или почти вовсе нѣтъ неожиданныхъ катастрофъ; все обыкновенно, натурально—и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно и трогательно до крайности. Въ этомъ романѣ Жанъ-Поль показалъ, до какой степени онъ знаетъ человѣческое сердце; онъ представилъ его читателю съ такихъ различныхъ сторонъ, и такъ отчетливо обрисовалъ всѣ впечатлѣнія, производимыя на него внѣшними предметами, что нельзя этому не удивляться.

Прежде всего надобно познакомить васъ съ героемъ романа. Зибенкесъ—бѣдный адвокатъ, человѣкъ чувствительный, умный, даже сочинитель. Онъ женится на бѣдной дѣвушкѣ, по-имени Лепеттѣ, которая содержала себя шитьемъ чепчиковъ и дамскихъ уборовъ. Въ Кушнаппель, гдѣ жилъ Зибенкесъ, для совершенія бракосочетанія привозитъ ее совѣтникъ Штифель, старый знакомый Зибенкеса. У Зибенкеса есть искренній другъ, Лейбгеберъ, похожій не него какъ нельзя болѣе, совершенный его двойникъ. Отпразднована свадьба; гости разъѣхались. Послѣдній ушелъ Штифель — а Лейбгеберъ, какъ домашній человѣкъ, провожаетъ его внизъ по лѣстницѣ. Зибенкесъ, съ своей молодой прекрасной женою, остался одинъ въ ожиданіи возвращенія своего друга Лейбгебера. Посмотримъ теперь, какъ Жанъ-Поль рисуетъ ихъ положеніе—пер-

вую минуту, когда они, освободившись отъ докучливыхъ гостей, могутъ глядѣть въ тишинѣ другъ на друга и передавать другъ другу свои ощущенія. Вотъ вамъ переводъ этой сцены, написанной мастерски, и въ которую я, при всемъ стараніи, не могу перенести и половины красотъ неподражаемаго подлинника. Прислушайтесь и старайтесь дополнять въ умѣ то, что я не-въ-силахъ передать вамъ.

«* Рука въ руку сидѣли теперь новобрачные впотьмахъ, въ первый разъ одни другъ возлѣ друга...

«Прекрасный часъ, когда въ каждомъ облакѣ стоялъ улыбающійся ангелъ и вмѣсто дождевыхъ капель ронялъ цвѣты... прекрасный часъ, пусть отблескъ твой падетъ на мою бумагу и будетъ на ней еще видѣнъ.

«Новобрачный еще никогда не цаловалъ своей невѣсты. Онъ зналъ, или думалъ, что его лице болѣе умно, натянуто, угловато и остро, нежели гладко-прекрасно; а такъ-какъ сверхъ того онъ самъ смѣялся надъ своей фигурой, то полагалъ, что она и другимъ кажется не менѣе смѣшною. Онъ не заботился, какъ на него смотрятъ и что про него говорятъ другіе. При всемъ томъ, у него никакъ не ставало духу (развѣ въ минуты дружескихъ восторговъ) поцаловать своего Лейбгебера, не только-что Ленѣтту. Онъ пожалъ теперь крѣпче ея руку и смѣло повернулъ свое лице

* Siebenkäs. T XI, Erster Band, p. 42.

къ ея лицу, въ особенности потому, что онъ не могъ ничего видѣть. Онъ желалъ, чтобы на лѣстницѣ было столько ступеней, сколько на Мюнстерѣ: тогда бы Лейбгеберъ еще долго не явился со свѣчою. Вдругъ скользнулъ по его губамъ дрожащій поцалуй—тогда запылало въ немъ изъ пепла пламя любви. Ленетта, невинная какъ дитя, думала, что невѣста обязана поцаловать новобрачнаго. Онъ обнялъ испуганную Ленетту съ нѣкоторою осторожностію и вмѣстѣ смѣлостію, и прикоснулся къ губамъ ея своими губами, пылающими огнемъ любви, вина и радости; но она отвернула (такъ странны женщины) скованныя уста свои отъ горячихъ устъ Зибенкеса и поворотила къ его счастливымъ губамъ снова свою щеку. — — — — На ней скромный супругъ напечатлѣлъ долгій, спокойный поцалуй, и выражалъ наслажденіе свое неизъяснимо-сладкими слезами, падавшими, какъ горячія капли нефти, на щеку Ленетты, а оттуда на ея дрожащее сердце. Она все болѣе и болѣе отворачивала лице свое, но пріятно пораженная его любовью притягивала его ближе къ себѣ. — — — — — — — Онъ оставилъ ее прежде возвращенія своего друга *.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Лейбгеберъ вошелъ. Глаза новобрачныхъ, блистающіе

* Строки, означаемыя мною точками, не переведены изъ подлинника, какъ находящіяся въ связи со всѣмъ романомъ и требующія лишнихъ объясненій.

слезами, разсказали ему все. Друзья долго глядѣли другъ на друга съ улыбкой замѣшательства, а Ленетта потупила глаза. Лейбгеберъ прокашлялся два раза и сказалъ наконецъ съ робостію: «Нашъ вечеръ «былъ очень хорошъ.» Чтобы на него не смотрѣли, онъ сталъ за стуломъ жениха и, положивъ свою руку ему на плечо, жалъ его дружески. Но тутъ счастливецъ не могъ уже болѣе владѣть собою; онъ всталъ и оставилъ руку невѣсты: соединенные ангелами, окруженные небесами, два друга покоились въ мужескихъ тихихъ объятіяхъ. Въ возрастающемъ упоеніи, новобрачный, для разширенія высокаго союза, хотѣлъ привлечь возлюбленную въ объятія своего возлюбленнаго; но невѣста и другъ остались раздѣленными и обнимали только его—и три чистыя неба разверзлись въ трехъ чистыхъ сердцахъ, и въ нихъ не было ничего, кромѣ Бога, любви и радости и маленькой земной слезы, висящей на всѣхъ нашихъ радостныхъ цвѣтахъ.»

Вотъ какъ Жанъ-Поль описываетъ любовныя сцены. Но не забывайте, что въ подлинникѣ всякое слово дышитъ красотою, что исчезаетъ въ переводѣ; для васъ потеряна вся грація изложенія, которой при всемъ стараніи невозможно передать, и я весьма доволенъ, если только понятно выразилъ вамъ мысли Жанъ-Поля.

Такъ начинается жизнь Зибенкеса въ брачномъ состояніи. Любовь и дружба улыбаются ему устами

его Лейбгебера и его Ленетты. При такомъ положеніи дѣлъ счастіе кажется несомнѣннымъ. Чего недостаетъ счастливцу? Онъ любимъ пламенно женою и другомъ; въ ихъ сердцахъ найдетъ онъ всегда отголосокъ своему сердцу. Но, увы! наше земное счастіе непрочно; оно требуетъ такаго множества условій, не всегда зависящихъ отъ насъ. Небольшое достояніе Зибенкеса похищено у него его опекуномъ—и онъ повергнутъ въ совершенную нищету. Его литературные труды мало приносятъ ему выгоды; онъ принужденъ продавать вещи свои для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ жизни. Это вторженіе оборванной нищеты въ скромное жилище адвоката, ея постепенное усиленіе, описаны Жанъ-Полемъ такъ трогательно, что въ иныхъ мѣстахъ едва можно удержаться отъ слезъ. Зибенкесъ трудится; онъ пишетъ, пишетъ... Его мучатъ семейныя обстоятельства; онъ работаетъ, но работа не всегда удается ему: его голова занята заботами о снисканіи себѣ и женѣ пропитанія. Волнуемый внутренно, онъ изъясняетъ внѣшними причинами свою разсѣянность. Ему кажется, что его развлекаетъ жена своими хлопотами по хозяйству—и вотъ онъ сидитъ у письменнаго стола и . . . . но пусть Жанъ-Поль самъ разскажетъ положеніе души его.

* На другой день Зибенкесъ, садясь къ письменному столу, сказалъ своей женѣ: «если можно, Ленетта,

* Siebenkäs. T. XII, Zweiter Band, p. 5.

«не дѣлай сегодня особеннаго шуму—онъ мнѣ почти «мѣшаетъ, когда я сижу и работаю для печати.» Она отвѣчала: «Я думала, что ты меня едва слышишь— «такъ я тихо хожу.»

«Сказавъ это, Зибенкесъ невольно сталъ подслушивать, что будетъ дѣлать Ленетта въ слѣдствіе его просьбы. Она бѣгала теперь по полу такъ тихо, какъ бы на паучьихъ ногахъ, потому-что она, какъ и всѣ другія женщины, противорѣчила не для того, чтобы противодѣйствовать, а только для того, чтобы противорѣчить. Зибенкесъ долженъ былъ прилѣжно примѣчать, чтобы услышать движеніе ея рукъ или ногъ; ему однако посчастливилось—и онъ слышалъ почти все. Когда не спишь, то обращаешь болѣе вниманія на легкій шорохъ, нежели на значительный шумъ: теперь слушалъ ее сочинитель внимательно; его ухо и его душа слѣдовали за нею повсюду, какъ бы считая ея шаги—словомъ, онъ долженъ былъ въ серединѣ одной сатиры остановиться, вскочить и сказать женѣ: «вотъ «ужъ цѣлый часъ я слушаю мучительную ходьбу «на цыпочкахъ: я бы желалъ лучше, чтобы ты бѣгала «въ башмакахъ съ желѣзными подошвами, и была ими «тактъ—ходи, любезная, лучше обыкновенно!»

«Она исполнила его желаніе и ходила почти обыкновенно. Отмѣнивъ громкую и тихую походку, онъ бы отмѣнилъ и среднюю; но человѣкъ не охотно противорѣчитъ себѣ два раза въ одно утро, а развѣ толь-

ко одинъ разъ. Вечеромъ проспалъ онъ ее только надѣвать носки въ то время, какъ онъ пишетъ свои сатиры, въ особенности потому, что полъ холоденъ: «вообще, прибавилъ онъ, такъ-какъ я теперь по утрамъ «заработываю хлѣбъ, то хорошо бы было, еслибъ и ты «во время моихъ литературныхъ занятій исправляла «только самонужнѣйшія дѣла.»

«На другое утро сидѣлъ онъ и мысленно слѣдовалъ за ея занятіями (въ это время онъ продолжалъ писать, но хуже), прислушиваясь, имѣетъ ли каждое дѣйствіе ея паспортъ необходимости. Пишущій страдалецъ терпѣливо сносилъ многое; но когда Ленетта длинною метлой начала сметать въ спальнѣ солому съ зеленаго брачнаго ложа, этотъ крестъ сдѣлался слишкомъ тяжелъ для его плечъ. Къ тому же третьяго-дня читалъ онъ, что богословъ Іоганъ Пехманъ не могъ слышать метлы, что шорохъ ея производилъ въ немъ одышку, и что онъ бѣжалъ, увидя только человѣка метущаго улицу: такаго рода чтеніе заставило его, противъ воли, быть болѣе внимательнымъ и сдѣлало для него это обстоятельство нестерпимымъ. Не вставая съ мѣста, закричалъ онъ домашней чистильщицѣ: «Ленетта, не мети и не скреби теперь твоею мет«лою — она не даетъ мнѣ работать; былъ нѣкогда «одинъ старый пасторъ Пехманъ, который бы лучше «согласился мести Венскія улицы, нежели слышать, «какъ онъ метутъ; ему бы пріятнѣе былъ ударъ «метлой, нежели проклятый шорохъ ея А я дол-

«женъ, не смотря на домашнюю метлу, держать въ
«головѣ разумную мысль, которая бы могла предстать
«передъ печатникомъ и наборщикомъ: подумай объ этомъ!

«Ленетта сдѣлала теперь то, что бы сдѣлала всякая добрая женщина и ея постельная собачка: она *мало по малу* утихла; она даже отложила метлу и загребала щеткой потихоньку, въ то время, какъ мужъ ея писалъ такъ же громко, какъ она подметала подъ кровать нѣсколько оставшейся соломы и пуху отъ перьевъ. Редакторъ извлеченія изъ записокъ Сатаны услышалъ противъ ожиданія это движеніе: онъ всталъ, пошелъ къ дверямъ комнаты и сказалъ: «Дорогая моя! адское мученіе для меня одинаково, если я слышу движеніе; заметай несчастный соръ пав«линовыми перьями, сдувай его мѣхами: я и моя книга «теряемъ отъ этаго, и немпнуемо изуродуемся.» Она отвѣчала: «я и безъ того ужъ готова.»

«Онъ усѣлся снова за работу.»

«Ленетта между-тѣмъ заперла потихоньку дверь въ его комнату; онъ долженъ былъ заключить, что въ его геэнпѣ снова затѣвается что-нибудь противъ него. Онъ отложилъ перо и закричалъ черезъ столъ: «Ле«нетта, я не могу хорошо слышать; но если ты тамъ «опять принимаешься за что-нибудь нестерпимое для «меня, то прошу тебя, ради Бога, оставь это, прекрати «сегодпешнія страданія мои и Вертеровы мученія—по-

«кажись сдѣлай милость.» Она отвѣчала однако прерывистымъ отъ сильнаго движенія голосомъ: «Ничего, я ничего не дѣлаю.» Онъ всталъ опять и отворилъ дверп своей мучительной комнаты. Жена его терла и чистила сѣрымъ фланелевымъ лоскуткомъ рѣшетчатую супружескую кровать. Зибенкесъ наѣкоро проглотилъ полштофа комнатнаго воздуха и тихо сказалъ:

«Ты метешь и чистишь, какъ я вижу, снова; «знаешь, что я тамъ спжу п въ потѣ лица работаю «для насъ обоихъ, и вотъ уже часъ, что я пишу «безъ всякаго смысла. Дражайшая половина! ради «Бога, кончи разъ и не погуби меня совершенно твоей «тряпкой.» Лепетта сказала съ удивленіемъ: «Не мо«жетъ быть, душенька, чтобы ты слышалъ сидя тамъ.» Онъ взялъ нѣсколько поспѣшно, но нѣжно, ея руки и сказалъ громче: «Ты перестанешь! Въ томъ-то и со«стоптъ мое несчастіе, что я тамъ не могу этаго слы«шать, а долженъ только догадываться—и проклятая «мысль о метлахъ и щеткахъ занимаетъ у меня мѣ«сто лучшихъ идей, которыя бы я могъ положить на «бумагу! Ангелъ мой! никто бы не былъ счастливѣе «и не могъ бы спокойнѣе продолжать работу, какъ я, «если бы ты сзади меня палила изъ пушекъ, гаубицъ «и стофунтовыхъ орудій; но для тихаго шороха я не «рожденъ.»

Дѣла Зибенкеса идутъ дурно. Онъ бѣднѣетъ съ каждымъ днемъ. Жена его, добрая, прекрасная собой,

но слабая и не привыкшая къ лишеніямъ, горюстъ; бѣдный адвокатъ борется, сколько можетъ, съ нуждою; его положеніе ужасно. Жанъ-Поль вливаетъ ему въ душу утѣшеніе свыше, и вотъ какъ выражается безсмертный поэтъ, вотъ какъ говоритъ онъ

Объ Утѣшеніи *

«Можетъ. или, лучше сказать, должно настать время, когда нравственность велитъ намъ оставить въ покоѣ не только другихъ, но и самихъ себя; должно настать время, когда человѣкъ еще здѣсь, на землѣ, отретъ многія слезы, если не изъ другаго побужденія, то хоть изъ гордости!

«Правда, природа такъ часто и внезапно вырываетъ изъ глазъ слезы и вздохи изъ груди, что благоразумный человѣкъ никогда не можетъ совершенно сорвать траурнаго флёра съ тѣла своего; но дѣло въ томъ, чтобы душа его не покрывалась имъ! Если мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность или въ достоинство сносить съ веселіемъ малыя скорби, то подавленіе наибольшихъ есть также достоинство, но достоинство бо́льшее, точно такъ, какъ прощеніе малыхъ и большихъ обидъ проистекаетъ изъ одного и того же источника.

«Первая вещь, съ которою мы должны сражаться при всякой скорби, какъ и при гнѣвѣ, есть—ея ядо-

* Siebenkäs. T. XII, Zweiter Band, p. 62.

витая, парализирующая сладость, которую мы такъ неохотно смѣняемъ работой разсудка—утѣшеніемъ.

«Мы не должны желать, чтобы философія однимъ почеркомъ пера подражала въ обратномъ смыслѣ Рубенсу, который однимъ размахомъ кисти превращалъ смѣющагося ребенка въ плачущаго Довольно, если она превратитъ совершенный трауръ души нашей въ полутрауръ; довольно, если я могу сказать себѣ: я согласенъ нести скорбь, оставленную мнѣ философіею; безъ нея она была бы сильнѣе; укушеніе комара было бы укушеніемъ осы.

«Даже тѣлесныя мученія сыплютъ на насъ свои искры изъ электрическаго конденсатора нашей собственной фантазіи. Мы бы сносили спокойно самую сильную боль, если бъ она продолжалась одну терцію; но вѣдь мы никогда не выдерживаемъ часу страданій, а только совокупленныя терціи боли: фантазія собираетъ 60 лучей ея въ одну горящую точку и устремляетъ на наши нервы. Самое мучительное въ страданіяхъ тѣла есть безтѣлесное, а именно—наше нетерпѣніе, и то, что мы воображаемъ, будто наши страданія непрерывны.

«Мы всѣ знаемъ навѣрное, что о многихъ потеряхъ не будемъ сокрушаться черезъ двадцать, десять лѣтъ, или черезъ два года; зачѣмъ же не говоримъ мы себѣ: «если такъ, то я лучше сейчасъ брошу мнѣніе, ко-

«торое оставлю черезъ двадцать лѣтъ? не лучше ли
«мнѣ заблуждаться двадцать часовъ, нежели двадцать
«лѣтъ?»

«Когда я просыпаюсь послѣ сновидѣнія, рисовав-
шагося мнѣ на черномъ грунтѣ ночи, и вижу, что
цвѣтущая земля моя исчезла; то едва вздохну, и думаю:
вѣдь это былъ сонъ. Если бъ я въ самомъ дѣлѣ наяву
обладалъ симъ цвѣтущимъ островомъ, и онъ прова-
лился бы отъ землетрясенія, зачѣмъ не сказать мнѣ
тогда: вѣдь это былъ сонъ? Зачѣмъ я при потерѣ *про-
должительнаго* сна неутѣшнѣе, нежели при потерѣ
короткаго? и почему человѣкъ находитъ большую поте-
рю менѣе нужною и вѣроятною, нежели маленькую?

«Потому-что всякое ощущеніе, всякая страсть бе-
зумны, и требуютъ или созидаютъ себѣ собственный
міръ. Человѣкъ можетъ сердиться на то, что *уже* 12
часовъ или *только-что* пробило. Какое безразсудство!
Страсть желаетъ имѣть не только свой собственный
міръ, свое собственное *я*, но и свое время. Прошу каж-
даго позволить страстямъ его высказаться, выслу-
шать ихъ и распросить о томъ, чего онѣ собственно
хотятъ: кто это сдѣлаетъ, тотъ ужаснется ихъ чудо-
вищныхъ желаній, до того времени только полувымол-
вленныхъ. Гнѣвъ желаетъ, чтобы у всего человѣче-
ства была одна голова, любовь—одно сердце, грусть—
двѣ слезы, а гордость—два преклоненныхъ колѣна!

«Когда я перечитывалъ въ хроникѣ Видмана Гефера страшныя кровавыя времена Тридцатилѣтней войны; когда я слышалъ ужасающіе вопли о помощи боровшихся въ волнахъ Дуная, и когда видѣлъ всплескиваніе руками и безумное скитаніе по разбросаннымъ остаткамъ мостовъ, окруженнымъ пѣнящимися волнами и льдинами—и когда я думалъ, волны успокоились, ледъ растаялъ, шумъ утихъ, а съ ними и люди съ ихъ вздохами: тогда въ меня вливалось утѣшеніе для всѣхъ временъ, и я спрашивалъ: стоило ли сокрушенія это преходящее горе? . . . . .

. . . . . .

«Одна горесть будетъ тебѣ прощена, человѣкъ—горесть объ отшедшихъ; потому-что это сладкое горе есть нѣкоторымъ образомъ утѣшеніе. Наше сѣтованіе о нихъ есть продолженіе любви нашей къ нимъ, и въ думѣ о разлукѣ съ ними мы проливаемъ слезы, какъ бы представляя себѣ радостное съ ними свиданіе—и слезы эти едва ли различны. . . . . .»

Между-тѣмъ бѣдность, нищета не покидаютъ жилища Зибенкеса. Мало-по-малу исчезали изъ его небольшаго хозяйства посуда и мебель; но деньги, вырученныя продажею вещей, не надолго давали отдыхъ бѣднымъ людямъ: день, два, три, недѣля—и опять надобно было прiпскивать что-нибудь для продажи. Желудокъ не хочетъ знать стѣсненнаго положенія своего господина—и, не смотря ни на какое горе, докладываетъ ему,

что онъ пустъ, и что ему нельзя долго оставаться въ бездѣйствіи А денегъ все нѣтъ и нѣтъ. Найдены еще кое-какія мебели и проданы. Жена Зибенкеса сокрушается и въ безразсудномъ горѣ своемъ восклицаетъ:

«Легкомысленный! такимъ образомъ онъ скоро будетъ нищимъ: прекрасныя мебели!»

Зибенкесъ не упадаетъ духомъ и говоритъ Ленеттѣ:

«Жена! клянусь тебѣ также свято, какъ еслибъ я стоялъ на свиной щетинѣ *: если угодно Богу, сотворившему меня весельчакомъ, чтобы я гулялъ по городу съ восьмью тысячами дыръ на платьѣ и безъ подошвъ на чулкахъ и сапогахъ; если я долженъ бѣднѣть все болѣе и болѣе (при сихъ словахъ глаза его противъ воли сдѣлались мокры и голосъ нерѣшителенъ): то пусть поберетъ меня чортъ и застегаетъ до-смерти концомъ своего хвоста, если я не буду смѣяться и пѣть. И кто захочетъ жалѣть обо мнѣ, тому я въ глаза скажу, что онъ дуракъ. Боже мой! Діогенъ, Эпиктетъ и Сократъ имѣли рѣдко цѣльное платье на плечахъ, а рубашки не имѣли и вовсе — и нашъ братъ долженъ горевать объ этомъ **?»

* Жиды прежде должны были клясться, стоя босыми ногами на свиной шкурѣ.

** Siebenkäs. T. XII, Zweiter Band, p. 69.

Но вотъ сцена, открывшая бѣдному Фирміану Зибенкесу душу его жены.

«Спустя нѣсколько дней послѣ Мартынова дня, Фирміанъ имѣлъ въ виду продажу двухъ хорошихъ вещей—длиннаго ливера и большой широкой дѣтской деревянной лошади (игрушка, оставшаяся отъ его ребяческихъ лѣтъ). «У насъ нѣтъ ни бочки, ни ребенка,» говорилъ онъ женѣ; но она умоляла его ради Бога не дѣлать этаго. «Лошадь и ливеръ, говорила она, слишкомъ торчатъ изъ-подъ передника и изъ корзины, и при лунномъ свѣтѣ можетъ ихъ всякой видѣть—ради Бога не дѣлай мнѣ этаго стыда!»

«Однако что-нибудь надобно же продать.

Въ странномъ, растроганномъ расположеніи духа Фирміанъ сказалъ: «надобно.»

«Все, что ты хочешь, отвѣчала жена, только не громоздкія вещи—я сама поищу.» Она начала искать, выдвинула верхній ящикъ комода, и вынула оттуда букетъ Итальянскихъ цвѣтовъ, говоря: «вотъ лучше это!» и она не плакала и не смѣялась. Онъ часто видѣлъ этотъ букетъ; но какъ онъ подарилъ его ей, своей невѣстѣ, въ день свадьбы, и букетъ былъ такъ романически прекрасенъ—бѣлая роза, два красные нераспустившіеся цвѣтка и незабудки, то всѣ фибры его чувствительнаго сердца задрожали при мы-

слп о томъ, что должно разстаться съ этимъ пестрымъ воспомпнаніемъ лучшаго радостнѣйшаго времени.

«Леиетта (сказалъ онъ необычайно мягкимъ тономъ)! вѣдь это цвѣты отъ нашей свадьбы.»

«Да кто ихъ знаетъ (отвѣчала она весело и холодно)? А они все не такъ велики, какъ другія вещи.»

«Развѣ ты забыла, говорилъ онъ, какъ я толковалъ тебѣ тогда значеніе букета?»

«Ахъ (отвѣчала она еще холоднѣе и радуясь своей памяти)! незабудки значатъ, что я не должна забывать тебя, а ты меня, нераспустившійся цвѣтокъ означаетъ радости . . . . нѣтъ, онъ означаетъ радости еще не совсѣмъ сбывшіяся, а бѣлая роза. . . . . это я право сама ужъ забыла. . . . .

«Горе означаетъ она (сказалъ онъ отчаянно), невинность и горе, и блѣдное бѣлое лицо означаетъ она.» Онъ упалъ въ слезахъ къ ней на шею и воскликнулъ: «Любезная! любезная! я ничего не могу сдѣлать — я бы желалъ все дать тебѣ, но у меня нѣтъ ничего. . . .»

Онъ вдругъ остановился, потому-что она въ то время, какъ онъ обнималъ ее, задвинула ящикъ въ комодъ и смотрѣла на него свѣтлыми спокойными гла-

замп, въ которыхъ не было ни слезинки. Она продолжала тономъ прежней просьбы и съ большею надеждою на успѣхъ: «не правда ли, ливеръ и лошадь останутся здѣсь? За букетъ намъ и дадутъ болѣе.»

«Ленетта, Ленетта! говорилъ онъ непрерывно голосомъ все болѣе и болѣе мягкимъ, добрая Ленетта!»

«Отъ чего же нѣтъ?» спрашивала она, не понимая его. «Лучше заложить платье съ плечъ!» отвѣчалъ онъ. Она подумала, что онъ мѣтитъ на ея клетчатое траурное платье, сдѣлалась отъ этаго нѣжною, и начала вдругъ съ жаромъ проповѣдывать противъ закладыванія большихъ мебелей. Изъ всего этаго заключилъ онъ, что ея прежняя холодность неподдѣльная. Онъ узналъ все, онъ узналъ самое ужасное, то, чего никакой философъ не можетъ ни уменьшить ни измѣнить своими сладкими каплями..... онъ узналъ, что

«Или она его болѣе не любитъ, или не любила никогда.»

Какое сильное впечатлѣніе производитъ эта сцена, какимъ умиленіемъ наполняется душа, когда бѣдный Зибенкесъ говоритъ женѣ своей:

(*) Siebenkäs. T. XII. Zweiter Band, p. 76.

«я бы желалъ дать тебѣ все, но у меня нѣтъ ничего.» Въ этихъ немногихъ словахъ столько чувства глубокаго, и любви, и грусти, что, имѣя передъ собою весь романъ въ подлинникѣ, на нихъ нельзя не остановиться, нельзя не уронить невольной слезы.

А Ленетта? она его не любитъ. И онъ бѣдный долженъ влачить теперь жалкую жизнь между безпрестанно угрожающею нищетою и женою, которая не чувствуетъ къ нему ничего. Грустно для всякаго человѣка съ сердцемъ убѣдиться въ жестокой истинѣ, что существо, въ которомъ онъ полагалъ все свое счастіе, всѣ свои надежды на будущее благополучіе, грустно удостовѣриться ему, что это существо не любитъ его. Но для того, кто внѣ любви своей видитъ только одно горе и заботы, иногда безплодныя, о, для такаго несчастливца этотъ ударъ есть самый ужасный, какой только можетъ когда-либо поразить человѣка. Отказаться отъ всего, лишиться всего, остаться въ добычу мукамъ и отчаянію... о это положеніе невыразимо-жестокое!

И такъ Ленетта не любитъ Зибенкеса по какой бы то ни было причинѣ. Она влюбилась въ Штифеля, который привезъ ее нѣкогда изъ мѣста ея рожденія въ городъ Кушнаппель для сочетанія ее бракомъ съ Зибенкесомъ. Душа Фирміана, нѣжная, исполненная возвышенныхъ чувствъ, вѣровавшая въ привязанности жены своей и согрѣваемая симъ вѣрованіемъ во всѣхъ

непріятностяхъ жизни, вдругъ принуждена убѣдиться въ томъ, что простая, добрая, невинная Ленетта не ставитъ ни во что его любовь, и уже давно подарила сердце свое другому, который вѣрно не будетъ умѣть такъ любить ее, какъ любилъ онъ. Убитый грустію, Фирміанъ убѣжденъ, что конецъ жизни его близокъ, что апоплектическій ударъ неминуемо оторветъ его на-вѣки отъ міра и его мученій. Но чтобы получить болѣе ясное и полное понятіе о томъ, что происходитъ въ душѣ Зибенкеса, я оставлю его самаго высказать всѣ помышленія и чувства свои. Вотъ онъ сидитъ за своимъ письменнымъ столомъ и въ послѣдній разъ пишетъ свои «вечерніе листки» (такъ называлъ онъ свой дневникъ). Онъ хочетъ отправить ихъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ своимъ «извлеченіе изъ бумагъ Сатаны» къ своему отсутствующему другу Лейбгеберу.

«Еслибъ можно было подарить свою жизнь,» пишетъ онъ, «я бы сейчасъ отдалъ мою какому-нибудь умирающему. Не смотря на это, не думайте, чтобы я, видя передъ собою совершенное солнечное затмѣніе, сказалъ: и въ Америкѣ тоже затмѣніе — или, чтобы, видя падающіе передъ моимъ носомъ снѣжные хлопья, я думалъ, что *Золотой берегъ* замерзъ. Жизнь красна и тепла; даже моя была нѣкогда такою. . . . .

. . . . . .

«Если какой-нибудь историкъ-изслѣдователь сихъ дневныхъ или ночныхъ листовъ захочетъ узнать, какія тяжести, гнѣзда и бѣлье, висѣли на моихъ вѣтвяхъ и на моей вершинѣ и преклонили ее такъ низко, и если онъ будетъ еще болѣе любопытствовать, имѣя въ виду веселыя сатиры, писанныя мною: то я отвѣчаю сему историку-изслѣдователю, что его любопытство ищетъ болѣе, нежели сколько я самъ знаю, болѣе, нежели я говорю. Человѣкъ и хрѣнъ болѣе всего кусаютъ, когда они растерты, и по этой-же причинѣ сатирикъ печальнѣе шута, орангутангъ задумчивѣе обезьяны—потому-что онъ благороднѣе ея. Когда этотъ листъ будетъ въ твоихъ рукахъ, мой Гейнрихъ, мой возлюбленный, и ты пожелаешь узнать что-нибудь о градѣ, падавшемъ все крупнѣе и больше на мой посѣвъ; то не считай градинъ, а только поломанные колосья. Умеря болѣе ничего нѣтъ, чтобы меня радовало—кромѣ твоей дружбы, ничего, чтобы меня поддерживало—кромѣ нея. Такъ-какъ мнѣ по многимъ причинамъ ** трудно будетъ посѣтить тебя въ Байрейтѣ, то разстанемся на этой бумагѣ; какъ духи, подадимъ другъ другу руки въ воздухѣ. Я ненавижу сентиментальность, но судьба почти вбила мнѣ ее—и сатирическая Глауберова соль, очень въ этихъ случаяхъ полезная, не приноситъ мнѣ видимаго облегченія, не смотря на то, что я принимаю ее соу-

* Лейбгеберъ.

** По недостатку денегъ и здоровья.

снымп ложками. Впрочемъ что до этаго! Судьба не ждетъ нашего выздоровленія такъ, какъ судъ для произнесенія надъ нами приговора. Головокруженіе и другіе предшественники удара возвѣщаютъ, что скоро будетъ мнѣ предписано противъ кровотеченія изъ носу хорошее Галеновское кровопусканіе *

«Когда все это совершится, прошу тебя, Гейнрихъ, пріѣхать когда-нибудь въ нашъ городъ, и велѣть открыть безмятежное лице твоего друга. Когда ты наглядишься, мой Гейнрихъ, на сѣрое, покрытое пятнами лице и подумаешь, что не много солнечнаго свѣту падало на него, ни свѣту любви, ни свѣту счастья, ни свѣту славы, тогда ты будешь не въ состояніи взглянуть на небо и сказать Богу: » и наконецъ, «послѣ всѣхъ его горестей, ты уничтожилъ его, Боже, «и въ то время, какъ онъ умирая воздѣвалъ руки къ «Тебѣ и къ Твоему міру, Ты простеръ его такъ, какъ онъ теперь еще лежитъ несчастный.» Нѣтъ Гейнрихъ, если я умру, ты долженъ вѣрить въ безсмертіе.

«Теперь хочу я, дописавъ этотъ вечерній листокъ, погасить свѣчу, потому-что луна бросаетъ въ комнату мою широкіе свѣтлые лучи свои. Всѣ спятъ въ домѣ. Сидя въ тишинѣ и разсматривая бѣлую магію луны въ черной магіи ночи и прислушиваясь къ полету цѣлыхъ стай перелетныхъ птицъ, являющихся изъ теплыхъ странъ, я хочу, Гейнрихъ, сегодня, никѣмъ не тревожимый, вспомнить явственно все прошедшее. Я хо-

* Кровопусканіе, доводящее до обморока.

чу представить себѣ май нашей дружбы—всякой вечеръ, когда мы бывали слишкомъ растроганы и должны были обнимать другъ друга—мои сѣдыя, старыя надежды, которыя теперь едва я знаю — пять старыхъ, но свѣтлыхъ, теплыхъ веснъ, памятныхъ мнѣ и доселѣ—мою покойную мать. Хочу представить себѣ и будущую минуту моей смерти, когда твой образъ въ послѣдній разъ на землѣ предстанетъ умственному взору моему, когда я разстанусь съ тобою и съ мрачной внутренней грустью, не могущей уже болѣе увлажить охладѣвшіе глаза, упаду передъ твоимъ затмѣвающимся образомъ, и изъ густаго тумана смерти только вззову къ тебѣ еще разъ: «Гейнрихъ, прощай, прощай.»

«О, я болѣе ничего не могу сказать *.»

Приведенное мною мѣсто есть только часть (хотя бо́льшая) грустной исповѣди Зибенкеса другу. Я не перевелъ изъ нея мѣстъ, требующихъ объясненія. Какая убійственная грусть и вмѣстѣ какое великое утѣшеніе! какая твердая вѣра, какое спокойствіе въ словахъ Фирміана, готоваго умереть и увѣреннаго въ скорой кончинѣ своей! По этому одному отрывку можно имѣть весьма полное понятіе о характерѣ Зибенкеса, всегда восторженнаго, пасмѣшливаго, задумчиваго, добраго и крѣпко привязаннаго къ тѣмъ, кѣмъ

* Siebenkäs. T. XIII. Dritter Band, p. 90.

дорожитъ его сердце. Прочитавъ это письмо, или, лучше сказать, этотъ отрывокъ изъ его дневника, я полагалъ, что все кончено. Эта картина казалась мнѣ такою обширною, великолѣпною, что я ожидалъ непремѣнно вслѣдъ за симъ дѣйствительной смерти Зибенкеса. Но нѣтъ, не таковъ Жанъ-Поль: у него фантазія и философія такъ обширны, что ему и послѣ сего нужно было написать еще полтора тома.

Лейбгеберъ, получивъ посланіе Зибенкеса, убѣдительно проситъ его пріѣхать къ нему въ Байрейтъ и посылаетъ ему денегъ. Друзья свидѣлись. Въ Байрейтѣ Зибенкесъ знакомится съ одной прекрасной дѣвицей Наталіей, которая, удивляясь его уму и пылкимъ чувствамъ, влюбляется въ него. Лейбгеберъ, видя какъ изъ прежнихъ писемъ Фирміана, такъ и изъ разговоровъ его, что, при недостаточномъ состояніи и лишенный послѣдняго утѣшенія—любви жены, другъ его рѣшительно не можетъ быть счастливымъ, предлагаетъ ему, настаиваетъ и наконецъ уговариваетъ его выдать себя за умершаго и, пользуясь необычайнымъ сходствомъ между ними, отправиться вмѣсто него къ какому-то графу въ Вадуцъ, гдѣ ему предлагали выгодное мѣсто. Все рѣшено. Друзья ѣдутъ въ Кушнаппель въ домъ Зибенкеса. Тамъ Фирміанъ притворяется больнымъ. Какъ тяжело ему разыгрывать эту комедію! Но онъ рѣшился, имѣя въ виду не столько свое счастіе, сколько счастіе и покой жены. Она молода; она выйдетъ за-

мужъ, думаетъ онъ, и тѣмъ будетъ исторгнута изъ нищеты, которую принуждена раздѣлять съ нимъ; она будетъ любить своего втораго мужа и будетъ счастлива. И такъ вотъ Зибенкесъ лежитъ у себя въ домѣ больной. Ему не много лучше—и онъ, собравшись съ силами, намѣренъ объяснить свою послѣднюю волю.

«По-утру были призваны къ постелѣ больнаго Штифель и хозяинъ дома, Мербицеръ. «Господа, началъ больной, послѣ обѣда хочу я изъявить мою послѣднюю волю: но теперь желаю я уже приступить къ моему первому завѣщанію, прежде-нежели начну второе или приписку къ первому. Всѣ мои бумаги долженъ уложить и взять къ себѣ другъ мой Лейбгеберъ, послѣ того, какъ я самъ буду уложенъ въ послѣдній конвертъ съ адресомъ. Зная, что Датскіе короли, древніе Австрійскіе герцоги и извѣстнѣйшіе Испанцы были похороняемы, первые въ полномъ вооруженіи, вторые въ львиныхъ шкурахъ, третьи въ дрянныхъ капуцинскихъ мѣшкахъ, я желаю и приказываю сунуть меня въ гряду того свѣта въ той самой шелухѣ, въ которой я цвѣлъ на этомъ свѣтѣ—словомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ я нахожусь теперь и объявляю мое завѣщаніе. Это распоряженіе заставляетъ меня сдѣлать третіе, а именно, чтобы заплативъ *трупомойкѣ*, отправили ее немедленно прочь, потому-что я въ теченіе всей моей жизни не могъ терпѣть двухъ женщинъ, одну, которая споласкиваетъ насъ по прибытіи на свѣтъ, и другую, которая поло-

щетъ насъ по отбытіи въ другой міръ—повивальную бабку и трупомойку. Она не должна дотрогиваться до меня ни пальцемъ, и вообще никто другой пусть меня не трогаетъ кромѣ моего Лейбгебера. Далѣе желаю я, чтобы мой Гейнрихъ закрылъ на-вѣки мое лице большой маской (которую я принесъ съ верху изъ стараго сундука) въ ту минуту, какъ оно подернется признаками прощанія. Также хочу я, когда совершенно покину поля прошедшаго, имѣть, по крайней мѣрѣ на груди, шелковый букетъ жены моей, какъ игорную марку потерянныхъ радостей. Наконецъ желаю я, чтобы, при моемъ отбытіи, меня не провожали, съ колокольнымъ звономъ и музыкой какъ отъѣзжающаго изъ Карлсбада, какъ больныхъ гостей источника жизни.» Онъ приказалъ подать себѣ силлуетъ жены своей и сказалъ запинаясь: «прошу моего добраго Гейнриха и господина хозяина дома удалиться на одну минуту и оставить меня однаго съ моей женой и съ г. Штифелемъ.»

«Когда исполнили его желаніе, онъ долго молча смотрѣлъ на маленькій дорогой силлуетъ; слезы брызнули изъ глазъ его. Онъ подалъ его Штифелю, усиливался говорить и наконецъ сказалъ: «вамъ, любезный другъ, вамъ однимъ могу я отдать этотъ милый образъ. Вы другъ ея и мой. О, Боже, никто не подумаетъ о моей доброй Ленеттѣ, если вы ее оставите. Не плачь, дорогая, такъ горько: онъ будетъ о тебѣ заботиться. О, любезный другъ, это безпомощ-

ное, безвинное сердце разобьется въ уединенной грусти, если вы не оградите и не успокоите его: не оставьте его такъ-какъ я!» Штифель клялся Всемогущимъ не оставлять ея; онъ взялъ руку Ленетты и пожималъ ее, не глядя на плачущую, и наклонился съ слезящимися глазами къ лицу онѣмѣвшаго друга своего. Но Ленетта отвлекла его отъ груди своего мужа, высвободила свою руку и припала къ губамъ, разстрогавшимъ ее такъ сильно. Фирміанъ прижалъ ее лѣвою рукою къ сердцу и протянулъ правую къ другу своему—и такъ держалъ онъ соединенными на своей груди два ближайшія неба земли: дружбу и любовь. . . . .»

«И вотъ что меня всегда радуетъ и утѣшаетъ въ васъ, обезумленные, несогласные смертные: вы сердечно любите другъ друга, когда видите другъ друга въ чистыхъ, человѣческихъ образахъ вашихъ, безъ повязки на глазахъ и безъ тумана. Мы слѣпнемъ и охлаждаемся, когда боимся; но когда смерть переноситъ нашихъ собратій за наше заблужденіе, сердце наше, видя ихъ плавающими въ прозрачномъ эѳирѣ, какъ прекрасныхъ людей, не обезображенныхъ здѣшними туманами, съ чертами, неискаженными отраженіемъ вогнутыхъ зеркалъ, наполняется любовію, и вздыхая говоритъ: о, въ такомъ положеніи я бы никогда не отвергнуло васъ! По этой причинѣ всякая добрая душа простираетъ руки къ людямъ, которыхъ поэтъ представляетъ взорамъ нашимъ,

какъ геніевъ въ ихъ облачномъ небѣ. Но если бы онъ могъ спустить ихъ на грудь нашу, они въ нѣсколько дней потеряли бы свою чистоту и ясность отъ прикосновенія къ грязному грунту нашихъ потребностей и заблужденій *

Сколько истины заключается въ сихъ послѣднихъ словахъ, сколько велпкой, неоспоримой правды! И въ самомъ дѣлѣ, откуда проистекаютъ всѣ раздоры и несогласія, раздѣляющіе людей, дѣлающіе ихъ врагами иногда на-вѣки? Только отъ однаго ложнаго взгляда нашего на вещи, отъ заблужденій и отъ гнусныхъ страстей, уничтожающихъ въ людяхъ все высокое, превращающихъ въ потребности все, что только можетъ щекотать которое-нибудь изъ мелкихъ чувствъ нашихъ—чувство корысти, чувство тщеславія, чувство зависти... А въ дали, въ облакахъ, какъ хорошъ, какъ дорогъ намъ ближайшій нашъ! Сойдитесь... и земля заговоритъ въ васъ, засыплетъ каменьями и соромъ ваши души—и вы готовы мучить, терзать того, въ комъ за минуту предъ симъ видѣли существо сверхъестественное, одаренное всѣмъ, что дѣлаетъ его поистинѣ вѣнцомъ твореній Божіихъ. Начала духа и плоти по большой части недолго борются: побѣда, увы, часто на сторонѣ грязи—и свѣтлая сторона человѣка забыта, заброшена.

* Siebenkas. T. XIV. Vierter Band, p. 69.

Положеніе Фирміана Зибенкеса дѣйствительно ужасно. Не смотря на то, что онъ совершенно здоровъ — въ минуту предсмертнаго прощанія его волнуютъ грустныя мысли и чувства. Онъ не умираетъ — это правда, но тѣмъ не менѣе онъ прощается *на-вѣки* со всѣми своими любезными: для нихъ онъ точно умираетъ; съ ними не можетъ онъ уже болѣе свидѣться на землѣ. И Лейбгебера теряетъ онъ также навсегда. Я не могу удержаться, и выписываю эту сцену.

«Когда онъ дрожащими руками прижималъ ихъ сердцу своего Гейнриха и Штифеля, развѣ оно не было подавляемо грустнымъ убѣжденіемъ, что онъ завтра разстанется навсегда съ Штифелемъ, а черезъ восемь дней съ Лейбгеберомъ? По сей причинѣ слѣдующія слова его были не что иное, какъ томительная истина:» Ахъ, въ скоромъ времени, мы будемъ разлучены; человѣческія руки—непрочныя узы и рвутся скоро! Да будетъ всѣмъ вамъ хорошо, лучше, нежели я того когда-нибудь стоилъ: пусть хаотическая груда камней вашихъ дней никогда не скатывается вамъ подъ ноги и на голову, и пусть скалы, окружающія васъ, покроются весенней зеленью и ягодами! Прощайте навѣки, добрый Штифель, а ты, мой Гейнрихъ»..... Онъ привлекъ его къ устамъ своимъ, и молча лобызалъ его, и думалъ о близости истинной разлуки съ нимъ.

«Онъ не долженъ былъ однако придавать сердцу своему этаго лихорадочнаго раздраженія такими острыми шипами прощанія. Онъ слышалъ плачущую за его кроватью Ленетту и сказалъ ей съ сердцемъ, глубоко разстерзаннымъ мыслію о смерти: «поди сюда, моя дорогая Ленетта, поди сюда, простимся!» и дико простеръ онъ руки къ невидимой возлюбленной: она подошла къ нему и припала къ его сердцу — и онъ былъ нѣмъ, подавляемый убійственными чувствами. Наконецъ сказалъ онъ тихо трепещущей Ленеттѣ:

«Ты, терпѣливая, ты, вѣрная, ты, мученная! сколько разъ огорчалъ я тебя! О, Боже, какъ часто! Простишь ли ты мнѣ? Забудешь ли ты меня (судорожное движеніе грусти привлекло потрясенную Ленетту ближе къ нему)? Да, да, забудь меня совершенно; вѣдь ты не была со мною счастлива.....» Рыдающія сердца подавляли голосъ, и только слезы могли литься. Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ онъ съ сердцемъ, убитымъ, опустошеннымъ жаждущею, высасывающею печалью; со мной ты не знала ничего, ничего, кромѣ слезъ—но судьба осчастливитъ тебя, когда я тебя оставлю.» Онъ поцаловалъ ее въ послѣдній разъ и сказалъ: «будь счастлива и пусти меня; мнѣ пора въ путь.»

«Она повторяла со слезами: «ты вѣрно не умрешь.» Но онъ оторвалъ отъ сердца своего упавшую на него Ленетту и воскликнулъ торжественно:

«все кончено—судьба разлучила насъ—все кончено.» Гейнрихъ отвелъ потихоньку плачущую, онъ плакалъ самъ, проклиналъ свой планъ *, сдѣлалъ знакъ Штифелю и сказалъ: «Фирміанъ хочетъ теперь отдыхать!» Фирміанъ поворотилъ къ стѣнѣ свое распухшее, исковерканное мученіями лице; Ленетта и Штифель горевали вмѣстѣ въ другой комнатѣ. Гейнрихъ обождалъ, пока высокія волны улягутся въ душѣ Зибенкеса, и тогда спросилъ его тихо: «теперь» Фирміанъ подалъ знакъ—и Гейнрихъ, безсмысленно закричавъ: «о! онъ умеръ!» бросился съ истинными, горячими слезами, лившимися какъ кровь изъ раны, на неподвижнаго, чтобы предохранить его отъ всякаго осмотра. Двое безутѣшныхъ вбѣжали изъ другой комнаты—Ленетта хотѣла броситься на мужа своего, и горько кричала: «я должна видѣть его, я должна еще разъ проститься съ моимъ мужемъ.» Но Гейнрихъ приказалъ Штифелю держать неутѣшную и вывесть ее прочь. Первое удалось ему, но вывести онъ никакъ не могъ. Видя, что Гейнрихъ взялъ маску, она закричала сердито: «нѣтъ, я могу однако увидѣть еще разъ моего мужа!» Лейбгеберъ поднялъ маску, повернулъ тихо лице Фирміана, на которомъ еще блистали полуотертыя слезы прощанія, закрылъ его ею и такимъ образомъ отдѣлилъ его навѣки отъ рыдающихъ очей жены. Это вели-

* Идея выдать Зибенкеса за умершаго принадлежитъ, какъ сказано выше, Лейбгеберу. О ней здѣсь теперь упоминается.

кое дѣйствіе возвысило его душу; онъ вперилъ взоръ въ маску и сказалъ: «бѣдный Фирміанъ, стоила ли твоя житейская *partie à la guerre* свѣчь и труда? Правда, мы не *игроки*, а *игрушки*, и старая смерть толкаетъ наши головы и сердца какъ шары по зеленому билліарду въ смертельный мѣшокъ, и она звонитъ въ свой колоколъ, когда одинъ изъ насъ положитъ въ лузу *.»

Лейбгеберъ управлялъ всѣми распоряженіями по случаю похоронъ своего друга, не отходилъ отъ тѣла ни на минуту и старался пускать къ нему, какъ можно менѣе, людей. Наконецъ его стараніями гробъ, наполненный вмѣсто тѣла, нѣсколькими камнями, преданъ землѣ, а воскресшій Фирміанъ Зибенкесъ ушелъ изъ Кушнаппеля въ тотъ самый Байрейтъ, гдѣ онъ познакомился съ любящей его Наталіей, но гдѣ ея уже болѣе нѣтъ. Вскорѣ Лейбгеберъ настигаетъ его; они проводятъ вмѣстѣ нѣсколько дней, и наконецъ прощаются навсегда. Зибенкесъ, подъ именемъ и въ платьѣ Лейбгебера, ѣдетъ въ Вадуцъ, Графъ, знавшій коротко настоящаго Лейбгебера, не узнаетъ подлога: такъ велико сходство между друзьями. Между-тѣмъ Зибенкесъ-Лейбгеберъ груститъ; его мучитъ воспоминаніе прошедшаго; ему страшно подумать, что все прошедшее для него погибло; что его будущее и настоящее никакъ уже не можетъ съ нимъ слиться; что всѣ тѣ, кого онъ любитъ, потеряны для него без-

* Siebenkäs, T. XIV. Vierter Band, p. 88.

возвратно; онъ для нихъ умеръ—и если они увидятъ его, то примутъ или за Лейбгебера или за привидѣніе. И тѣ, кому онъ пожималъ прежде руку, со страхомъ отойдутъ отъ него, какъ отъ незваного пришлеца изъ могилы. Въ этомъ горестномъ положеніи получаетъ онъ письмо, адресованное на имя Гейнриха Лейбгебера, на имя его друга, или теперь на его собственное, какъ угодно. Онъ открываетъ письмо: оно отъ Наталіи. Съ жадностію читаетъ онъ слѣдующія строки.

Любезный Лейбгеберъ!

Долѣе не могу я повелѣвать моему сердцу, которое желало бы развернуться или разбиться передъ вашимъ сердцемъ, только для того, чтобы показать вамъ, сколько въ немъ ранъ. Вы были нѣкогда моимъ другомъ: ужели я совсѣмъ забыта? ужели я потеряла и васъ? Ахъ, вѣрно нѣтъ! вы не можете говорить со мною отъ избытка горя, потому-что вашъ Фирміанъ умеръ на вашемъ сердцѣ и теперь лежитъ и разрушается на немъ. Каково мнѣ иногда бываетъ, вы узнаете изъ приложеннаго при письмѣ моемъ небольшаго желанія моего по случаю новаго года. Другъ мой, внемлите одной просьбѣ моей, которая и есть причина сего моего письма. Я прошу у васъ печалей, сильнѣйшихъ печалей: тогда я буду утѣшена. Скажите мнѣ—вы одни можете это сдѣлать и я болѣе никого не знаю—скажите мнѣ, какъ провелъ нашъ

безцѣнный послѣднія минуты жизни? что говорилъ онъ? какъ страдалъ, и какъ потухло его око, и какъ пресѣклась жизнь? Все, все, что растерзаетъ меня, я все должна знать. Чего это можетъ стоить вамъ и мнѣ, кромѣ слезъ? А онѣ вѣдь облегчаютъ страждущій глазъ. Остаюсь ваша *Наталія*.

«P. S. Если бы меня не удерживало такъ много разныхъ обстоятельствъ, я бы сама поѣхала на мѣсто его пребыванія и собрала бы реликвіи для души моей — и если вы будете молчать, я ни за что не отвѣчаю. Поздравляю васъ съ новымъ мѣстомъ; я надѣюсь скоро сдѣлать это изустно; мое сердце заживетъ когда-нибудь, такъ-что я буду въ состояніи посѣтить мою подругу и ея отца *, и не умереть отъ горя при видѣ сходства, которое вы имѣете съ вашимъ, теперь на васъ непохожимъ, отшедшимъ возлюбленнымъ.

«Прекрасные стихи, написанные по-Англійски, осмѣливаюсь перевести слѣдующимъ образомъ.

Мои желанія по случаю новаго года.

«Новый годъ отворяетъ свои врата; судьба стоитъ между пылающими утренними облаками и солнцемъ

* Графа, у котораго живетъ Зибенкесъ-Лейбгеберъ.

на грудѣ пепла разрушившагося года и раздаетъ дни: о чемъ просишь ты, Наталія?

«Не нужны мнѣ радости—всѣ, бывшія въ моемъ сердцѣ, не оставили въ немъ ничего, кромѣ черныхъ шиповъ, и ихъ благоуханіе, благоуханіе розъ, скоро испарялось. Возлѣ солнца растетъ тяжелое громовое облако, и въ то время, когда солнце свѣтитъ вокругъ насъ, мы видимъ отблескъ меча, который слѣдующій день направляетъ противъ нашей радостной груди. Нѣтъ я не прошу радостей: онѣ такъ опустошаютъ жаждущее сердце; одна печаль можетъ наполнить его.

«Судьба раздаетъ будущность: чего желаешь ты, Наталія?

«Я не желаю любви. О, когда прижимаешь колючую бѣлую розу любви къ сердцу, изъ него льется кровь, и теплая слеза радости, капающая въ розовую чашечку, скоро остываетъ и высыхаетъ. На утрѣ жизни любовь блеститъ и цвѣтетъ, какъ розовая аврора на небѣ; о, не входи въ раскаленное облако— въ немъ только туманъ и слезы. Нѣтъ, нѣтъ, не желай любви: умри отъ лучшихъ мученій, окостенѣй подъ ядовитымъ деревомъ, болѣе величественнымъ, нежели маленькая мирта.

«Ты преклоняешь колѣна передъ судьбою, Наталія; скажи ей, чего ты желаешь?

«Не нужно мнѣ болѣе и друзей. Нѣтъ. Мы всѣ стоимъ одинъ возлѣ другаго надъ вырытыми могилами, и когда такъ сердечно держимъ другъ друга за руки, такъ долго страдаемъ вмѣстѣ—вдругъ подламывается холмъ подъ ногами нашего друга. Умирающій падаетъ внизъ, а я стою уединенный съ моей холодной жизнію возлѣ наполнившейся ямы..... нѣтъ . . . нѣтъ. . . Но если сердце безсмертно, то, когда друзья сойдутся въ вѣчномъ мірѣ, тогда забейся сильнѣе, окрѣпшая грудь, тогда плачь веселѣе, непогибающее око, и уста, не могущія уже болѣе поблекнуть, промолвите: теперь приди ко мнѣ, безцѣнная душа, сегодня возлюбимъ другъ друга, теперь мы навсегда неразлучны.

«О ты, оставленная Наталія, чего же просишь ты на землѣ?

«Терпѣнія и могилы—болѣе ничего. Но въ нихъ не откажи мнѣ, нѣмотствующая судьба! Осуши око, и потомъ закрой его! Успокой сердце, и потомъ разбей его! Когда духъ будетъ распускать крылья свои въ лучшемъ небѣ, когда новый годъ зачнется въ чистѣйшемъ мірѣ, и когда все вновь увидится и вновь полюбитъ: тогда я выскажу мои желанія..... Но не для себя буду желать я... Я буду уже слишкомъ счастлива

* Siebenkäs. T. XIV. Vierter Band, p. 137.

Получивъ это письмо, Фирміанъ долго не зналъ, что ему дѣлать—поддерживать ли выдумку о своей смерти, или написать откровенно Наталіи, какъ все было. Онъ думалъ, думалъ и не зналъ, на что ему рѣшиться. Вскорѣ получилъ онъ письмо отъ Штифеля—адресованное, разумѣется, Лейбгеберу, въ которомъ онъ извѣщалъ его, что, по волѣ покойнаго Зибенкеса, уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ женился на Ленеттѣ, и что она беременна. Въ то время, какъ онъ размышлялъ, что ему дѣлать, Графъ, у котораго онъ жилъ, объявилъ ему, что Наталія скоро будетъ къ нимъ въ Вадуцъ. Это извѣстіе поразило его какъ громомъ. Что было дѣлать Фирміану? Бѣжать отъ Наталіи, чтобы не разыгрывать передъ нею своей ужасной комедіи. Онъ оставляетъ Вадуцъ и ѣдетъ въ Кушнаппель, въ прежнее мѣсто своего жительства. Прибывъ туда, онъ въ тотъ же день идетъ на кладбище.

«Поздно пошелъ онъ въ садъ, изъ котораго не всѣ возвращаются, въ садъ, къ которому примыкаютъ сады Эдема будущей жизни. . . . . Наконецъ пришелъ онъ къ кроватнымъ ширмамъ могильной спальни, къ своему надгробному камню. Съ холоднымъ страхомъ прочелъ онъ надпись. «Если бы эта каменная дверь лежала на твоемъ лицѣ и закрывала отъ тебя все небо!» сказалъ онъ самому себѣ—и подумалъ о томъ, какія облака, какой холодъ и какая ночь царствуютъ на обоихъ полюсахъ жизни, какъ на

полюсахъ земли, въ началѣ и въ концѣ человѣческаго поприща! Онъ считалъ тогда грѣхомъ свою притворную кончину и свой послѣдній часъ. Траурное покрывало длиннаго, темнаго облака распространилось передъ луною — его сердце было растрогано и въ страхѣ, какъ вдругъ что-то пестрое возлѣ его могилы поразило его и перевернуло всю его душу.

«Тамъ стояла новая свѣжая могила; на доскѣ читалъ Фирміанъ, сколько позволяли ему слезящіе глаза: «Здѣсь покоится Венделина Ленетта Штифель, урожденная Эгелькраутъ изъ Аугсбурга. Ея первый мужъ былъ покойный адвокатъ Ст. Ф. Зибенкесъ. 20-го Окт. 1786 г. она вступила во второй бракъ съ Совѣтникомъ Штифелемъ и скончалась послѣ девятимѣсячнаго спокойнаго супружества 22-го Іюля 1787 г. въ-родахъ. Она лежитъ здѣсь съ своей мертворожденной дочерью и ждетъ радостнаго воскресенія. . . . .

«О ты, бѣдная, бѣдная!» больше не могъ онъ ничего сказать. Теперь, когда дни ея жизни сдѣлались и яснѣе и теплѣе, земля поглощаетъ ее. И она ничего не уноситъ съ собою, кромѣ тѣла, распухшаго отъ работъ, кромѣ лица, изкрещеннаго морщинами болѣзни, и кромѣ довольнаго, но пустаго сердца. «За-чѣмъ огорчалъ я тебя такъ часто», говоритъ онъ рыдая, «даже моею смертію? за-чѣмъ такъ мало извинялъ ее, когда она бывала не-въ-духѣ?» Онъ отбро-

силъ далеко выползшаго изъ могилы дождеваго червя, который будто только-что насытился въ любезномъ ему сердцѣ: его питаетъ то же, что наконецъ насыщаетъ и насъ—*земля*. Онъ подумалъ о разрушающемся ребенкѣ, который, какъ-бы его собственный, обхватывалъ душу его своими увядшими, тонкими руками, и которому смерть дала то же, что одно божество даровало Эндиміону: сонъ, вѣчную юность и безсмертіе. Онъ оставилъ наконецъ печальное мѣсто, потому-что слезы не облегчали, но утомляли его сердце *

Зибенкесъ, подъ именемъ Лейбгебера, посѣтилъ прежній домъ свой и распрашивалъ у хозяина его Мербицера, какъ жила Ленетта со Штифелемъ и какъ умерла. Мербицеръ говорилъ ему, что она часто, почти всегда думала о своемъ первомъ мужѣ; мимо дома, гдѣ жила съ нимъ, ходила въ траурномъ платьѣ и требовала, чтобы ее въ немъ же похоронили. Причастившись Святыхъ Таинъ, спросила она пастора: «не правда ли, я послѣ смерти пойду къ моему Фирміану?» Легко понять, какъ все это разстрогало Зибенкеса. Онъ снова пошелъ на кладбище. Приходитъ туда и видитъ распростертую на его могилѣ Наталію. «Я не умеръ, говоритъ онъ ей; небесный ангелъ, Наталія, я еще на землѣ и страдаю такъ же, какъ и ты!» Онъ разсказалъ ей все.

* Siebenkäs. T. XIV. Vierter Band, p. 159.

«Ея голова нѣжно упала на его голову, и она сказала ему: «мы останемся вмѣстѣ!» Фирміанъ прошепталъ: «о Боже! ангелъ мой, въ жизни и въ смерти останешься ты при мнѣ.»

«Вѣчно, Фирміанъ!» отвѣчала Наталія; и мученія нашего друга прекратились *.»

Этими словами кончается романъ.

Читая послѣднія, трогательныя страницы Зибенкеса и видя, какъ Фирміанъ упрекаетъ себя въ своемъ поведеніи въ отношеніи къ Ленеттѣ, и какъ Ленетта до послѣдней минуты жизни вспоминала о немъ съ любовію, нельзя не согласиться съ Жанъ-Полемъ, не вспомнить его словъ, приведенныхъ мною выше.

«Вы всѣ сердечно любите другъ друга, когда видите другъ друга въ чистыхъ человѣческихъ образахъ вашихъ, безъ повязки на глазахъ и безъ тумана.» Такъ точно и они, окруженные заботами жизни, заблуждались и—лишь только были раздѣлены—снова любили другъ друга.

Заключивъ такимъ образомъ выписки изъ Зибенкеса, бросимъ на весь романъ еще одинъ взглядъ. Съ нимъ не хочется разстаться: онъ такъ сливается съ

* Siebenkäs. T. XIV. Vierter Band. p. 172.

сердцемъ, что долго пріобрѣтенное поэтическое настроеніе не различаешь отъ собственнаго. Сколько глубокой практической философіи, сколько живаго, трепещущаго, неподдѣльнаго чувства заключено въ четырехъ томикахъ сего романа! Невольно рыдаешь вмѣстѣ съ бѣднымъ Зибенкесомъ въ минуты грусти, и сладкія проливаешь слезы въ минуты утѣшенія, ниспосылаемаго ему Богомъ и твердой вѣрой въ его всемогущество. Характеры въ романѣ выдержаны всѣ до конца какъ нельзя лучше. Зибенкесъ, добрый, пылкій, съ твердой волею, религіозный, до послѣдней строки сохраняетъ свою самобытность, не измѣняетъ ни разу своему назначенію. Ленетта, женщина съ добрымъ сердцемъ, но безъ характера, безъ энергіи. Она женщина и при томъ еще слабая женщина. Она не въ состояніи переносить всѣ неудачи и непріятности жизни; она не въ силахъ бороться съ судьбою; она не можетъ совладать съ бурями, оспоривающими другъ у друга чело нашей жизни. Она не можетъ понять, бѣдная, что нѣтъ свѣта безъ мраку, что и на солнцѣ есть пятна; ее мучитъ ужасная нищета, въ которой она принуждена жить съ мужемъ. Это несчастіе отравляетъ все ея существованіе и охлаждаетъ ея сердце къ мужу. Лейбгеберъ — лице совершенно оригинальное, хотя онъ и имѣетъ что-то общее съ Зибенкесомъ. Но въ немъ есть то, что дѣлаетъ его существомъ необыкновеннымъ. Онъ понялъ вполнѣ жизнь нашу; ея ничтожность ни мало не удивляетъ его—и нѣтъ такихъ обстоятельствъ, которыя бы могли за-

ставить его перемѣнить образъ мыслей, ослабѣть. Онъ твердъ—и ничто не можетъ поколебать его твердости. Даже въ минуты грусти (на пр. въ то время, какъ онъ надѣваетъ маску на лице Зибенкеса, или когда онъ съ нимъ прощается) философія заглушаетъ въ немъ рыданія сердца. Поставить рядомъ два такія существа, какъ Гейнрихъ и Фирміанъ, сковать ихъ узами неразрывной дружбы, сплавить ихъ сердца воедино, есть мысль, поражающая своею отчетливостію и оригинальностію.

Главной цѣлію романа было показать, до чего могутъ довести человѣка обстоятельства самыя обыкновенныя, какъ разнообразна можетъ быть жизнь безъ особенныхъ приключеній и катастрофъ; показать, сколько предметовъ для мышленія и чувства вамъ представляетъ ежедневная дѣятельность человѣка, непричастнаго ни къ какимъ великимъ переворотамъ, заключеннаго въ самомъ тѣсномъ кругу домашней жизни. Что причиною всѣхъ несчастій Зибенкеса и Ленетты? Бѣдность. И какъ мастерски нарисована картина ея! какъ чудно выставлено вторженіе этаго оборваннаго, голоднаго чудовища, всепожирающаго и никогда ненасытимаго! Вы видите ясно передъ собою эту ужасную лѣстницу, по которой несчастные супруги каждый день спускаются ступенью ниже. Если бы Зибенкесъ былъ одинъ—онъ справился бы со врагомъ своимъ, онъ побѣдилъ бы его и не уступилъ бы ему ни шагу земли. Но Ленетта—слабое твореніе, не мо-

жетъ вынести сей ужасной борьбы и тянетъ мужа за собою въ бездну.

Послѣ частныхъ замѣчаній о Зибенкесѣ, обращаюсь еще разъ къ самому Жанъ-Полю. Въ началѣ сказалъ я, что Шекспиръ и Жанъ - Поль представляютъ собою два міра поэзіи. Но до какой степени сіи два писателя походятъ другъ на друга, и въ чемъ они разнятся? что въ нихъ общаго и особеннаго? Главная черта, отличающая ихъ и свойственная имъ обоимъ есть ихъ всеобъятность, такъ сказать—всемірность. Ихъ геній не представляетъ какаго-либо частнаго умонаправленія; они не довольствуются изображеніемъ одной стороны жизни, одной грани природы: имъ все несетъ дань. Это свойство таланта отличаетъ ихъ рѣзко отъ всѣхъ другихъ великихъ писателей. Къ тому же размѣры ихъ большею частію иперболическіе, что должно приписать какъ особенному воззрѣнію ихъ на предметы, такъ и гигантскому полету воображенія. При этомъ сходствѣ они поразительно отличаются другъ отъ друга. Шекспиръ, какъ незримый геній, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, ходитъ всюду, куда влечетъ его фантазія, освѣщаетъ самые мрачные, другому недоступные пути міра, воскрешаетъ минувшее, влагаетъ живыя слова въ нѣмыя уста, одушевляетъ природу, все приводитъ въ движеніе, въ полную дѣятельность—и остается самъ всегда невидимымъ. Вы слышите разговоры, вы видите небо и землю, вы поражены движеніемъ страстей, но не знаете, кто очарователь,

воздвигнувшій ото сна эту величественную природу. Какъ ни осматривайтесь, вы нигдѣ не увидите Шекспира—онъ за кулисами, онъ не подаетъ своего голоса, и только управляетъ машиной, не имѣющей ничего съ нимъ сродственнаго. Но когда Жанъ-Поль рисуетъ вамъ картины, одушевляетъ лица, приводитъ въ движеніе умы и сердца своихъ героевъ—въ каждомъ изъ нихъ вы узнаете кисть, краски и вкусъ художника. Ко всѣмъ лицамъ и предметамъ, которыхъ касается, онъ какъ-бы прикладываетъ свой штемпель, чтобы ни одно лице, ни одинъ предметъ не могли отказаться отъ него. Но вотъ что изумительно: не смотря на эту неизмѣнную краску, или на это, такъ сказать, клеймо—его творенія ни мало не лишаются разнообразія: ни одно лице не теряетъ своего истиннаго колорита и не походитъ на другое; все натурально, прелестно, свѣжо, хотя во всемъ видите вы одинаго прихотливаго творца. Читая, что бы то ни было, писанное Жанъ-Полемъ, вы всегда скажете: этаго никто не могъ написать кромѣ Жанъ-Поля—онъ былъ тутъ и оставилъ свои слѣды. Но если вы знатокъ искуства, любите его и душой къ нему привязаны, никогда не утомитесь вы этою особенностію Жанъ-Полевыхъ произведеній; потому-что, какъ я уже сказалъ выше, не отнимая ничего отъ прелести описываемыхъ предметовъ, не лишая ихъ ни самобытности, ни разнообразія, поэтъ только придаетъ имъ тотъ колоритъ, который свойственъ ему—ему одному. Жанъ-Полю нельзя подражать; но его читать можно съ боль-

шею выгодою, нежели кого другаго: это неисчертаемый и почти нетронутый рудникъ чистаго золота. Повторимъ сказанное прежде: въ каждомъ томѣ Жанъ-Полевыхъ произведеній хранится мыслей по крайней мѣрѣ на десять томовъ. Читая его, задумается не разъ на каждой страницѣ.

« Что отнимаетъ у насъ смерть, если не однѣ тѣлесныя статуи—любезный образъ у нашихъ глазъ, дорогой голосъ у нашего слуха и горячую грудь у нашей груди?.... »

Вотъ слова Жанъ-Поля, слова, которыя мыслящій и чувствительный человѣкъ всего скорѣе отнесетъ къ потерѣ геніальнаго писателя. Его нѣтъ уже на землѣ, его тѣлесная статуя возвращена персти, мы потеряли драгоцѣный образъ, лишились сладкихъ звуковъ голоса, жаркая грудь не согрѣваетъ болѣе нашей груди; но могучій, выспренній умъ, но пылкое, всегда согрѣтое любовію сердце, но чистая душа живутъ между нами. Они животворятъ насъ тою всеобъемлющею поэзіею, тою глубокою философіею, которыя блещутъ въ каждомъ словѣ, начертанномъ теперь уже истлѣвшею, рукою почившаго глашатая истинъ плодотворныхъ.

Баронъ Ѳ. Корфъ.

БАСУРМАНЪ ЛАЖЕЧНИКОВА.

Вамъ безъ-сомнѣнія случалось слышать разсказъ о какомъ-нибудь занимательномъ происшествіи. Если оно поражало, удивляло васъ, возбуждало въ душѣ вашей горестныя или радостныя чувства; вѣрно вы допытывались отъ раскащика или очевидца всѣхъ малѣйшихъ подробностей, даже мелочей, которыя какъ-нибудь касались происшествія—и когда допрошенные не удовлетворяли вполнѣ вашего безмѣрнаго любопытства, какъ обыкновенно случается, то вы сами дополняли въ своемъ воображеніи всѣ обстоятельства, которыя должны были сопровождать извѣстное

дѣйствіе, вы сами налагали на данный вамъ абрисъ такія краски, которыя находили приличными. Вотъ источникъ толковъ, догадокъ и предположеній, которыя раждаются всегда при извѣстіяхъ о какой-нибудь занимательной новости; вотъ причина переувеличенія слуховъ и преданій. Тутъ работаетъ наше воображеніе; оно усиливается возсоздать прошедшее во всей его цѣлости, во всей подробности и точности.

Одна и таже сила, при различныхъ условіяхъ, въ разныхъ дѣятеляхъ, проявляется различно и дѣйствуетъ не въ одинаковой степени, а потому и успѣхи воображенія въ стремленіи возсоздать прошедшее не у всѣхъ людей и не всегда бываютъ одинаковы. Холодной человѣкъ, или развлеченный другими впечатлѣніями, едва даетъ легкій колоритъ слышанному; поэтъ, пораженный событіемъ, рисуетъ яркими красками полную картину происшествія, и если онъ художникъ, то все—что онъ чувствуетъ, видитъ своимъ воображеніемъ—все передаетъ другимъ, объясняясь съ ними живымъ словомъ, музыкальными тонами, кистію живописца или рѣзцемъ ваятеля. Такъ нашъ Брюловъ, прочитавъ исторію разрушенія Помпеи, рѣзко начертанную на развалинахъ этаго города, возсоздалъ въ своей картинѣ одинъ изъ страшныхъ моментовъ сей исторіи. Гайднъ, созерцая судьбу міра въ самомъ торжественномъ ея моментѣ, запечатлѣлъ свои думы въ прекрасной ораторіи. Мильтонъ, тронутый до глубины души библей-

скимъ повѣствованіемъ о паденіи прародителей, изобразилъ свои мечты объ этомъ въ поэмѣ. Точно также Шиллеръ и другіе передавали въ драмѣ все, что они воссоздали изъ исторіи, а Вальтеръ-Скоттъ съ послѣдователями излагали это въ историческомъ романѣ.

Вотъ какъ естественно происхожденіе исторической картины, исторической поэмы, исторической драмы и наконецъ историческаго романа. Всѣ эти роды художественныхъ произведеній суть не что иное, какъ изображенія завѣщанныхъ намъ исторіею событій, происшествій и дѣяній, изображеніе ихъ въ томъ видѣ, какъ они повторились въ пламенномъ воображеніи поэтовъ. Разумѣется, что поэтъ воплощаетъ прошедшее по своимъ о немъ понятіямъ, а понятія эти могутъ быть не всегда точны и вѣрны, или по крайней мѣрѣ не въ одинаковой степени имѣть эти качества. Отъ-того самый блестящій очеркъ событія можетъ быть не вѣренъ и не имѣть истиннаго достоинства. Совершенство художественнаго произведенія заключается не въ одномъ только великолѣпіи вымысла, но и въ вѣрности его съ природою, въ согласіи его съ дѣйствительностію. Истина—вотъ первая принадлежность изящнаго. При этомъ только условіи историческій родъ поэзіи, а въ особенности историческій романъ могутъ быть настоящимъ возсозданіемъ минувшаго, вѣрнымъ дополненіемъ исторіи и дополненіемъ въ самомъ интересномъ ея предметѣ—въ подробностяхъ частной и общественной жизни, въ

подробностяхъ, такъ сказать, внутренняго народнаго быта, въ ближайшемъ развитіи и объясненіи характеровъ и дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, въ развитіи и объясненіи тѣхъ едва замѣтныхъ причинъ, которыя имѣли скрытное и вмѣстѣ сильное вліяніе на ходъ событій и происшествій. Исторія не успѣваетъ записывать на своихъ скрижаляхъ всѣхъ важныхъ для потомства данныхъ изъ жизни народовъ, а тѣмъ болѣе изъ жизни недѣлимыхъ: эти данныя можно только отгадывать, воскрешать соображеніемъ дошедшихъ до насъ историческихъ фактовъ. То, что историкъ можетъ только подозрѣвать, предполагать, угадывать, историческій поэтъ смѣло высказываетъ и рисуетъ, и все это онъ дѣлаетъ какъ бы мимоходомъ — исполняетъ всѣ такія важныя обязанности, какъ будто бы онѣ составляли посторонній предметъ его.

Басня, выдуманное происшествіе, завязка и развязка—вотъ основа романа, на которой ткутся и рисуются главныя историческія данныя. Здѣсь въ частномъ вымышленномъ событіи выражается характеръ цѣлой эпохи, жизнь цѣлаго народа, его обычаи, нравы и повѣрья, общія и главныя черты мѣстности. Здѣсь въ одномъ дѣяніи обрисовывается вся физіономія человѣка; однимъ яркимъ очеркомъ какаго нибудь отдѣльнаго факта объясняется рядъ событій, его окружавшихъ, или за нимъ послѣдовавшихъ. Здѣсь какъ-бы приводится примѣръ въ поясненіе самаго подробнаго и обстоятельнаго описанія историческаго быта

людей въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Кто, прочитавши въ повѣсти Пушкина «Капитанская дочь» встрѣчу и бесѣду героини повѣсти съ Екатериною-Великою, не составитъ себѣ полнаго и вѣрнаго понятія о благодушіи этой Монархини, о внимательности Ея къ судьбѣ каждаго изъ подданныхъ. Кто, прочитавши у В. Скотта нѣсколько сценъ, въ которыхъ дѣйствуютъ Пуритане, не представитъ себѣ живо, какъ думали и дѣйствовали Пуритане? и кто не объяснитъ себѣ изъ этаго событій того времени въ Шотландіи?

Съ этими понятіями объ историческомъ романѣ приступимъ къ разбору новаго творенія, которымъ подарилъ насъ авторъ «Новика». Мы думаемъ, что рецензентъ не долженъ быть законодателемъ вкуса, и не смѣетъ выдавать своего мнѣнія за неизмѣнное правило, которому всѣ обязаны слѣдовать. Нѣтъ: онъ долженъ быть только докладчикомъ публики, излагать предъ нею дѣло, представлять ей все, что необходимо для вывода заключенія—пожалуй, можетъ и подать свой голосъ, не требуя однако жъ непремѣннаго согласія съ нимъ. Окончательное рѣшеніе должно быть предоставлено верховному суду читателей.

Въ этихъ видахъ мы разберемъ всѣ принадлежности *Басурмана*, изложимъ основу его и разсмотримъ, какъ изображенъ характеръ эпохи и главныхъ ея дѣятелей.

Во время процессіи при закладкѣ храма св. Петра одинъ «молодой, красивый, статный Нѣмецъ» въ великолѣпной одеждѣ жестоко обидѣлъ маленькаго, уродливаго въ скромной епанечкѣ Итальянца, врача Антоніо Фіоравенти, который твердо, непреложно рѣшился отомстить за себя. Онъ не зналъ, кто былъ оскорбившій его; но образъ противника всюду слѣдовалъ за нимъ — и если бы Фіоравенти былъ живописецъ, то положилъ бы его тотчасъ на полотно; онъ указалъ бы на него среди толпы народной; онъ узналъ бы его и черезъ тысячу лѣтъ.

Долго мстительный Итальянецъ искалъ своего врага понапрасну. Наконецъ прибылъ онъ въ Аугсбургъ; тамъ призываютъ его на помощь къ супругѣ барона Эренштейна, которая третій уже день мучилась родами. Антоніо, взглянувъ на барона, узналъ въ немъ того ненавистнаго Нѣмца, который такъ жестоко оскорбилъ его въ Римѣ. Наступила минута мщенія. Врачь обѣщалъ спасти больную и младенца, но съ условіемъ, чтобы Эренштейнъ, если у него родится сынъ, отдалъ его врачу Фіоравенти, который современемъ сдѣлаетъ изъ малютки лекаря, если же родится дочь, то отецъ непремѣнно бы выдалъ ее за-мужъ за лекаря. Тяжкое условіе: дѣтямъ такаго именитаго барона вступить въ сословіе лекарей, тогда столь униженное! Лекарями были въ то время большею частію Жиды; но дѣлать нечего: для спасенія страстно любимой супруги Эренштейнъ согла-

шается на все. Баронесса родила сына, которому дано имя Антоніо и котораго на второмъ году отдаютъ по условію врачу Фіоравенти. Однако жъ прежде этаго родители утѣшены были рожденіемъ другаго сына, на которато отецъ обратилъ всю любовь свою, постепенно охладѣвая къ старшему—и наконецъ почти совсѣмъ забылъ его. Эренштейнъ вскорѣ охладѣлъ и къ супругѣ своей, которая потеряла красоту отъ болѣзни. Имъ овладѣла другая страсть—честолюбіе. Пожертвовавъ ей всѣмъ, онъ достигъ однаго изъ первыхъ мѣстъ при императорѣ Фридрихѣ III. Чѣмъ болѣе возвышался Эренштейнъ, тѣмъ болѣе отчуждался отъ старшаго своего сына, такъ-что наконецъ приказалъ баронессѣ, которая по-временамъ видалась съ отчужденнымъ сыномъ, увѣрить его въ смерти отца, и взялъ съ нея клятву не открывать Антоніо его происхожденія. Какъ бы въ наказаніе за такую жестокость, смерть похитила младшаго сына на 23 году его жизни; вмѣсто него усыновленъ былъ племянникъ барона Поппель, возведенный въ рыцарское званіе.

Отринутый отцемъ, но нѣжно любимый матерію, Антоніо воспитывался въ Падуѣ подъ именемъ бѣднаго Нѣмецкаго дворянина Эренштейна. Онъ былъ пригожъ, уменъ, воспріимчивъ къ добру и просвѣщенію, съ возвышенными чувствами и рыцарскою отвагою. Начавъ учиться медицинѣ, онъ до того пристрастился къ этой наукѣ, что подвизался въ ней единственно для пользы человѣчества и успѣховъ разума, не

думая ни о какихъ выгодахъ. Когда онъ кончилъ ученіе, воспитатель его получилъ письмо изъ Московіи отъ жившаго тамъ брата своего, зодчаго Рудольфа Альберта, прозваннаго у насъ Аристотелемъ. Художникъ просилъ доставить въ Москву врача. Узнавъ объ этомъ, Антоніо съ радостію вызвался ѣхать въ Москву. Воспитатель сначала не соглашался на это, но потомъ вдругъ пересталъ противиться желанію юноши — и вотъ тому причина. Фіоравенти писалъ къ барону Эренштейну: «Вашъ сынъ лекаремъ; не угодно ли взять его къ себѣ!» Но на это баронъ приказалъ сказать, что у него нѣтъ сына, какъ извѣстно это императору, двору и всѣмъ властямъ, съ-вѣдома которыхъ онъ усыновилъ себѣ другаго. Мало того: Фіоравенти получилъ безымянное письмо, въ коемъ увѣдомляли его, что если онъ не перемѣнитъ прозванія своему воспитаннику, то молодаго Эренштейна ожидаетъ заключеніе. Нельзя было надѣяться, чтобы юноша согласился на перемѣну фамиліи, и потому Фіоравенти призналъ за благо удалить воспитанника отъ родины.

Антоніо поѣхалъ въ Россію съ Жидомъ Схаріею, или Захаріею, извѣстнымъ распространителемъ на Руси Жидовской ереси. Схарія былъ обязанъ Антоніо спасеніемъ жизни, и за это такъ оставался признателенъ, что не только ничего не взялъ съ него за дорогу, но и прощаясь обѣщалъ ему служить, пока будетъ живъ.

Въ Москвѣ Антоніо, или, какъ его тамъ звали, Онтонъ-лекарь былъ принятъ въ качествѣ придворнаго врача и вскорѣ удостоился милостиваго вниманія Великаго Князя. Аристотель, бывшій тогда для Іоанна всѣмъ—и зодчимъ, и розмысломъ, и литейщикомъ, и монетчикомъ—имѣлъ объ Антонѣ отеческое попеченіе, какъ о названномъ сынѣ своего брата. По наставленію Жида Схаріи, тайно покровительствовалъ заѣзжему врачу ученикъ ересеначальника, главный тогдашній дипломатъ, дьякъ Курицынъ. Но все это побочныя только обстоятельства въ Московской жизни героя романа. Вотъ случай, который имѣлъ самое сильное вліяніе на судьбу его. Антону назначили жилище въ-близи Великокняжескихъ хоромъ, въ каменныхъ палатахъ воеводы и боярина Василья Ѳедоровича Симскаго-Образца, который прославившись многими воинскими подвигами, доживалъ вѣкъ свой на покоѣ. Семейство его состояло изъ сына и дочери. Сынъ, по прозванію Хабаръ, былъ 23 лѣтъ, чернобровый, черноглазый, статный, красивый молодецъ—что называется, кровь съ молокомъ. Онъ не разъ уже пыталъ отвагу свою въ битвахъ съ непріятелемъ и въ передѣлкахъ со своими, и велъ покуда жизнь молодеческую и разгульную. «Эй, Иванъ, не сносить тебѣ головы,» говаривалъ ему отецъ. Станетъ ее на мой вѣкъ, отвѣчалъ-бывало удалецъ. Дочь боярина Анастасія была ненаглядымъ сокровищемъ отца. О красотѣ ея бѣжала неумолкаемая слава по всей Москвѣ. Никто не находилъ въ ней другихъ недо-

статковъ, кромѣ того, что она была не много тонень-
ка и гибка, какъ молодая береза.

Старикъ Образецъ гнушался Нѣмцами, какъ ба-
сурманами, и сверхъ того ненавидѣлъ ихъ за смерть
16-лѣтняго сына, погибшаго въ войнѣ съ Нѣмецкимъ
орденомъ. Врачебное искуство не только не служило
въ пользу Антона; напротивъ, медицину считали тог-
да на святой Руси чѣмъ-то въ родѣ волшебства и
чародѣйства. По-этому все отвращалось отъ поганаго
Нѣмца и гнушалось имъ. Безпрестанно приходили но-
вые слухи о связи его съ нечистою силою. Не взира
однако жъ на такое предубѣжденіе всѣхъ противъ
Нѣмчина, онъ вскорѣ привлекъ къ себѣ расположені
Хабара. Этотъ разгульный, но вмѣстѣ съ тѣмъ ода-
ренный прекрасными душевными свойствами, юноша
понялъ благородство и возвышенность чувствъ ино-
земца. Антонъ спасъ друга Образцова, князя Холм-
скаго, отъ исполнителей жестокаго приказанія, даннаго
Великимъ Княземъ въ порывѣ гнѣва, и избавилъ отъ
смерти страстно любившую Хабара Гречанку Гаиду,
которую чуть-было не отравила соперница. Когда
Хабаръ, на пиру у Андрея Палеолога, брата Великой
Княгини Софьи Ѳомпнишны, заушилъ его за то, что
этотъ Грекъ смѣлъ порицать Русь и ея государя,
тогда Антонъ не только похвалилъ въ-слухъ поступокъ
Хабара, но и самъ бросилъ къ ногамъ Палеолога
только-что полученный отъ него дорогой подарокъ.

Но гораздо удивительнѣе было то, что затворница, какъ и всѣ тогда Русскія дѣвушки, Анастасія, лишь взглянула на Антона, какъ почувствовала сильное, неодолимое къ нему влеченіе, равно и онъ—хоть сначала-было и не думалъ о красавицѣ; но потомъ въ одно мгновеніе воспламенился любовію къ ней, едва успѣвъ увидѣть ее, когда она показалась на-минуту въ окошкѣ, выпуская птичку изъ клѣтки, какъ водится у насъ въ день Благовѣщенія.

Любовь Антона и Анастасіи горѣла въ-тайнѣ. Они и видали другъ друга только издали: Анастасія украдкою смотрѣла въ окошко, когда Антонъ уходилъ изъ дому или возвращался; въ то же время и послѣдній ловилъ ея взглядъ. Однажды онъ осмѣлился поклониться; она кивнула и исчезла. Съ этихъ поръ взоры ихъ стали вести разговоръ, которому давали краснорѣчивый смыслъ то вспышки Анастасіина лица, то блѣдность его, то взоры, отуманенные любовію. Между ними служилъ посредникомъ, самъ того не понимая, 14-лѣтній сынъ Аристотелевъ, Андрюша, окрещенный въ нашу вѣру. Ему былъ всегда открытъ входъ къ Анастасіи, крестной матери его; Антона же онъ посѣщалъ какъ любимаго своего родственника. Андрюша выхвалялъ тому и другому прекрасныя качества каждаго изъ нихъ.

Но двинулся походъ на Тверь—и дворскому лекарю приказано всѣсть на коня и сопровождать Великаго

Князя, который самъ собирался итти съ войскомъ. Узнавъ объ этомъ, Анастасія, преданная любви своей, «разрывалась, что будетъ въ разлукѣ съ своимъ очаро-вателемъ.» Теперь она рѣшилась испытать, христіа-нинъ ли Антонъ, вѣритъ ли онъ въ Бога, какъ гово-рилъ ей Андрюша, или онъ изъ роду проклятыхъ на соборѣ и знается съ нечистыми духами, какъ увѣри-ли ее другіе! Для этаго она рѣшилась послать къ нему съ Андрюшей тѣльникъ (крестикъ, носимый на груди). Если онъ не басурманъ, то надѣнетъ этотъ святый залогъ вѣры. Андрюша передалъ посылку Антону, который, надѣвъ на себя тѣльникъ, оставилъ его у себя до другаго дня. Но узнавъ, что лишеніе тѣльника мучитъ Анастасію и даже замѣчено нянею, Антонъ поспѣшилъ возвратить тѣльникъ, кому онъ принадлежалъ. Случай этотъ заставилъ задуматься Антона. Онъ увидѣлъ, что пребываніе его въ домѣ Образца нарушаетъ спокойствіе невинной дѣвушки и ведетъ ее къ поступкамъ, вреднымъ для дѣвической скромности, а потому рѣшился перемѣнить жилище. Завтра надобно ему выступить въ походъ. Но онъ этаго не дожидается — и нынѣ же ѣдетъ къ Аристотелю, чтобы переночевать у него и оттуда прямо пуститься въ путь.

Во время похода онъ старался заглушить голосъ сердца занятіями своего званія, собирая цѣлительныя растенія, и развѣдывалъ народныя врачебныя сред-ства. Предразсудки Образца, мысль объ отечествѣ, о

различія вѣры и множество другихъ препятствій помогали Антону бороться съ чувствомъ, которое его одолѣвало. Много также этому способствовало участіе его въ военныхъ дѣйствіяхъ передоваго отряда охотниковъ, находившихся подъ начальствомъ Хабара. Чтобы сблизиться съ Русскими воинами, Антонъ долженъ былъ обстричься и одѣться по-Русски.

Но что происходило въ это время съ Анастасіею? Тоска ея сдѣлалась всѣмъ замѣтною, хоть причины того угадать никто не могъ. Наконецъ вдова Селинова, родственница Симскихъ, любившая Хабара, уже впрочемъ измѣнившаго ей, проникла въ домъ Образца, сблизилась съ его дочерью, вывѣдала истинную причину душевнаго недуга Анастасіи, и умѣла увѣрить невинную дѣвушку, что она очарована, и что лекарь Нѣмецъ можетъ снять очарованіе.

Анастасія дождалась возвращенія Антона, который, не сдержавъ своего слова, опять поселился въ домѣ Образца. Улучивъ время, когда не было дома ни отца, ни няни, Анастасія, руководимая Селиновою, отправилась тайкомъ на половину Антона просить его, чтобъ онъ снялъ съ нея очарованіе. Слѣдствіемъ этаго свиданія было объясненіе ихъ въ любви и обѣщаніе Антона принять Русскую вѣру, чтобы получить руку Анастасіи. Антонъ просилъ содѣйствія въ семъ случаѣ у дьяка Курицына, который предложилъ ему въ сваты Аѳоню Тверчанина. Аѳоня былъ при-

нятъ въ домѣ Образца дружески, какъ человѣкъ благочестивый и какъ умный и пріятный раскащикъ о невѣдомыхъ странахъ восточныхъ, гдѣ онъ путешествовалъ и провелъ нѣсколько лѣтъ. Антонъ идетъ къ Аѳонѣ въ ближайшее отъ города селеніе. Не отлагая времени, сватъ отправляется къ Образцу, чтобы ходатайствовать у него за чужеземца. Антонъ остается въ жилищѣ Аѳони дожидаться отвѣта. Тверчанинъ дѣйствовалъ искусно и успѣшно. Образецъ, чтобы привлечь къ стаду Христову заблужденную овцу — спасти невѣрующаго, рѣшился пожертвовать тѣмъ, что ему было дороже всего — дочерью.

До сихъ поръ все идетъ какъ нельзя лучше; но мы не сказали еще ни слова о козняхъ враговъ Антона и Симскихъ.

Отецъ Антона, узнавъ о милостяхъ Великаго Князя къ своему врачу, началъ опасаться, чтобъ Антонъ, посредствомъ сношеній Іоанна съ императоромъ, не вздумалъ, по наущенію Фіоравенти, отыскивать потерянныхъ правъ своихъ — и для того Эренштейнъ склонилъ императора назначить посломъ въ Московію рыцаря Поппеля, которому эта сторона уже была знакома. При отправленіи пріемыша своего въ Москву баронъ, не открывая семейной тайны, поручилъ ему стараться всячески увѣрить Іоанна въ низкомъ происхожденіи Антона, оставивъ впрочемъ его въ по-

коѣ, когда откроется, что онъ не хвастается знатнымъ своимъ происхожденіемъ. Но Поппель иначе исполнялъ это порученіе: онъ поносилъ, злословилъ и преслѣдовалъ нещадно заѣзжаго лекаря, и потомъ подкупилъ разбойниковъ убить его. Антонъ едва не сдѣлался жертвою злодѣевъ, когда, запоздавъ у Аѳони, возвращался въ городъ черезъ перелѣсокъ за Неглинной. Одно усердіе Жида Схарія, слѣдившаго всѣ поступки Поппеля, спасло Антона отъ гибели.

Но былъ человѣкъ еще опаснѣе для видовъ Антона на Анастасію. Это бояринъ Мамонъ. Онъ былъ врагомъ собственно не Антону, но дому Симскихъ за то, что старикъ Образецъ отказалъ выдать дочь свою за сына Мамонова. Злой и мстительный Мамонъ употреблялъ всѣ средства вредить своему врагу. По его проискамъ назначенъ къ Образцу въ постояльцы поганый Нѣмецъ; онъ чуть-было не погубилъ Хабара, донеся несправедливо о поступкѣ его съ Палеологомъ. Когда за это осужденъ былъ Мамонъ заплатить пеню и земно бить челомъ Хабару, онъ укусилъ у послѣдняго ногу. Взбѣшенный симъ Хабаръ вырвалъ у Мамона клокъ бороды. Тогда они положили дѣло рѣшить полемъ. Между вызовомъ и выходомъ на поле прошло много времени; потому-что Хабаръ въ это время ходилъ въ Тверской походъ. Чего не дѣлалъ между тѣмъ Мамонъ, чтобы обезпечить себѣ побѣду надъ врагомъ? Онъ прибѣгалъ къ чародѣямъ, добывалъ разрывъ-траву, учился дѣйствовать мечемъ у Нѣмцевъ.

Не смотря на это, Хабаръ, при содѣйствіи обстоятельствъ, побѣдилъ Мамона, имѣвъ неосторожность сохранить ему жизнь.

Согласіе Образца на бракъ его дочери съ Антономъ соединило мстительныя намѣренія Мамона съ злыми умыслами Поппеля. Мамонъ рѣшился употребить всѣ силы, чтобы Анастасія, не доставшаяся его сыну, не могла выти ни за кого за-мужъ, и потому, разумѣется, спѣшилъ воспрепятствовать браку ея съ Антономъ—и вотъ какъ онъ въ этомъ успѣлъ.

Сынъ царевича Даньяра Каракача жестоко ушибенъ былъ взбѣсившимся конемъ. Антонъ взялся вылечить его, ручаясь за выздоровленіе своею головою, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы къ больному приставленъ былъ довѣренный человѣкъ смотрѣть за употребленіемъ лекарствъ. На это выбранъ былъ дворецкій Русалка, человѣкъ способный изъ выгоды на всякое злое дѣло. Подкупленный Мамономъ, онъ поставилъ на мѣсто лекарства ядъ—и Даньяръ далъ его сыну своему, когда уже онъ сталъ выздоравливать. Іоаннъ Васильевичъ за неисполненіе лекаремъ слова, и вѣроятно подозрѣвая злой умыселъ, выдалъ несчастнаго головою Татарамъ! «Они же свели его на Москву-рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали ножемъ, какъ овцу.» Анастасія страдала, томилась, сохла, наконецъ не выдержала . . . и наложила на себя руки. Старикъ Образецъ умеръ до несчастнаго приключенія съ Антономъ

Такимъ образомъ въ разсматриваемомъ нами романѣ дѣйствуютъ: мстительность Итальянца, исхитившая младенца изъ нѣдръ родительскихъ и давшая ему другое назначеніе, нежели какое давало ему рожденіе; развратъ чувствъ Нѣмецкаго барона, который, изъ презрѣнія къ занятіямъ сына, отвергаетъ его самаго; мечтательность юноши, увлекшая его въ страну чуждую, тогда еще необразованную; любовь, столь много обѣщавшая и потомъ несчастная — и наконецъ злость Поппеля и ненависть Мамона, бывшія главными причинами ужасной катастрофы.

Изъ этаго разсказа можно видѣть, что романъ раздѣляется на два главные отдѣла: одинъ содержитъ въ себѣ обстоятельства, предшествовавшія рожденію героя романа и описаніе первой его молодости. Здѣсь все чужеземное; дѣйствіе происходитъ въ Римѣ, Падуѣ, Аугсбургѣ и въ Богеміи; дѣйствующія лица — Итальянецъ и Германцы; все представляется въ ихъ нравахъ и обычаяхъ, да и самый разсказъ основанъ на Германскомъ преданіи.

Если авторъ хотѣлъ изобразить намъ Русь въ эпоху царствованія Іоанна III, и если, по мнѣнію г. Лажечникова, «миссія историческаго романиста выбрать «изъ какой-нибудь эпохи и изъ жизни двигателя ея «самыя блистательныя, самыя замѣчательныя собы«тія, которыя вяжутся съ главнымъ лицемъ его раз«сказа;» то для чего такъ много говорить о посто-

ронних предметах, излагать драматически такія событія, которыя, ничего не объясняя въ избранной авторомъ эпохѣ, отдаляютъ завязку—предметъ, столь необходимый для возбужденія любопытства и вниманія читателя? Нельзя конечно романиста приковывать къ одному мѣсту, къ одной странѣ; онъ можетъ переносить дѣйствіе, куда ему угодно; однакожъ нельзя не требовать, чтобы такіе переносы служили необходимыми дополненіями главной исторіи и отнюдь не были излишними. Но къ чему служитъ происхожденіе Антона лекаря отъ барона Эренштейна? Все, случившееся съ Антономъ въ Россіи, могло произойти и тогда, когда бы онъ не былъ отверженнымъ сыномъ барона. Правда, авторъ заставляетъ Эренштейна преслѣдовать Антона и въ Москвѣ, при пособіи императорскаго посла Поппеля. Но не говоря уже о томъ, какъ мудрено было узнать тогда въ Вѣнѣ о такомъ мелочномъ событіи при дворѣ Московскомъ, каково появленіе тамъ и успѣхъ пріѣзжаго лекаря, нельзя не замѣтить, какъ отдѣляется отъ прямаго хода произшествій вмѣшательство Поппеля. Онъ долженъ былъ, по внушенію нарѣченнаго своего отца, развѣдать—не хвастается ли Московскій лекарь происхожденіемъ отъ бароновъ Эренштейновъ, и не узнавши ничего о семъ предметѣ, злословитъ Антона; потомъ, услышавши отъ Аристотеля намеки, что заѣзжій лекарь можетъ имѣть титулъ барона, вооружается противъ него и даже подкупаетъ убійцъ лишить его жизни. Откуда столько злобы въ человѣкѣ, хотя и вѣтреномъ, легкомыслен-

номъ, однакожъ не развращенномъ и не злодѣѣ? И что сдѣлали всѣ усилія Поппеля? Злословіе его не повредило Антону, покушеніе на жизнь послѣдняго было неудачно, возбужденіе Мамона къ дѣйствію во вредъ лекаря было излишне: Мамонъ имѣлъ много собственной злобы, которую впрочемъ питалъ не противъ Антона, а противъ дома Симскихъ. Ему надобно было погубить жениха Анастасіи, кто бы онъ ни былъ, другъ или врагъ Поппеля. Участіе послѣдняго не усиливало дѣйствій Мамона, который не измѣнилъ бы своихъ дѣйствій—и судьба Антона была бы таже и безъ вмѣшательства Поппеля. И такъ если участіе посла въ исторіи несчастнаго Московскаго лекаря не соединяется тѣсно съ прочими событіями, то и первоначальный разсказъ о происхожденіи Антона, разсказъ, изъ котораго объясняются дѣйствія Поппеля, также не имѣетъ вліянія на ходъ романа. Исключите все это, разсказъ останется стройнымъ и невредимымъ.

Мы думаемъ, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда подобные эпизоды и отступленія бываютъ необходимы, ихъ можно излагать короче въ повѣствованіяхъ и разсказахъ, а отнюдь не драматически, какъ изображены: нанесеніе обиды врачу Фіоравенти, мщеніе его барону Эренштейну, возвращеніе Якубека къ матери Антона послѣ отъѣзда его въ Москву. Гораздо занимательнѣе видѣть изображенными въ дѣйствіи главные характеры и событія. Напр., какъ бы пріят-

но было, если бы авторъ, вмѣсто разсужденія о дѣйствіяхъ Іоанна во время войны противъ Ахмата, изобразилъ драматически состояніе сего Государя въ эту важнѣйшую эпоху его царствованія.

Обратимся теперь ко второму отдѣлу, или къ настоящему содержанію романа, гдѣ уже является герой дѣйствующимъ и начинается изображеніе Россіи въ княженіе Іоанна III.

Здѣсь завязкою служитъ взаимная любовь Анастасіи и Антона, любовь, вспыхнувшая мгновенно отъ однаго мимолетнаго взгляда издали. Мы совершенно согласны, что человѣку, особенно съ пылкими чувствами, можетъ понравиться многое съ перваго взгляда; но полюбить другаго сильно, страстно онъ можетъ только тогда, когда души, такъ сказать, освоятся между собою, узнаютъ одна другую. Это знакомство душъ иногда образуется также очень скоро, но все при посредствѣ внѣшняго сближенія. Чувства, мысли и свойства душевныя познаются только по внѣшнимъ выраженіямъ и по наружнымъ признакамъ. Слово въ этомъ случаѣ есть лучшій передаватель; но не оно одно къ этому способно; во взорахъ, движеніяхъ, во всей физіономіи человѣка рѣзко выражаются душевныя его свойства и дѣйствія. Все это однакожъ надобно прежде разсмотрѣть вблизи: иначе нельзя разобрать и прочесть такой грамоты — и потому, чтобы привязаться къ человѣку истинною и пламенною лю-

бовію, недостаточно увидѣть его мелькомъ и издали.

Если бывали примѣры противнаго—это исключенія изъ общаго правила, такія же необыкновенныя явленія, какъ приводимая авторомъ въ примѣръ любовь художника къ изображенію Мадонны. Къ симъ-то изъятіямъ и необыкновеннымъ случаямъ должно отнести любовь Анастасіи и Антона. Самъ романистъ, кажется, не желаетъ ручаться за естественность этой любви, когда послѣ объясненія возможности ея говоритъ: «какъ бы то ни было, по шучьему ли велѣнію, по наваженію ли нечистаго, по закону ли природы, Анастасія вся предалась любви своей.»

Любовь Германцевъ среднихъ вѣковъ и даже XV столѣтія мы привыкли представлять кипящею, всепокоряющею. Но любовь Антона, такъ дивно и быстро вспыхнувшая, еще первая любовь, ничѣмъ не выражается, кромѣ взглядовъ на окно Анастасіи. Юноша такъ холоденъ, что ему ничего нестоитъ заглушить голосъ любви занятіями въ наукахъ: это не то, что Клавдій-Фроло, который, въ припадкахъ любви смотря въ книгу и пробѣгая въ ней строки, не видалъ и не понималъ ничего написаннаго тамъ. Антонъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ сблизиться, хоть поговорить съ своей любезной: онъ не прежде обратилъ вниманіе на свои отношенія къ Анастасіи, какъ увидѣвши, что она забываетъ дѣвическую скро-

мность изъ любви къ нему. Понявъ, какъ опасно его сосѣдство для неопытной дѣвушки, онъ рѣшился оставить домъ, гдѣ живетъ она, и дѣлаетъ это безъ всякаго насилія воли, даже безъ сожалѣнія.

Въ походѣ на Тверь онъ совсѣмъ-было покорилъ страсть свою. Одно только намѣреніе Великаго Князя выдать Анастасію за Татарина Каракачу воспламеняетъ вновь притаившуюся любовь. Впрочемъ эта вспышка была непродолжительна; за нею послѣдовало прежнее спокойствіе. По возвращеніи въ Москву слабость Антона обнаруживается въ томъ, что онъ не исполняетъ своего намѣренія оставить навсегда домъ Анастасіи. Но и послѣ мы видимъ его въ какомъ-то любовномъ усыпленіи, пока возлюбленная своими поступками не принуждаетъ его дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ такомъ поведеніи много благоразумія; но нѣтъ никакой энергіи. Тутъ не видно ни трудной, мучительной борьбы съ собою, ни тягостной, томительной борьбы со внѣшними препятствіями, ни сильныхъ чувствованій: а безъ всего этаго любовь въ романѣ не занимательна. Благородство чувствованій Антона, заставлявшее его противиться страсти, не исключало усилій воли и тяжкихъ подвиговъ душевныхъ.

Любовь Анастасіи горитъ пламеннѣе. Героиня спѣшится узнать короче своего милаго, отваживается для этаго на тяжкіе подвиги, томится въ разлукѣ съ нимъ, не можетъ скрыть своихъ мученій—и едва встрѣтила

участіе въ любви своей, какъ съ охотою передаетъ участницѣ тайну сердца. Здѣсь мы позволяемъ себѣ замѣтить только одно: едва ли самая простодушная, непросвѣщенная дѣвушка, когда влюбится, не пойметъ душевнаго своего состоянія. Есть у насъ въ простомъ народѣ повѣрье, будто можно другаго приворожить, приколдовать къ себѣ. Пусть Анастасія вѣрила, что Антонъ привлекъ ея любовь къ себѣ однимъ изъ подобныхъ средствъ, но невѣроятно, чтобы это заставило влюбленную дѣвушку прибѣгнуть къ очарователю съ просьбою снять съ нея очарованіе, освободить ее отъ страсти къ нему. Любовь, при всѣхъ мученіяхъ, такъ сладка и пріятна, что влюбленный или влюбленная не рѣшится истребить это чувство, и сблизится съ милымъ человѣкомъ въ надеждѣ болѣе сладкой, нежели освобожденіе отъ очарованія.

Любовь Анастасіи и Антона встрѣчаетъ сильную преграду въ отвращеніи Образца отъ Нѣмцевъ и въ особой ненависти къ нимъ за смерть 16-лѣтняго его сына. Предразсудки въ грубомъ состояніи людей и при сильныхъ характерахъ бываютъ чрезвычайно упорны и непоколебимы. Образецъ представляетъ точное изображеніе подобныхъ людей. Но въ нихъ же мы встрѣчаемъ и безусловную покорность господствующимъ правиламъ нравственности и религіи. Какое изувѣріе мы видимъ въ послѣдователяхъ самыхъ нелѣпыхъ сектъ! Какъ они непреклонны въ своихъ обычаяхъ! Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ по-

корны ученію своихъ наставниковъ! Чѣмъ не пожертвуютъ для поддержанія своего мнѣнія! Точно такія же крайности являются и въ дѣйствіяхъ Образца-Симскаго.

Антона и Анастасію губитъ злоба Мамона. Ненависть этаго человѣка къ роду Симскихъ возрастаетъ и усиливается весьма послѣдовательно. Онъ оскорбленъ отказомъ сыну его въ рукѣ Анастасіи, и въ отмщеніе лосаждаетъ отцу ея назначеніемъ къ нему Нѣмца въ постояльцы. Хабаръ изувѣчилъ сына Мамонова на кулачномъ бою. Отецъ изувѣченнаго готовитъ за это казнь Хабару. Но вмѣсто этаго онъ самъ униженъ, долженъ бить челомъ Хабару и заплатить ему пеню. Чтобы прикрыть свое безчестіе, онъ въ безсильной злобѣ оскорбляетъ Хабара низкимъ образомъ, и потомъ зоветъ его на поле. Готовясь къ поединку, онъ кипитъ и мучится желаніемъ побѣдить врага, и радъ за все взяться для обезпеченія успѣха. Но онъ вновь униженъ побѣдою и состраданіемъ врага, сохранившаго его жизнь. Наконецъ раздражаетъ его близкое счастливое супружество Анастасіи. Тутъ уже злодѣй вооружается подлостію и преступленіемъ.

Разсмотрѣвши главныя дѣйствующія въ романѣ страсти, мы не можемъ не прибавить общаго замѣчанія, что, кромѣ любви Антона, всѣ онѣ проявляются или въ чрезвычайно усиленной степени, или въ самыхъ рѣзкихъ крайностяхъ. То же ви-

димъ и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ характерахъ. Вдова Селинова, оставленная любовница Хабара, проникаетъ въ теремъ сестры его, чтобы вывѣдать ея тайну, обезславить бѣдную дѣвушку и тѣмъ отмстить измѣннику. Успѣвши завладѣть тайною, она спѣшитъ къ врагу рода Симскихъ Мамону и въ злобѣ передаетъ ему открытую ею новость. Потомъ съ такимъ же умысломъ завлекаетъ невинную дѣвушку въ предосудительный поступокъ, ведетъ ее на тайное свиданіе съ любовникомъ; но, тронувшись сценой ихъ объясненія, вдругъ измѣняетъ систему своихъ дѣйствій — и сколько старалась прежде вредить чести Анастасіи, столько теперь заботится объ ней.

Въ романъ введенъ еще переводчикъ и книгопечатникъ Варѳоломей. Это человѣкъ низкій, хвастунъ, обманщикъ, разнощикъ ложныхъ слуховъ, перекрещенецъ для видовъ, и всегда услуживающій сильному съ пользою для себя. Этотъ человѣкъ, по внушенію какаго-то добраго генія, вдругъ рѣшился оказать услугу семейству Образца, его отца крестнаго, и услугу такую, за которую грозило ему наказаніе по суду и мщеніе отъ неукротимаго Мамона: онъ тайкомъ прокрадывается въ ограду, гдѣ происходилъ поединокъ между Хабаромъ и Мамономъ— и когда послѣдній началъ одолѣвать перваго, онъ пугаетъ Мамона и удерживаетъ побѣду за Хабаромъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о планѣ изложенія романа. По нашему мнѣнію обдуманность плана очень важна не только въ сочиненіяхъ, гдѣ преобладаетъ одинъ холодный разсудокъ, но и тамъ, гдѣ господствуетъ воображеніе. Вездѣ нужна послѣдовательность, твердое и правильное отношеніе всѣхъ частей между собою. Непрерываемость разсказа въ романѣ завлекаетъ и приковываетъ любопытство читателя; излишняя примѣсь эпизодовъ и особенно не имѣющихъ тѣсной связи съ главною исторіею утомляетъ и запутываетъ читателя: онъ теряетъ нить происшествій.

Въ главномъ отдѣлѣ разбираемаго нами романа разсказъ оживляется и начинаетъ итти стройно съ конца 3-й части, именно съ знакомства Селиновой съ Анастасіею; до тѣхъ поръ онъ прерывается множествомъ эпизодовъ, нерѣдко прекрасныхъ въ отдѣльности, но очень мало соединяющихся съ главною исторіею. Мы старались изложить содержаніе романа какъ можно пространнѣе. При всемъ томъ не могли никакъ включить множества сценъ и дѣйствій, изображенныхъ въ романѣ, потому-что они слишкомъ выдаются изъ плана: ихъ нельзя вставить въ него, не повредивши его стройности. Мы очень понимаемъ цѣль, какую имѣлъ авторъ при вставкѣ эпизодовъ: онъ хотѣлъ въ нихъ объяснить эпоху, событія и тогдашнихъ дѣятелей. Но мы думаемъ, что исторія должна вмѣшиваться въ самый вымыселъ, ни сколь-

ко не отдѣляясь отъ него. Разсказъ долженъ, если можно такъ выразиться, протекать по лугу исторіи. Пусть читатель, плывя по теченію потока, разсматриваетъ берега и окрестности, не останавливаясь, не причаливая къ берегамъ, а тѣмъ болѣе не выходя на берегъ.

Мы уже замѣтили, какъ слабо связываются дѣйствія Поппеля съ остальными происшествіями. Есть и другіе эпизоды, также едва ли не излишніе въ цѣломъ. Укажемъ только на родимецъ художника. Аристотель приготовилъ великолѣпный, чудный планъ для Московскаго собора. Іоаннъ находитъ этотъ планъ неудобоисполнимымъ — и Аристотель впадаетъ въ недугъ. Мы не можемъ даже понять цѣли этаго эпизода и отношенія его къ общему составу романа. Былъ ли геній Аристотеля такимъ гигантскимъ, какъ надобно судить по эпизоду — этаго намъ не показываетъ исторія. Для чего же даны ему столь чудные помыслы? Прибавлена ли этою сценою хоть одна черта къ описываемой авторомъ эпохѣ? Мы и этаго не находимъ.

Чтобы оцѣнить достоинство эпизодовъ въ отношеніи къ главной ихъ цѣли, разсмотримъ, какимъ образомъ въ нихъ изображена эпоха и дѣйствовавшія тогда лица.

Начнемъ съ главнаго дѣйствователя — Іоанна III, какимъ онъ является въ романѣ.

Іоаннъ идетъ въ брусяную избу, гдѣ намѣренъ принять пословъ Тверскаго князя, и слышитъ, что попугай Софьи Ѳоминишны называетъ его Царемъ. Въ-слѣдъ за тѣмъ является сама Великая Княгиня и говоритъ, что пора ему принять на себя Царскій титулъ. Іоанну, какъ кажется, очень пріятно такое величаніе; но онъ видитъ, что еще не все сдѣлано съ его стороны для утвержденія новаго титула за Государями Русскими. Исторія дѣйствительно заставляетъ думать, что Софія много подстрекала Іоанна къ подвигамъ на славу и укрѣпленіе отечества.

Взойдя въ брусяную избу, Іоаннъ находитъ въ ней дворецкаго Русалку, человѣка низкаго, подлаго, который изъ выгоды подставилъ Каракачѣ ядъ вмѣсто лекарства, а для потѣхи возилъ на себѣ этаго Татарченка: и такому человѣку Іоаннъ высказываетъ свои государственныя предположенія.

Мы полагаемъ, что Іоаннъ думалъ свою крѣпкую думу безъ шуму — и если разсуждалъ о средствахъ, какъ достигнуть своей цѣли, то не съ такимъ человѣкомъ, какимъ представленъ въ романѣ Русалка.

Тронъ государя обыкновенно окружаютъ и поддерживаютъ вельможи и высшее дворянство. Кто жъ были приближенные Іоанна III, облегчавшіе своимъ усердіемъ бремя его правленія? Это мы надѣялись найти въ главѣ *Домостроитель и домочадцы*, этог обѣщалъ намъ и эпиграфъ сей главы:

Вился, вился ярый хмѣль;
Слава!
Около тычинки серебряныя;
Слава!
Такъ бы вамъ, князья и бояре;
Слава!
Около Царя православнаго;
Слава!

Но мы здѣсь находимъ только дьяка Курицына, занимавшагося дѣлами по дипломатической части, дьяка Гусева—составителя Судебника, и наконецъ извѣстнаго намъ Мамона. Гдѣ же бояре, окольничіе и воеводы? гдѣ дворъ Іоанновъ, увеличенный имъ новыми чинами?

Іоаннъ, приказавъ объявить посламъ Тверскимъ, что онъ не хочетъ съ ними вступать въ переговоры, ударяетъ во гнѣвѣ посохомъ въ полъ, и когда посохъ переломился надвое, онъ велѣлъ показать имъ обломки, сказавъ: кабы погнулась, такъ была бы цѣла. Первая вѣсть о вступленіи Тверскаго князя въ тайные переговоры съ Литвою могла разгнѣвить Іоанна. Но совсѣмъ не умѣстна горячность, когда ему предстояло рѣшеніе: быть, или нѣтъ Тверскому княжеству? Іоаннъ былъ суровъ, строгъ и жестокъ, но едва ли вспыльчивъ. Его нерѣшительность, обдуманность въ дѣйствіяхъ не позволяетъ предполагать въ немъ пылкости.

Іоаннъ еще сильнѣе возгараетъ гнѣвомъ, когда услышалъ отъ Русалки, что народъ вопіетъ противъ

него за равнодушіе къ Жидовской ереси. «Онъ вцѣ-«пился рукою въ грудь Русалки, и тряся его, за-«дыхаясь вскричалъ: народъ? гдѣ онъ?... подай мнѣ «его сюда, чтобы я могъ услышать его ропотъ и *за-«душить*, какъ тебя душу.» Откуда такое ожесточе-ніе противъ народа? Развѣ Іоаннъ не дѣйствовалъ со-гласно съ желаніемъ народа противъ Ахмата? Онъ съ покорностію внималъ жестокимъ упрекамъ Вассіа-на; да и въ послѣдствіи рѣшился на строжайшую казнь еретиковъ, вѣроятно по настоянію духовенства.

При всей мудрости и угрозахъ Іоанна, онъ стано-вится игрушкою Русалки, который донесъ ложно на князя Лукомскаго. Мамонъ, въ угожденіе доносчику, пересказалъ объ оказавшемся по слѣдствію не такъ, какъ дѣло было—и на этомъ основаніи Іоаннъ рѣ-шилъ казнить Лукомскаго съ его участникомъ. По-томъ Русалка вздумалъ обвинять еретиковъ, раздра-жилъ Іоанна противъ народа, желавшаго казни ихъ— и тѣмъ расположилъ Великаго Князя въ пользу при-верженцевъ ереси.

При этомъ нельзя оставить безъ вниманія словъ, которыя авторъ влагаетъ въ уста Іоанну, и въ кото-рыхъ Государь даетъ наставленіе дьяку Гусеву, какъ долженъ быть изложенъ законъ. «Вы, законники, «все пишете листы за листомъ, да не дописываете. «А тамъ судьи праведные начнутъ пополнять, да по-«яснять, да посулы брать за темные недосказы. За-

«конъ долженъ быть уложенъ, словно открытая ла-«донь, безъ перстанцы: всякій темный человѣкъ до-«видитъ, что на ней, и зернышко маково не укроет-«ся. Коротка да ясна, и коли нужно, сильно хватаетъ!... «А то пожалуй надѣнутъ на законъ дырявую рука-«вицу, да еще сожмутъ въ кулакъ: отгадывай, четъ «или нечетъ. Покажутъ то или другое, если надо.» Сужденіе простое, но здравое. Съ такимъ понятіемъ о законѣ Іоаннъ не могъ довольствоваться неопредѣлительными, разновременными и вѣроятно иногда противорѣчившими другъ другу постановленіями, по коимъ производили до сего времени судъ и расправу.

Обратимся къ другому явленію въ романѣ. Великому Князю представляется пріѣзжій лекарь, сопровождаемый уже ознакомившимся съ Россіею Аристотелемъ Фіоравенти. Іоаннъ, замѣтивъ изъ нѣсколькихъ отвѣтовъ Антона умъ и свѣдѣнія его, спрашиваетъ: «Почему узнать, какой у человѣка недугъ?» «Потому, какъ дастъ о себѣ знать кровь въ рукѣ, и «каковъ языкъ,» отвѣчаетъ лекарь. «А вотъ мы сей-«часъ попытаемъ,» сказалъ Іоаннъ—и созвавъ всѣхъ дворскихъ людей, приказалъ имъ стать въ одинъ рядъ по чинамъ, открыть ротъ и протянуть руки. Врачь осмотрѣлъ всѣхъ, и пацієнты оставались въ такомъ смѣшномъ положеніи, пока Іоаннъ не велѣлъ закрыть разинутые рты и опустить поднятыя руки.

Что за цѣль была при этомъ у Іоанна? Посмотрѣть, какъ лекарь угадывать будетъ свойство не-

дуговъ? Но для этаго надобно бы привести его къ больнымъ, а не къ здоровымъ, какими безъ сомнѣнія были всѣ дворскіе люди, явившіеся въ тотъ день къ исправленію службъ своихъ. Пошутить надъ придворными? Но такія шутки не совмѣстны ни съ характеромъ Іоанна, сколько мы знаемъ его изъ исторіи, ни съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ изображаетъ намъ его авторъ въ этой сценѣ. Вообще картина поднятія рукъ и раскрытія рта по командѣ очень странна.

Іоаннъ заставляетъ Антона снять типунъ у попугая. При этомъ и лекарь, только-что перешагнувшій черезъ порогъ дворца, уже мечтаетъ сдѣлаться совѣтникомъ Великаго Князя — и съ этою мыслію произноситъ ему сентенцію: «Любовь всегда сильнѣе власти.» Іоаннъ, подозрѣвая, что Антонъ намекаетъ на его жестокость, спѣшитъ оправдаться въ поведеніи своемъ. Потомъ едва кончилась операція надъ попугаемъ, ведетъ Антона и Аристотеля въ темницы, чтобы показать первому своихъ знаменитыхъ плѣнниковъ. «Это, по словамъ автора, слабость владыки, «который хочетъ похвалиться, какъ онъ умѣлъ силою «своею духа и ума оковать опасныхъ враговъ, дер«жавшихъ такъ долго Русь въ неволѣ и страхѣ.»

Можно ли допустить въ великомъ Іоаннѣ такую хвастливость и передъ кѣмъ же? передъ лекаремъ, чуть-чуть не мальчикомъ! Іоаннъ могъ искать славы въ потомствѣ и желалъ пріобрѣсти ее дѣлами истин-

но полезными для отечества, не стараясь между современниками отличиться блестящими подвигами: онъ думалъ — и приготовлялъ могущество Росіи тайно, незамѣтно.

Проходя по темницамъ Іоаннъ откровенно высказываетъ Аристотелю свои тайныя намѣренія въ разсужденіи плѣнниковъ. Нельзя не замѣтить, что Аристотель не былъ ни совѣтникомъ, ни придворнымъ Іоанна, и вообще не былъ государственнымъ человѣкомъ, а просто славный мастеръ и искусникъ на всѣ руки: самая высокая должность его состояла въ томъ, что онъ управлялъ въ походѣ на Тверь огнестрѣльнымъ снарядомъ. Едва ли скрытный Іоаннъ могъ посвящать такаго человѣка въ тайны глубокой своей политики.

Іоаннъ дразнитъ Марѳу Борецкую, которая представлена здѣсь если не юродивою, то очень странно. Борецкая отвѣчаетъ Великому Князю ругательствами, а онъ отсмѣевается. Если мы не ошибаемся, Іоаннъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не позволяютъ никому и въ-шутку оскорблять себя, и лучше не начнутъ брани, нежели согласятся подвергнуть себя въ ней оскорбленію. Іоанна мы воображаемъ такимъ важнымъ, что онъ никогда не рѣшится на пустословіе съ безсильною женщиною, которая и безъ того унижена судьбою. Карамзинъ очень хорошо замѣчаетъ, что Иванъ Васильевичъ послѣ перваго покоренія Новгоро-

да не хотѣлъ и упомянуть о Марѳѣ въ договорѣ своемъ, какъ бы изъ презрѣнія къ слабой женѣ.

Авторъ, разсказывая о бѣгствѣ кн. Холмскаго отъ гнѣва Іоаннова и какъ онъ укрывается въ домѣ Образца, прибавляетъ, что опальный прощенъ по ходатайству митрополита и другихъ духовныхъ властей, къ которымъ прибѣгалъ Образецъ, вѣроятно не смѣя самъ непосредственно просить Великаго Князя за своего друга. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приписываетъ милость Іоанна и посредству Аристотеля съ Антономъ. Надобно быть Аристотелю тѣмъ же, чѣмъ былъ Лефортъ у Петра I-го, чтобы имѣть возможность дѣйствовать такъ на Великаго Князя. Хотя Аристотель былъ очень полезный человѣкъ, однакожъ едва ли пользовался такою честію, какъ представлено въ романѣ. Напротивъ того ему, кажется, не пріятно было жить въ Россіи: онъ чуть-было не убѣжалъ изъ нея. Вообще не надобно забывать, что Іоаннъ любилъ только пользоваться мастерствомъ и искуствомъ иноземцевъ, но не хотѣлъ въ нихъ видѣть ни учителей, ни совѣтниковъ. Послѣ этаго не странно ли, что заслуженный боярин Образецъ не смѣетъ лично ходатайствовать за друга и товарища своего; а иноземцы, вызванные для работъ и услугъ, не боятся «искусно объяснять властителю, «что слухъ о *несправедливомъ* гнѣвѣ его на знамени-«таго воеводу можетъ повредить ему въ хорошемъ «мнѣніи, которое имѣютъ о немъ Римскій Цесарь и

«другіе государи; что гнѣвомъ на воеводу Великій «Князь даетъ поводъ другимъ подданнымъ своимъ «быть измѣнниками своему отечеству; что Холмскаго «не наказывать, а наградить надо за его благородный «поступокъ; что эта награда возбудитъ желаніе по«дражать такой возвышенной любви къ родинѣ.» Нельзя не замѣтить, что такія убѣжденія слабы. Уже ли ихъ только недоставало для того, чтобы внять предстательству духовенства? Уже ли его должно было подкрѣплять увѣщаніями Антона и Аристотеля? Лучше бы, кажется, заставить тутъ дѣйствовать младаго Іоанна, который такъ мало виденъ въ романѣ. Но для чего такая напраслина на Іоанна будто онъ столь жестокъ былъ, когда Холмскій отказался дѣйствовать противъ Твери? По исторіи извѣстно, что Холмскій съ епископомъ пріѣзжалъ въ Москву отъ Михаила съ извиненіями; но ихъ не приняли, не подвергая впрочемъ никакимъ другимъ непріятностямъ.

Но вотъ совсѣмъ другаго рода сцена. Іоаннъ узнаетъ, что Мамонъ неправильно донесъ ему о поступкѣ Хабара съ Палеологомъ, и тутъ же наноситъ Мамону ударъ посохомъ по лицу, а чтобы онъ впередъ донесенія представлялъ вѣрнѣе, велѣлъ заплатить за безчестіе Хабару сто рублей и поклониться ему трижды въ ноги. Такая расправа совершенно сообразна и съ строгостію Іоанна, и съ духомъ того времени.

Во время похода на Тверь Іоаннъ представляется идущимъ медленно, выжидающимъ, чтобы Тверской Князь самъ оставилъ свою столицу. Это въ духѣ Іоанна. Но за то страненъ слѣдующій поступокъ. Аристотель въ своей палаткѣ разсказываетъ Антону, какую слабость обнаружилъ Іоаннъ въ дѣйствіи противъ Ахмата—и едва успѣлъ кончить свои разсужденія объ этомъ, какъ является самъ Великій Князь съ словами: «Ну, кончилъ ли?.... Не мало стою здѣсь» (Іоаннъ подслушивалъ!) «а только и слышу въ рѣчи твоей: «Іоаннъ, Ахматъ да Софья, и опять Ахматъ да Іо«аннъ. Не трунишь ли надъ старыми грѣхами мои«ми?... Крыться не хочу: было время, и я оплошалъ, «сробѣлъ, самъ не знаю какъ. Кто этому теперь повѣ«ритъ?.... Правду молвить—и было чего бояться! Въ «одинъ часъ могъ потерять, что улаживалъ годами и «что замышлялъ для Руси на нѣсколько вѣковъ. Го«сподь выручилъ. Но.... по нашей пословицѣ, кто «старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Оправь меня въ «этомъ дѣлѣ передъ Нѣмцемъ (Антономъ); спи здоро«во, Аристотель! »

Для чего ходитъ Іоаннъ ночью по палаткамъ? Могъ ли онъ равнодушно слушать непріятные толки о робости своей въ рѣшительную минуту, тогда-какъ, по словамъ автора, Іоаннъ велѣлъ повѣсить перваго, кто сталъ роптать на медленность его въ походѣ къ Твери? Наконецъ могъ ли Іоаннъ такъ дорожить мнѣніемъ своего лекаря, чтобы просить

оправданія передъ нимъ? И это тотъ самый Іоаннъ, который, по мнѣнію романиста, не ставитъ ни во что толки своего народа и даже хочетъ задушить подданныхъ своихъ за ропотъ ихъ на снисхожденіе къ еретикамъ?

Въ послѣдній разъ Іоаннъ является въ романѣ, когда беретъ слово съ Антона вылечить Каракачу, потомъ произноситъ приговоръ противъ лекаря—и наконецъ, послѣ долгихъ и многихъ просьбъ, послѣ трудной борьбы съ собою, соглашается избавить осужденаго отъ казни. Первыя два обстоятельства основаны на исторіи, а послѣднее представлено правдоподобно и трогательно.

Только на одну минуту въ романѣ является Великая Княгиня Софія Ѳомпиишна, которая, по свидѣтельству исторіи, имѣла большое вліяніе на своего супруга. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не далъ ей приличнаго мѣста въ романѣ. Умъ ея, тонкость и хитрость Гречанки могли бы служить богатыми матеріалами для поэта.

Іоаннъ младой, любимый отцемъ и народомъ, пылкій и мужественный въ опасностяхъ войны, представленъ въ одной сценѣ, но — надобно сказать — съ большимъ искуствомъ. Онъ благоговѣетъ передъ отцемъ, боится шороху ногъ своихъ, чтобы не оскорбить слуха родителя; но когда нужно было стать за

истину и оправдать своего любимца, онъ дѣйствуетъ со всею смѣлостію, потому-что строго уже изслѣдовалъ истину и видитъ необходимость оправдать оговореннаго.

—Слышалъ, Иванъ, что сдѣлалъ твой любимый Хабаръ?—спрашиваетъ Великій Князь.

«Слышалъ, господине,» отвѣчалъ спокойно Іоаннъ младой.

— Легко вымолвить: заушилъ деспота Морейскаго!—

« А за что, сказали тебѣ, отче? »

— Ни съ того, ни съ сего: вѣстимо хмѣльной! не впервой ему азарничать. Коли до нынѣшняго дня носилъ еще голову на плечахъ, такъ это ради тебя. —

«Коли нынѣ снесетъ эту голову, такъ ради «тебя, господине, и нашей православной Руси. Ко«гда жъ пойдетъ на лобное мѣсто, я поцалую его въ «эту голову.»

—Какъ такъ?—

Тутъ Іоаннъ младой разсказалъ все, что произошло на пиру у Палеолога.

— Вопстинну ли такъ?—сказалъ Іоаннъ сыну.

« Спроси дьяка Бородатаго, бояръ постарше и «понадежнѣе, что были на пиру, дворскаго лекаря «Антона. »

Иванъ Васильевичь задумался.

— Нѣтъ, не надо. Ты мнѣ сказалъ Иванъ: стану ли я допрашивать бояръ и дьяковъ? —

Въ послѣднихъ словахъ видно, какъ отецъ любилъ и цѣнилъ такаго сына.

Изъ прочихъ историческихъ лицъ являются въ романѣ воеводы и бояре: Образецъ и Холмскій; дьяки: Гусевъ и Курицынъ, и Андрей Палеологъ. О двухъ первыхъ сказано уже выше; два другіе дѣйствуютъ исторически, но немного; послѣдній представленъ совершенно согласно съ извѣстіями о немъ лѣтописцевъ, исключая заушенія, которое относится къ вымысламъ, основывающимся на правдоподобіи.

Состояніе эпохи авторъ изображаетъ частію въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ лицъ, частію въ событіяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ и мѣстностяхъ.

Изъ дѣйствующихъ лицъ всѣхъ замѣчательнѣе въ этомъ описаніи Хабаръ Симскій, юноша съ избыткомъ силъ физическихъ и съ прекрасными душевны-

ми качествами. Онъ предается всѣмъ удовольствіямъ, веселится, проказничаетъ; но когда услугъ его требуетъ отечество, онъ подвизается на пользу его со всею любовію. Не таковы ли дѣйствительно Русскіе? Они безпечны, любятъ удовольствія; но когда необходимость, а тѣмъ болѣе польза отечества, призоветъ ихъ къ дѣлу; тогда они трудятся безъ устали, работаютъ съ полнымъ напряженіемъ моральныхъ и физическихъ силъ. Отдавая впрочемъ справедливость вѣрному отраженію въ Хабарѣ Русскаго характера, нельзя не сказать, что въ немъ мало обнаруживается господствовавшаго тогда образа мыслей. Мы не можемъ указать въ этомъ отношеніи ни на что, кромѣ увѣщанія, которое онъ дѣлаетъ сестрѣ своей, безутѣшно горюющей о несчастіи Антона. «Горько тебѣ? скрѣ-
«пи сердце. Умирай подъ клещами, да молчи: такъ
«всегда дѣлалось въ роду нашемъ; а тебѣ дѣвицѣ и
«подавно непристойно крушиться о женихѣ своемъ,
«который еще и нашего закона не принялъ.»

Въ добавокъ къ сему мы можемъ сказать развѣ одно, что всѣ пріемы и поговорки Хабара напоминаютъ намъ прежніе грубые нравы.

Жизнь Анастасіи, о которой мы уже говорили въ отношеніи къ развитію страсти ея, можетъ служить типомъ тогдашняго дѣвическаго быта. Она сидитъ въ своемъ терему; кромѣ отца и брата, и еще маленькаго крестника, къ ней никто изъ мущинъ не при-

ближается. Ее случайно видѣлъ только Іоаннъ мла-
дой, и усмотрѣлъ въ окошко лекарь Нѣмецъ. Она
состоитъ въ полномъ завѣдываніи своей няни. Кста-
ти здѣсь сказать, что всѣ почти наши романисты
представляютъ намъ дѣвицъ былыхъ временъ съ ня-
нюшками. Очень любопытно было бы взглянуть на
дочекъ прежнихъ вѣковъ подъ крылышкомъ родныхъ
матушекъ. Анастасія такъ стыдится любви своей и
боится обнаружить ее, какъ только можетъ дѣвушка,
возросшая въ рѣшительномъ отчужденіи отъ свѣта и
считавшая за грѣхъ взглянуть на мущину, а тѣмъ
болѣе заговорить съ нимъ.

Намъ встрѣчается еще лице замѣчательное: Аѳа-
насій Никитинъ Тверитянинъ. Это одинъ изъ тѣхъ лю-
дей, которые находили себѣ пріютъ, угощеніе и радуш-
ный пріемъ или за свои разсказы и бесѣды, или за свое
благочестіе и набожность. Это были иноки по строго-
сти жизни, но бѣльцы по непринадлежности къ мона-
стырямъ. Разсказъ Аѳони о восточныхъ странахъ мо-
жетъ быть интересенъ только, какъ отрывокъ изъ пу-
тешествія его. Но гораздо лучше, трогательнѣе очеркъ
характера его, когда авторъ, разсказавши о жестокомъ
заключеніи Аѳони въ оковы за то, что онъ отказался
быть проводникомъ къ Твери, и о неожиданномъ осво-
божденіи этаго страдальца, прибавляетъ: «Кто встрѣ-
«чалъ его, не слыхалъ отъ него жалобы ни на Вели-
«каго Князя, ни на судьбу. Молясь и за Князя и за
«простыхъ людей, а болѣе за сохраненіе роднаго го-

«рода отъ гибели, и славя однаго Господа, онъ «поспѣшилъ въ Москву доканчивать недосказанныя «сказки.» Подъ симъ послѣднимъ словомъ мы разумѣемъ впрочемъ не выдуманные соблазнительные и нелѣпые разсказы, а назидательныя повѣсти, или сказанія о томъ, что видѣлъ, или слышалъ Аѳоня въ чужихъ странахъ. Но какъ ни вѣрно изображаются въ сихъ словахъ набожные странники того вѣка: однако жъ мы позволяемъ себѣ сдѣлать вопросъ: идетъ ли эта роль къ Аѳанасію Никитину? Онъ путешествовалъ на востокъ не изъ благочестія, а по торговымъ дѣламъ. Въ описаніи его путешествія конечно замѣтенъ духъ набожности, но это общая черта Русскихъ того времени.

Въ характерѣ Мамона есть вѣрныя черты старинной національности. При всей злости и безнравственности своей, Мамонъ набоженъ, молится у каждой церкви, вѣритъ колдовству и боится его, ищетъ разрыва-травы и проситъ волшебствомъ привлечь сердце Анастасіи къ сыну его. Это все въ тогдашнемъ духѣ; но не можемъ того же сказать объ ученьи фехтовальному искуству. Нельзя также не замѣтить неестественности битвы подъ Москвою Мамона съ орлами.

Въ романѣ еще приведенъ безыменный представитель господскихъ правъ описываемой эпохи. Антона лекаря проситъ какой-то старикъ выпустить въ его жилы кровь изъ мальчика. Когда Антонъ не со-

гласился на произведеніе операціи, его уговариваютъ, чтобы онъ ничего не опасался, потому-что этотъ мальчикъ—холопъ, и въ случаѣ смерти его объявлено будетъ, что господинъ его *огрѣшился*; а въ Судебникѣ сказано: «Кто господарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, и случится смерть, въ томъ намѣстницы не судятъ и вины не емлютъ.»

Посмотримъ теперь, какъ схвачены авторомъ обычаи, повѣрья и мѣстность. Что такое была тогда Москва? Безобразная груда домишекъ, частію заключенныхъ въ сломанной уже оградѣ. Все это охвачено щетиною лѣса, изъ котораго кое-гдѣ выглядывали низенькія церкви монастырей. Кругомъ Москвы находились села, слободы и пригородки, частію отдѣленные отъ нея, частію же примыкающіе къ ней. «Іоаннъ жилъ еще въ деревянныхъ хоромахъ на «такъ называемомъ *старомъ мѣстѣ* за церковью Бла«говѣщенія, недавно отстроенною. Кромѣ того стоялъ «трухлый дворъ великокняжескій на Ярославскомъ «мѣстѣ за церковью Михаила Архангела, тогда еще «деревянною. Хоромины великокняжескія состояли «изъ нѣсколькихъ клѣтей, носившихъ названіе сѣнни«ка, избы средней, западной, брусяной, постельной, «столовой гридни, повалуши, теремовъ и т. д. Дво«рецъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ крытыми пе«реходами, изъ которыхъ главный примыкалъ къ церк«ви Благовѣщенія. Во дворецъ вели нѣсколько кры«лецъ, изъ которыхъ *Красное* отличалось каменными

«ступенями. Набережныя сѣни выступали впередъ «особою палатою. Окна убраны были снаружи раз-«ными подзорами и загорожены желѣзными рѣшет-«ками; въ рамахъ вставлена была слюда вмѣсто сте-«колъ.

«Хоромины эти стояли на площади; но въ Кремлѣ «были еще четыре улицы, загроможденныя церквами, «похожими на часовни, и домами не лучше нынѣш-«нихъ богатыхъ избъ. Нѣкоторые дома безчинно вы-«ходили изъ рядовъ, и всѣ вообще были такъ близко «построены другъ другу, что большею частію смыка-«лись крышами своими. На красной площади тянулись, «вмѣсто рядовъ, балаганы и навѣсъ надъ пушками. «Каменныхъ домовъ считалося во всей Москвѣ толь-«ко два.

«Въ окрестности города замѣчательными урочи-«щами были Воронцово и Кучково поле. На первомъ «стоялъ теремъ великокняжескій съ садами, бывшій «любимымъ лѣтнимъ жилишемъ Великихъ Князей; «здѣсь они тѣшились соколиною охотою. На Кучко-«вомъ полѣ стояла Срѣтенская церковь, напоминавшая «освобожденіе отъ Татаръ.»

Надобно замѣтить, что этотъ очеркъ Москвы от-носится къ началу царствованія Іоанна. Вотъ какъ описываетъ Карамзинъ сдѣланныя при Іоаннѣ улуч-шенія въ нашей древней столицѣ.

«Прибывъ въ столицу нашу, Аристотель осмо-
«трѣлъ развалины новой Кремлевской церкви (Ус-
пенія, которую едва сложили до сводовъ, какъ она
упала), «хвалилъ гладкость работы, но сказалъ, что
«известь наша не имѣетъ достаточной вязкости, а ка-
«мень не твердъ, и что лучше дѣлать своды изъ пли-
«ты. Онъ ѣздилъ во Владиміръ, видѣлъ тамъ древнюю
«соборную церковь, и дивился въ ней произведенію
«великаго искуства; далъ мѣру кирпича; указалъ,
«какъ надобно обжигать его, какъ разтворять известь;
«нашелъ лучшую глину за Андроньевымъ монасты-
«стыремъ; махиною, неизвѣстною тогдашнимъ Моск-
«витянамъ и называемою *бараномъ*, разрушилъ до
«основанія стѣны Кремлевской церкви, которыя уцѣ-
«лѣли въ ея паденіи; выкопалъ новые рвы и нако-
«нецъ заложилъ великолѣпный храмъ Успенія.» Цер-
ковь эта, построенная въ четыре года, освящена бы-
ла въ 1479 году. «Довольный столь счастливымъ
«опытомъ Аристотелева искуства, Іоаннъ разными
«посольствами старался призывать къ себѣ художни-
«ковъ изъ Италіи; создалъ новую церковь Благовѣ-
«щенія на своемъ дворѣ, и за нею на площади, гдѣ
«стоялъ теремъ, огромную палату, основанную Мар-
«комъ Фрязиномъ въ 1487 году и совершенную имъ
«въ 1491 съ помощію другаго Итальянскаго архи-
«тектора Петра Антонія. Она долженствовала быть
«мѣстомъ торжественныхъ собраній двора, особенно
«въ случаѣ посольствъ иноземныхъ, когда Государь
«хотѣлъ являться въ величіи и блескѣ, слѣдуя обы-

«чаю монарховъ Византійскихъ. Сія палата есть, такъ
«называемая, *Грановитая*, которая въ теченіе трехъ-
«сотъ двадцати лѣтъ сохранила всю цѣлость и кра-
«соту свою: тамъ видимъ и нынѣ тронъ Вѣнценос-
«цевъ Россійскихъ, съ котораго они въ первые дни
«ихъ царствованія изливаютъ милости на вельможъ
«и народъ. Дотолѣ Князья обитали въ деревянныхъ
«зданіяхъ. Іоаннъ (въ 1492 году) велѣлъ разобрать
«ветхій дворецъ и поставить новой на Ярославскомъ
«мѣстѣ за церковью Архангела Михаила; но не дол-
«го жилъ въ ономъ; сильный пожаръ (въ 1493 году)
«обратилъ весь городъ въ пепелъ, такъ-что не оста-
«лось ни однаго цѣлаго зданія, кромѣ новой палаты
«и соборовъ. Государь переѣхалъ въ какой-то боль-
«шой домъ на Яузу, рѣшился соорудить дворецъ ка-
«менный, заложенный въ маѣ 1499 года Медіолан-
«скимъ архитекторомъ Алевизомъ, на старомъ мѣстѣ,
«у Благовѣщенія; глубокіе погреба и ледники служи-
«ли основаніемъ сего великолѣпнаго зданія, совер-
«шеннаго черезъ девять лѣтъ и нынѣ именуемаго
«*дворцемъ теремнымъ*. Между-тѣмъ Іоаннъ жилъ на
«своемъ Кремлевскомъ дворѣ въ деревянныхъ хо-
«ромахъ, а иногда на Воронцовѣ полѣ. Угождая
«Государю, знатные люди также начали строить се-
«бѣ каменные домы: въ лѣтописяхъ упоминается о
«палатахъ митрополита, Василья Ѳедоровича Образца
«и головы Московскаго Дмитрія Владиміровича Хо-
«врина.

«Величественныя Кремлевскія стѣны и башни «равномѣрно воздвигнуты Іоанномъ; ибо древнѣйшія, «сдѣланныя въ княженіе Димитрія Донскаго, разру«шились, и столица наша уже не имѣла каменной «ограды.... Великій Князь приказалъ сломать вокругъ стѣнъ не только всѣ дворы, но и церкви, уставивъ, «чтобы между стѣною и городскимъ строеніемъ было «не менѣе ста девяти саженей. Послѣднимъ дѣломъ «Итальянскаго зодчества при семъ Государѣ было ос«нованіе новаго Архангельскаго Собора, куда пере«несли гробы древнихъ Князей Московскихъ изъ вет«хой церкви св. Михаила.»

Говоря о внутреннихъ украшеніяхъ домовъ романистъ ограничиваетъ ихъ иконами въ кіотахъ, съ подвѣсками, которыя унизывались золотыми дробницами, или Угорскими пѣнязями. Сверхъ того въ одной изъ палатъ великокняжескихъ висѣлъ на стѣнѣ портретъ Софіи Ѳоминишны. Мебели въ хоромахъ В. К. и бояръ состояли изъ дубовыхъ столовъ и скамѣекъ съ суконными полавочниками, съ колодками или подставками для ногъ и подстилками изъ Персидскихъ и другихъ тканей. Въ домѣ Образца находимъ мы сѣдальницу, родъ складныхъ креселъ мастерства какаго-то Фряза и мѣдный рукомойникъ, подарокъ Аристотеля, повѣшенный надъ лоханью. Изъ этаго рукомойника бѣжала ключемъ вода, когда трогали снизу прутикъ.

Дѣйствительно въ лѣтописи Львова говорится, как о необыкновенной вещи, о какомъ-то сосудѣ, бывшемъ у Аристотеля. «И блюдо у него мѣдяно на «четырехъ яблокахъ; судно же на немъ яко умываль- «ница, яко же оловяничнымъ дѣломъ; и началъ лить «изъ него изъ однаго на блюдо воду и вино и медъ, «и что хотяше, то и потечетъ.»

Авторъ представляетъ, будто бы «Аристотель по- «дарилъ Анастасіи кусочикъ зеркала; да какъ жиль- «цы каменныхъ палатъ посмотрѣлись въ него, и на- «ше мѣсто свято! оборотили въ стекло свои лики, да «какъ увидѣли, что нечистый отводитъ глаза и шу- «титъ надъ ними, такъ закинули волшебное стеклыш- «ко въ поганое болото.»

Мы согласны, что зеркала были тогда рѣдко- стію въ Россіи; но едва ли отраженіе предметовъ на гладкой поверхности считалось дѣйствіемъ лукаваго Вода, полированная сталь и серебро дѣлали тако явленіе общеизвѣстнымъ. Въ лѣтописцахъ и въ свя шенномъ писаніи мы не только встрѣчаемъ слово «зеркало,» но и находимъ описаніе дѣйствій и свойствъ этой вещи.

Одна изъ комнатъ воеводы Образца украшена жо лѣзными шишаками, *колонтарями* (латами), *кончарами* (оружіемъ не много поменѣе меча и поболѣе кинжа ла), *палицами*, *сулицами* (метальными копьями), ш

стоперами, служившими знакомъ воеводства, какъ нынѣ фельдмаршальскій жезлъ.

Нельзя не поблагодарить автора за исчисленіе и объясненіе мало извѣстныхъ у насъ древностей, которыя встрѣчаются въ арсеналахъ, но не были введены описаніями въ свой бытъ, давно для насъ исчезнувшій.

Равнымъ образомъ для тѣхъ, которые не имѣли случая изучать древностей, должно быть любопытно объясненіе *постригa*, или нашего посвященія въ рыцари, и обряда *судебнаго поединка*. Что касается до разсказа о Великокняжескомъ поѣздѣ, хотя *дышло* дѣйствительно у нашихъ предковъ было вещію проклятою; однако жъ изъ сего нельзя заключить, что «лошади запрягались въ одни гужи:» оглобли у насъ давно были извѣстны. «*Въ оглоблехъ* впряжены четыре санники вороны,» говоритъ лѣтопись Ростовская о поѣздѣ Василія Ивановича въ Москву изъ Волока-Ламскаго.

Между обрядами тогдашняго времени г. Лажечниковъ описываетъ пріемъ посла, во многомъ совершенно согласно съ описаніемъ, которое мы находимъ у Герберштейна. Что же касается до встрѣчи въ Москвѣ лекаря, которому при самомъ пріѣздѣ принесли отъ Великаго Князя хлѣбъ-соль, множество яствъ и питій и привели богатоубраннаго коня; то здѣсь мы

находимъ замѣченное уже нами преувеличенное чествованіе такаго незначительнаго иноземца, какъ Антонъ лекарь. Описываемыя почести воздавались посламъ.

Посмотримъ, какъ изображенъ романистомъ тогдашній народъ.

Приглашенные въ Россію иноземцы, въ числѣ коихъ находились и Жиды, въѣзжаютъ въ село Дорогомилово. «Мальчишки, игравшіе на улицѣ въ снѣжки, встрѣтили путешественниковъ восклицаніями: «Иные кричали: Жиды собаки! Христа распяли! Другіе: Татаре бояре! бояре Татаре!» Авторъ въ примѣчаніи говоритъ касательно послѣдняго восклицанія, что и донынѣ въ Тверской губ. встрѣчаютъ имянитыхъ проѣзжихъ господъ. Слѣдовательно это привѣтствіе или лучше, насмѣшка, относится къ нашимъ господамъ, а не къ иноземцамъ. Много есть другихъ народныхъ поговорокъ въ порицаніе Нѣмцевъ.

Мальчишки, не ограничась криками, начали бросать въ пріѣзжихъ комьями снѣга. «Потомъ высыпали изъ домовъ разноцвѣтныя всклоченныя бороды, «бараньи шапки, лапти, овчинные въ заплатахъ «тулупы, рогатыя кички, и все это съ лицами очень «неблагопріятными для иноземцевъ.» Но тутъ же видны были красавицы и статные молодцы. Они, идя смотрѣть казнь Лукомскаго, кричатъ иноземцамъ

«Поспѣшайте, окаянные басурманы! Насилу-то «владыки образумились жарить васъ..... Поспѣ- «шайте — и вамъ мѣсто будетъ.

«Исполать Господину нашему Ивану Васильеви- «чу: якшается нынѣ на свою голову съ Жидами, да «съ басурманами.

«Валитъ домы пресвятой Богородицы, а на «мѣсто ихъ ставитъ палаты и терема боярскіе, да «псарскіе, да сады садитъ..... Бѣда земская да и «только!

«Ино мѣсто свято, гдѣ былъ домъ Божій, и «по сю пору не огороженс; собаки, прости Господи, «бѣгаютъ по немъ.....»

Въ доказательство, какъ справедливо изображаетъ авторъ толки народные, приводимъ слова архіепископа Новгор. Геннадія, который, въ письмѣ къ митрополиту Зосимѣ, говоритъ: «А что дворы отодвинуты «отъ города, ино то и въ лѣпоту; а церкви бы стоя- «ли вокругъ города: еще бы честь граду большая «была..... Гдѣ престолъ стоялъ, да и жертвенникъ, «а и нынѣ тѣ мѣста не огорожены: ино и собаки на «тѣ мѣста ходятъ и всякій скотъ.» См. Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 287.

Казнь Лукомскаго совершалась на Москвѣ-рѣкѣ. «Москворѣцкій мостъ, въ виду котораго происходило

«ужасное зрѣлище, кряхтѣлъ подъ народомъ; перила, «унизанныя имъ, ломились отъ тяжести напора. На«прасно старики и размѣ:ные люди остерегали смѣль«чаковъ; слышались только отважные крики Русска«го фатализма: двухъ смертей не бывать, одной не «миновать. И въ слѣдъ за тѣмъ перила затрещали и «унесли съ собою десятки людей на ледъ Москвы«рѣки. Многіе зашиблись до смерти.»

При тогдашнемъ неустройствѣ полиціи могли быть и не такія происшествія. Замѣчаніе г. Лажечникова о равнодушіи, слѣпотѣ при явной опасности, напоминаетъ намъ разсказъ Шлёцера. Онъ говоритъ, что когда Нева расходится, то надобно оградить стражею всѣ сходы на набережной, чтобы не пускался народъ по льду на явную смерть.

По изъясненію романиста и, кажется, весьма справедливому, народъ не любилъ Нѣмцевъ, гнушался ими, считалъ ихъ кудесниками. Послѣ этаго не странно ли встрѣтить чувство привязанности и уваженія къ Аристотелю, до того дошедшее, что, когда онъ везъ отлитую имъ пушку на Кучково поле для пробы, народъ цаловалъ даже ноги художника? Такую привязанность и такіе знаки преданности можетъ народъ оказывать только вѣнчаннымъ Владыкамъ. Но отливщій огромную пушку могъ быть въ глазахъ тогдашнихъ Русскихъ не выше нынѣшняго строителя желѣзной дороги. Авторъ говоритъ, что Аристо-

тель выигрывалъ въ глазахъ народа тѣмъ, что былъ строителемъ храма; но вмѣстѣ тутъ же представляетъ Аристотеля, еще не приступающимъ къ строенію Успенскаго Собора.

Въ отношеніи къ повѣрьямъ романистъ называетъ тогдашнюю Русь страною чарованія. Народъ вездѣ видѣлъ дѣйствіе духовъ, наваждѣніе дьявольское и силу волшебную; ограждалъ себя отъ нечистаго и отъ чаръ внѣшними знаками Богопочитанія. Намъ кажется, что при этомъ недостаточно развитъ духъ набожности тогдашнихъ Русскихъ. Раскройте лѣтописи — и вы тамъ увидите, какъ люди смотрѣли тогда на церковные обряды и на внѣшнія дѣла благочестія, ища въ нихъ однихъ не только спасенія душевнаго, но и избавленія отъ бѣдствій; какимъ преступленіемъ считалось малѣйшее измѣненіе церковнаго установленія! Авторомъ не изображенъ также страхъ, который наводили тогда на людей затмѣніе солнца и луны и ожиданіе преставленія свѣта при скончаніи седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. «Сія несчастная «мысль,» говоритъ Карамзинъ, «владычествуя въ «умахъ, вселяла въ людей равнодушіе къ славѣ и «благу отечества..... Затмѣнія, мнимыя чудеса ужасали простолюдиновъ болѣе, нежели когда нибудь.»

Можетъ быть, читатели наши удивятся, зачѣмъ, разбирая романъ, такъ исключительно занялись мы исторіею? зачѣмъ, безостановочно слѣдуя за исторіи-

ческими показаніями автора, мы стараемся то подтверждать ихъ, то оспаривать свидѣтельствомъ лѣтописцевъ и другихъ отечественныхъ бытописателей? Это происходитъ отъ нашихъ большихъ надеждъ на совершенствованіе литературы, когда въ ней историческіе элементы будутъ обработываемы отчетисто, подробно и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно. Критика другими своими требованіями не приноситъ никакой пользы искуству — и авторъ умно дѣлаетъ, когда на нихъ не отвѣчаетъ. Говорить писателю объ его языкѣ значитъ принимать его за школьника. Представлять въ видѣ невѣжества *умышленныя* отличительности его фразъ, конструкціи, эпитетовъ, даже орографіи—ни сколько не остроумно и, можно сказать, недобросовѣстно. Нападать на его слогъ, на его колоритъ и другія особенности, въ которыхъ обыкновенно отражается самобытная дѣятельность духа — несообразно съ первымъ условіемъ искуства, требующаго неподдѣльной жизни. Что касается до сцѣпленія разныхъ частей повѣсти, движенія событій, эпизодовъ и прочихъ принадлежностей, которыми наслаждается одно любопытство, ихъ можетъ довести до совершенства самый обыкновенной умъ, неприкоснувшись къ тому, что такъ высоко цѣнится въ созданіи художественномъ.

Одни требованія, съ исторической стороны выводимыя, справедливы и поучительны. Они касаются такихъ сторонъ сочиненія, которыя авторъ никогда

не откажется совершенствовать и въ которыхъ могутъ сходиться всѣ вкусы. Никто не можетъ здѣсь оправдываться своею индивидуальностію; потому-что дѣло идетъ о жизни постороннихъ существъ. Г. Лажечниковъ новымъ сочиненіемъ своимъ еще разъ доказалъ, какъ онъ ясно понимаетъ существенныя достоинства историческаго романа. Избравши эпоху и лица, обозначенныя въ исторіи только главными чертами, онъ предался изученію ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Едва ли остался какой-нибудь источникъ, изъ котораго бы онъ не почерпнулъ матеріаловъ. Лѣтописи, сказанія, пѣсни, пословицы, повѣрья, преданія, древности—все употреблено имъ въ пользу его сочиненія. Такимъ образомъ романъ его, между сочиненіями Русскими того же разряду, представляетъ что-то *странное*, несходственное съ тѣмъ, къ чему уже мы почти привыкли. Онъ пронизнутъ стихіями такой жизни, которая намъ совсѣмъ незнакома—и мы по новости ея сомнѣваемся въ подлинности явленій. Это всегда случается при переходѣ отъ безцвѣтныхъ сочиненій къ яркимъ и блестящимъ жизнію. Если къ богатству красокъ историческихъ, топографическихъ и археографическихъ прибавить счастливый талантъ автора всѣ лица и дѣйствія выводитъ передъ читателя драматически; тогда легко будетъ понять, отъ чего романъ г. Лажечникова встрѣтилъ столько неблагосклонныхъ отзывовъ. Это колонія изъ темной старины, возникнувшая посреди насъ со всѣми своими понятіями, пред-

разсудками, пріемами, костюмами, и въ тоже время *только на языкѣ* и существующая между нами.

Вооружившись на трудный подвигъ драгоцѣнными пособіями науки и оригинальнымъ своимъ талантомъ, г. Лажечниковъ (будемъ безпристрастны и чистосердечны)! еще не все исполнилъ, чего можетъ требовать критика отъ подобнаго предпріятія. Мы уже указали нѣсколько невѣрностей и даже несообразностей, въ историческомъ отношеніи. Конечно, смотря съ этой точки, и болѣе еще можно найти въ немъ подобныхъ недостатковъ. Но онъ въ-правѣ сказать, что пролагая дорогу, не легко итти безошибочно. По крайней мѣрѣ онъ внесъ въ литературу великую дань труда благороднаго и обѣщающаго прекрасные плоды. Мы желаемъ только, чтобы онъ, обработывая драматическія картины, болѣе соразмѣрялъ душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ съ характеромъ ихъ жизни, нежели своего таланта. Въ сочиненіяхъ обьективныхъ все должно являться безъ личнаго участія автора.

Дм. Пр — — —

ПОВѢСТИ.

ЦѢЛАЙ ДОБРО, И ТЕБѢ БУДЕТЪ ДОБРО.

Никто не забудетъ голоднаго (1833 г.) года, что Богъ послалъ намъ за грѣхи наши. И какъ забыть такую бѣду, какой и дѣды наши не терпѣли, да не дай Богъ и внукамъ, да и всему роду и слышать про такую лихую годину! А разсудимъ еще и такъ: за грѣхи наши постигла насъ кара Божія? Эге! Такъ и тутъ же видимъ, что нашъ Отецъ, Царь небесный, не до конца гнѣвается на насъ, а все ожидаетъ, чтобы мы очувствовалися, покаялись и обратилися къ святому Его закону и творили волю Его. Какую? Можетъ, очень тяжкую для насъ? Можетъ, повелѣваетъ, чтобы мы своею собственною силою горы съ мѣста

на мѣсто перетягивали? Можетъ, велитъ горстями море выливать? Но знаю! (не думаю!) Только и есть Его повелѣніе: люби Его какъ Создателя своего, и помни, что отъ Него все имѣешь: и свѣтъ, и хлѣбъ, и имущество, и семью и все, все, и что добротѣ и милосердію Его мѣры нѣтъ; да люби всякаго человѣка какъ истиннаго своего брата и сына Божіяго, потому-что Онъ, Господь нашъ, повелѣлъ въ молитвѣ именовать Себя Отцомъ, какъ всякій день читаете: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ:» такъ мы уже Ему такъ любезны, какъ дѣти отцу; потому-то и надобно, чтобы и мы любили одинъ-однаго какъ брата, въ нуждѣ помогали, одинъ отъ другаго отвращали бѣду, и когда до чего придется, другъ за друга страдали и бѣды терпѣли. Вотъ тогда-то мы угодимъ Богу и царство отъ Него получимъ. Такъ не для того ли Онъ намъ и посылаетъ бѣды, чтобы мы на дѣлѣ учились добро творить? Пожалуй, на словахъ мы всѣ бойки, все дѣлаемъ хорошо; иной говоритъ: «я сякой, я такой, я милостивъ, я нищимъ подаю, я бѣдныхъ обдѣляю...» Приди же къ нему въ нуждѣ, проси голодный сухаря, неимущій одежды... ей! и сухаря не дастъ и за руку выведетъ съ хаты, когда еще и по затылку не стукнетъ. Вотъ тѣмъ-то бѣда учитъ познавать людей и отъ добраго перенимать доброе. Чрезъ бѣду знаемъ, кто каковъ, и по его дѣламъ таковымъ его и почитаемъ. Видѣлъ ли кто отъ-роду, чтобъ на хорошей яблонѣ да родилися рѣпки? Такъ и тутъ: чтобы о человѣкѣ, дѣлающемъ доброе, шла

недобрая слава? Съ начала бы и ничего: съ начала зашипятъ какъ змѣи, далѣе загудятъ какъ злые шершни, потомъ залаютъ какъ собаки и бросятся, чтобъ совсѣмъ человѣка съѣсть... такъ же Господь милосердый не доведетъ до того! Не доведетъ, защититъ и передъ всѣми явитъ такаго, кто, не бояся пересудовъ, не смотря ни на что и ни на кого, дѣлалъ добро для своего брата, любя и исполняя законъ Отца нашего небеснаго! Тогда надъ такимъ и сбудется: «дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро,» и хотя и не на этомъ свѣтѣ—что здѣсь есть вѣчное? такъ ужъ на вѣрно тамъ, тамъ, въ царствѣ святомъ, гдѣ будетъ такъ хорошо, такъ хорошо, что и святые не могли изъяснить, а только написали намъ, что ни око не видѣло, ни ухо не слышало, и вообразить такъ не можно, какъ хорошо и прекрасно будетъ тѣмъ, кои любили Бога милосердаго, и любя каждаго человѣка и помогая бѣднымъ въ нуждѣ, исполняли тѣмъ святой Его законъ.

А послушаемъ, какъ въ злую годину управлялся Тихонъ Брусъ, и что онъ дѣлалъ, и что заслужилъ здѣсь. Можетъ, очень трудно и тяжко ему было, что, можетъ, иной и не стерпитъ? Или что-нибудь дѣлалъ такое трудное, что другой и не съумѣетъ? Послушаемъ.

Разстаяли снѣга, прошла половодь, сбѣжали рѣки, а еще земля и неоттаяла совсѣмъ. Люди, кто

понималъ, молчатъ да примѣчаютъ; иные говорятъ: «нужды нѣтъ; земля отъ солнца разомъ оттаетъ; тогда пойдутъ дожди и все будетъ хорошо.» А Тихонъ Брусъ послушаетъ, что люди говорятъ, покачаетъ головою, да отойдетъ и скажетъ: «не знаю, какъ будетъ, а будетъ такъ, какъ Господь милосердый повелитъ.»

Тихонъ Брусъ былъ старъ человѣкъ, разумный на все то село, гдѣ жилъ, да разумъ имѣлъ про себя, не очень съ нимъ выхватывался. Нужно было его крѣпко просить, чтобъ далъ какой совѣтъ; когда же было что скажетъ, то уже оно такъ и есть, такъ и будетъ. Когда видитъ, что у инаго отца сыновья, поднялись ли на ноги или нѣтъ, а уже скорѣй отъ отца со двора, на свое хозяйство; то Брусъ и говоритъ: «не будетъ, дѣти, съ такихъ хозяевъ добра! переведутся ни на се, ни на то; однимъ воломъ не много сработаешь, и развѣ цѣлину одною парою пашутъ? Ну, ну! такъ и въ хозяйствѣ: чѣмъ больше рукъ, то скорѣе и дѣло поспѣетъ; а однѣми руками не много сработаешь.» Смотри, какъ разъ такъ и есть: былъ у новаго хозяина свой плугъ, а то уже спрягается съ другими, а далѣе — далѣе уже и пѣшій; была своя хата, а то уже пошелъ въ сосѣди, въ чужую избу и свелся ни на что...

Когда было Тихонъ видитъ, что съ какой семьи жена какъ на улицѣ, да на улицѣ, все съ женщина-

ми, да съ проходящими лепечетъ; а дочки, бросивъ невыполотые огороды и немазаныя хаты, да бѣгаютъ, то на улицу, то на вечерницы, то онъ махнетъ рукою, да и скажетъ: «заростутъ же и онѣ не доброю славою, осыплется и все ихъ хозяйство какъ и обмазка отъ хаты.» Смотри, такъ какъ разъ идетъ: и имущество, и добрая слава, все пошло за вѣтромъ!

Когда было увидитъ, что человѣкъ безъ бутылки идетъ въ шинокъ (это уже извѣстно, что не въ домѣ съ компаніею, да съ добрыми людьми, а самъ себѣ въ шинку будетъ пить), то Тихонъ и скажетъ: «туда бездѣльнику и дорога! Вотъ увидите, что вотъ это самъ ходитъ, а послѣ и все свое имущество переноситъ.» То такъ и будетъ: разопьется, попропиваетъ все, подъ плетнями валяется, а жена съ дѣточками пошла по-подъ окнами милостыню выпрашивать.

Вотъ такой-то былъ Тихонъ Брусъ. И теперь онъ все тужитъ, все сидитъ и думаетъ; то пойдетъ осматривать свой хлѣбъ на гумнѣ и въ амбарѣ въ закромахъ да въ кадкахъ. Осмотрѣвши у себя, пойдетъ и по улицѣ, заглядываетъ на гумна, гдѣ есть зажиточные хозяева, да идя къ дому, все что-то по пальцамъ считаетъ...

Какъ вотъ: рано съ весны стало солнышко припекать, какъ будто о Преполовеніи, а еще только чет-

вертая недѣля поста. Какая была мерзлая земля, тотчасъ вся разстаяла, да все же утромъ туманомъ, днемъ солнцемъ, а ввечеру морозцемъ вытянуло съ нея всю сырость, всю влагу; вотъ мигомъ высохла вся земля до того, что пыль съ нея идетъ.

Вербу взяли, Святую-недѣлю отгуляли... а дождику никто и капельки не видалъ. Не что дѣлать! не склавши же руки сидѣть?... хозяйки вскопали огороды, хозяева обсѣялися яровымъ... а дождя нѣтъ!

Только и слышно между людьми, какъ сойдутся къ ратушѣ или къ шинку бесѣдовать: «не даетъ намъ Богъ дождя! прогнѣвали Господа милосердаго!... Это бѣда намъ будетъ!...» Каждый Божій день идетъ обѣдня: то священникъ и велитъ всѣмъ припасть на колѣна, читаетъ молитвы, а самъ плачетъ... Гдѣ были колодези, и на прудѣ, вездѣ воду святили... уже и Преполовеніе, а дождя нѣтъ какъ нѣтъ.

Оповѣстилъ батюшка-священникъ, чтобъ вотъ въ воскресеніе, такъ чтобъ всѣ, сколько есть въ селѣ людей, чтобъ и старое и малое, чтобъ всѣ собрались въ церковь. «Отслуживши, говоритъ, Божію службу, пойдемъ, сколько насъ есть, въ поле; стараго и немощнаго ведите, малыхъ дѣтей несите, чтобъ всѣ шли; пойдемъ вездѣ по полю, будемъ воду святить, будемъ нивы окроплять, будемъ молиться, чтобъ насъ помиловалъ Отецъ нашъ милосердый, Господь праведный!»

Такъ и сдѣлали. Что же собралося народа, такъ Господи Твоя воля! Уже точно, что никого по хатамъ не осталося. Дѣтвора, которое бѣжитъ, котораго на рукахъ несутъ, престарѣлыхъ и болящихъ подъ руки ведутъ... всѣ, всѣ пошли со св. Крестомъ въ поле... А въ полѣ же что?... Господи милостивый!... Ужасъ! Куда ни глянь, вездѣ черно! Озимое въ осень отъ засухи не всходило; когда же какое и взошло щотомъ на нивѣ, такъ и то засохло и подъ ногами хруститъ. Видно, уже ясно видно было, что когда не помилуетъ Господь милосердый, то не будетъ съ него пути! А о яровомъ и не спрашивай!...

Освятили воду, помолебствовали... и что-то: весь народъ палъ на колѣна... батюшка за слезами и молитву чрезъ великую силу можетъ читать... кто, припавши къ землѣ, даже всхлипываетъ... а малыя дѣти, извѣстно, тѣ еще ничего не знаютъ, глядя на старыхъ, давай себѣ плакать въ голосъ!...

Окропивши вездѣ по полямъ, воротилися домой... какъ вотъ стали облака собираться... все больше, гуще... потомъ и чорныя тучи появилися: такъ совсѣмъ, какъ на дождь и громъ... Народъ обрадовался и всякъ говоритъ: «вотъ Богъ милосердый смилуется надъ нами, пошлетъ дождикъ, такъ и не пропадемъ...» Вотъ тучи все находятъ, все находятъ... какъ тутъ вновь поднялся бурей (бурный вѣтеръ) отъ всхода солнца, самый сухой вѣтеръ, что никогда не навѣетъ

дождя, и какой и соберется, то онъ его и разгонитъ. Этотъ-то вѣтеръ вѣялъ и съ осени, вѣетъ и съ самой весны, и теперъ, какъ подулъ, такъ гдѣ и тучи дѣвалися, и опять прояснилося, и солнышко стало жарить предъ Вознесеніемъ, какъ посреди лѣта о Прокопіевомъ днѣ (8 Іюля).

Тихонъ же, еще заблаговременно, то и дѣло, что съ своими сыновьями молотитъ хлѣбъ, который былъ у него на гумнѣ, онъ же былъ себѣ крѣпко богатъ. Послѣ, какъ далѣе-далѣе видимо, что совсѣмъ бѣда, онъ, какъ собралась сходка на совѣтъ, что имъ дѣлать, какъ не дай Богъ что и вовсе хлѣба не будетъ, такъ онъ тутъ и отозвался: «а что, панъ голова, и вы, панове громада! не знаю, какъ вы, а я бы себѣ такъ думалъ: вотъ тотъ хлѣбъ, что съ магазейна добрые люди разобрали, не нужно ли бы его пополнить?»—Вотъ это такъ!—загудѣла громада: когда человѣку бѣда, такъ тутъ съ него послѣднюю кожу дери. Хотя и есть у кого хлѣбецъ, такъ и послѣдній отдать? Вотъ такъ ты выдумай! чѣмъ отдавать хлѣбъ въ магазейнъ, такъ онъ и себѣ пригодится.

«Послушайте же меня, люди добрые! говорилъ Брусъ, я не долженъ въ магазейнъ ничего, и за себя и сыновей своихъ взношу заблаговременно; а примѣромъ сказать, какъ бы съ меня слѣдовало донять четверть хлѣба, то уже извѣстно, что тою четвертью я

недолго пропитаюсь, а какъ ее взнесу, и всякъ то, что долженъ, взнесетъ, такъ вотъ и соберется его не мало и добрымъ людямъ его надолго станетъ, лишь бы по порядку обдѣлять...»

— Да не можно сему статься—стали крѣпче покрикивать такіе, что болѣе прочихъ должны были въ магазейнъ хлѣба: отдамъ свое, да пойду къ сборщикамъ кланяться, да изъ-за своего добра просить; да еще, дадутъ ли или нѣтъ, кто его знаетъ?—и все прочее шумѣла громада, и заговорили всѣ, ничего и не разберешь.

Слыша это, старый Брусъ махнулъ рукою, отошелъ себѣ отъ нихъ, сѣлъ на прызбѣ подлѣ волостнаго правленія, наклонилъ голову, и все что-то по песку палочкою ковыряетъ.

Совѣтовалися люди, совѣтовалися долгонько все объ одномъ: что имъ въ такой бѣдѣ дѣлать? Совѣтуются и ума не приберутъ. Безъ хлѣба жить неможно, а хлѣба нѣтъ; живымъ въ могилу ложиться нехочется, а не придумаютъ ничего, что дѣлать, чтобъ пропитаться. Далѣе—нечего дѣлать!—опять къ Тихону. «Ну же, дядюшка!—говорятъ ему: скажи, что намъ дѣлать, чѣмъ бѣду отвести?»

— Что я знаю? говоритъ онъ: молитесь Богу! Когда Отецъ небесный не умилосердится надъ нами,

то что мы можемъ сдѣлать? Безъ Его святой воли и маленькая комашечка ни народится, ни умретъ, а и того больше человѣкъ, что, какъ читаютъ въ церкви Божіе Слово «и волосъ твой не падетъ безъ Его велѣнія.» Такъ что тутъ и дѣлать больше, какъ только молиться.

«И молилися и молимся, какъ, самъ здоровъ, Степановичь, знаешь; такъ Господь на насъ прогнѣвался и не посылаетъ намъ милости Своей.»

— Тѣмъ-то и горе, что и Самъ милосердый Господь, милосердію Котораго и мѣры нѣтъ, такъ и Тотъ не смиловался надъ нашими и также надъ дѣтскими слезами. Вѣдь вы же слышали, какъ батюшка-священникъ намъ разсказывалъ, какъ въ старовину Господь прогнѣвался на людей въ одномъ городѣ, что отступилися отъ Создателя, Царя своего, да начали пьянствовать, бездѣльничать, воровать, промежъ себя убійство и всякія скверныя дѣла дѣлать, и объявилъ имъ, что на всѣхъ васъ, говоритъ, пошлю огонь съ неба и пожгу всѣхъ; когда же обрѣтется между вами одна праведная душа, такъ черезъ такаго только всѣхъ васъ помилую. Какъ же не нашлося между ними ни однаго праведнаго, то они всѣ и погибли на вѣки вѣчные. Такъ и у насъ теперь нѣтъ у насъ ни одной праведной души, чью бы молитву Богъ услышалъ и насъ помиловалъ. За грѣхи наши насъ Господь и наказываетъ. Хорошо ли мы

передъ нимъ живемъ? Ходимъ ли въ праздники въ церковь? Скорѣе куда на бесѣду, или у шинокъ, а не въ домъ Божій. Когда же и прійдемъ, то молимся ли, какъ должно христіанамъ? Рукою мотаемъ, а мыслію вездѣ летаемъ. Помогаемъ ли кому въ нуждѣ? Скорѣе послѣднюю рубашку съ человѣка, да хоть бы онъ и пріятель, сдеремъ, а своего и лоскутка не уступимъ. За грѣхи наши послалъ было Богъ холеру, такъ тогда немного и очувствовалися. Какъ же минула бѣда, такъ и не говорятъ, что то была бѣда отъ Бога за грѣхи наши, и что Онъ насъ помиловалъ только по милосердію Своему, а выдумываютъ, будто то Турки колодези отравили, будто Нѣмцы лѣкарей подкупили, чтобы весь народъ выморить. За грѣхи и теперь терпимъ; плачемъ же и говоримъ: «умилосердися, Господи, и помилуй насъ грѣшныхъ!»

— Такъ вотъ это такъ руки сложить, да могилы выкопавши, такъ и ожидать голодной смерти?— сказала громада.

«Нѣтъ, панове громада! говоритъ Тихопъ: по моимъ мыслямъ не такъ. Слышите, что въ церкви читаютъ; не пожалѣй ничего для своего брата: а братъ нашъ всякъ человѣкъ, хотя съ нашего села, хотя съ другаго, хотя изъ города, хотя Нѣмецъ, хотя Турокъ, все Божіе созданіе. А что наипріятнѣе Богу, когда за кого, не только что имѣнія лишишь-

ся, но и душу положишь? Вотъ теперь пришла такая година, чѣмъ можемъ умилосердить Господа, Отца нашего, за наши грѣхи и отвести бѣду отъ себя и отъ всѣхъ. Вотъ что сдѣлаемъ: сколько у кого есть хлѣба, взнесемъ весь до зерна и до пылинки вмѣсто; приставимъ стариковъ, чтобъ они его сохраняли, и каждую недѣлю или мѣсяца чтобъ давали на каждую семью, по чемъ тамъ придется на душу, только чтобъ пропитаться, а не лишнее; какъ я смотрю, тамъ у насъ кое у кого, слава Тебѣ Господи! столько хлѣба будетъ, что собравши вмѣсто, да съ порядкомъ, можно будетъ пропитаться до новаго. Кому надобно на сѣмена, чтобъ осенью посѣять, попросимъ, чтобъ съ магазейна отпустили, да и то только бѣднѣйшимъ, а побогачше и на сторонѣ себѣ достанетъ. А вы, панъ голова, перепишите, у кого сколько хлѣба возмется; а какъ уродитъ Богъ новый, тогда расчитаете, по скольку придется съ души, то сберемъ вмѣсто и отдадимъ каждому. Послушайте меня, сдѣлаемъ такъ: вотъ прежде всѣхъ отдаю все, что есть въ закромахъ, и что только найдется у меня, все изнесу, только изберите кому отдать.»

— Послушать его? завопили, которые побогаче; это, чтобъ свое отдать ни за се, ни за то, а послѣ и отхаживай свое доброе? Сказано: отдай руками, да не выходишь и ногами... не надобно ничего... сами себя пропитаемъ...

«Але! пропитаемъ! опять таки говоритъ Тихонъ: благодарите Богу милосердому, у кого есть чѣмъ пропитаться; да въ такую годину оглянитесь и на неимущихъ, откуда они возьмутъ? чѣмъ пропитаютъ маленькихъ дѣточекъ, да старыхъ и немощныхъ родителей?... Эй, люди добрые! не забывайте, что вы есть христіане православные! Думайте, какъ лучше. Будьте милосерды, чтобъ и Господь былъ къ вамъ милосердъ!»

— Не будетъ сего!... теперь всякому до себя... загудѣла громада и начали расходиться. А Тихонъ остался тамъ таки на прызбѣ, наклонилъ голову, тяжко вздыхаетъ и все палочкою ковыряетъ землю.

Вотъ, немного погодя, воротилися къ Брусу кое-кто и сѣли подлѣ него. Вотъ одинъ изъ нихъ и говоритъ: «а что, Степановичь! какъ мы посовѣтовались между собою, такъ вотъ что сдѣлаемъ: вотъ насъ здѣсь семь хозяиновъ; сложимся, у кого есть сколько денегъ, чтобъ можно было купить по малой мѣрѣ ста три четвертей хмѣба. Давай намъ порядокъ: купимъ и ссыплемъ; а какъ нужда людямъ придетъ, вотъ мы и станемъ продавать, смотря на цѣну, какая по сторонамъ будетъ, да наложимъ еще лишняго по полтинѣ или и по рублю, то ей! разберутъ чисто весь, потому-что бѣда всякому придетъ, не пожалѣетъ рубля, лишь бы не ѣздить далеко. А мы, какъ выручимъ свое истое, да и бросимся, купимъ въ Рос-

сіи подешевлѣ, да опять съ барышемъ будемъ продавать. Вотъ такъ-то и зашибемъ славную копѣйку...»

Тихонъ какъ вскочилъ съ мѣста, и начавъ креститься, говоритъ: «Господи милостивый! не доведи меня до смертельнаго грѣха, чтобы я кровь христіанскую сталъ пить какъ воду! Благодарю Бога милосердаго, я не Жидъ и не Татаринъ, чтобы мнѣ отъ людской бѣды корысть получать! Нѣтъ, люди добрые! когда хотите законъ Божій исполнять, дѣлайте добро братьямъ своимъ, не думая объ анаѳемскомъ барышѣ. Въ этомъ дѣлѣ Господь подаетъ заработокъ въ царствіи Своемъ; такъ и не надо думать, что какъ бы намъ лучше; а только то, что какъ тому помогти, кто въ нуждѣ.»

— Какъ такъ дѣлать, то деньги истратимъ, и не только прибыли не будетъ, да и истое потеряемъ. Какъ себѣ, Степановичь Тихонъ, хочешь, а мы свое дѣло будемъ дѣлать, какъ знаемъ. Сказали эти люди и разошлися.

Долгонько еще сидѣлъ нашъ Тихонъ подлѣ ратуши и что-то все думалъ; потомъ всталъ, тяжко отъ сердца вздохнулъ и пошелъ себѣ тихимъ шагомъ домой.

«А ну, старая, такъ говорилъ онъ женѣ своей, пришедши домой: какую тебѣ и дочкамъ нужно одёжу, самую не важную, то себѣ отбери и берегите

какъ глаза, чтобъ на годъ и больше стало, потому-что не буду вамъ ничего новаго дѣлать, даже пока насъ Господь не помилуетъ; а лишнее все подай.»

— А тебѣ на что? спрашивала жена.

«Але! я то уже знаю на что. Отбирай же скорѣе, да и подавай сюда.»

— Чтожъ тамъ отбирать? Это бы то и плахты, и юбки, и намиста, и мои очипки?

«А тожъ! Все, до чего теперь дѣла нѣтъ, все подай мнѣ.»

— Да что ты это выдумалъ? А съ чѣмъ же я, или дочери, на праздникъ выйдемъ въ люди?

«Прошли наши праздники и гулянья! Теперь будемъ думать, какъ пропитаться, да и людямъ помочь дать... да полно долго болтать: когда не хочешь вынимать, такъ подай ключь отъ сундука...»

Еще Тихонъ и недоговорилъ, а уже Стеха, его жена, и рванула ключь отъ пояса и кинула ему подъ ноги, а сама и выбѣжала къ дочерямъ, чтобъ имъ пожаловаться; потому-что знала натуру своего стараго, что когда что надумалъ, то хоть спорь, хоть бранись, а уже онъ отъ своего не отступится; и ужс

не будетъ много говорить и настаивать, а молча сдѣлаетъ, какъ хотѣлъ.

Поднялъ Тихонъ, не говоря ни слова, ключъ, отомкнулъ сундукъ и все-таки молча сталъ разбирать. Что имъ откладываетъ, что особо отбираетъ, а какъ кончилъ совсѣмъ, поднялъ свое, да идучи у комнату, говоритъ женѣ и дочкамъ: «сложите же хорошенько, что вамъ осталось.»

А Стеха съ дочками, вышедши въ сѣни, на взрыдъ плачутъ, и какъ будто—сохрани Богъ! по мертвомъ голосятъ; а Тихонъ ихъ и не уважаетъ. Какъ же пошелъ онъ въ комнату, они бросилися смотрѣть, что онъ имъ оставилъ.

«Охъ, моя годиненька лихая да несчастливая!... Съ чѣмъ же я теперь на свѣтѣ осталась?... Позабиралъ и очипки и серпанки... Чѣмъ же я прикрою свою головушку?... Нѣтъ и байковой юбки... нѣтъ...» Такъ приговаривала Стеха, а потомъ и завыла.

Старшая дочь, Наталка, туда же за нею и плачетъ и приговариваетъ: «нѣтъ моего намистечка... нѣтъ и платочка бумажнаго... и синихъ новешенькихъ чулочекъ... и серьги жъ то взялъ!...

Середняя, Феська, то же пѣла: «запасочка жъ моя колисчатая... ленточки мои блакитные (голубые)... платочки вышитые... башмачки красные...

Мотря, наименьшая, еще бъ и малая дѣвчонка, да и та туда же за нимп голоситъ, что и ея новую плахту отецъ взялъ.

Еще не хорошо и уложили что осталось, а уже матери и нѣтъ; уже и побѣжала къ сосѣдамъ, и къ кумамъ, и къ атаманихѣ, и къ писарькѣ, и къ понамарькѣ и всѣмъ, всѣмъ жалуется, что мужъ забралъ у нея и дочекъ все — и что онъ будетъ дѣлать, она не знаетъ; а что онѣ теперь остались хуже нищихъ; что всю одёжу забралъ, и кресты, и намисты, и рушники, и всякіе подарки, что она было-припасла за дочками давать, все, все забралъ—и что ей теперь на свѣтѣ дѣлать, сама не знаетъ... Было тамъ всего; были тамъ добрые помины нашему Тихону!

А онъ, молча, свое знаетъ. Сложивъ женпно и дочернее все въ-мѣсто, собралъ и сыновнее, какіе лучшіе пояса, и шапки, и юпки (чекмени), да и поѣхалъ по селамъ, гдѣ слышалъ и гдѣ зналъ богатенькихъ людей; да кому плахту, кому шапку, кому все прочее, все же то заложилъ, хотя и не такъ за велпкую цѣну, да все-таки промыслплъ тѣхъ денжонокъ немало.

Не успѣлъ возвратиться домой, уже и бѣжитъ за нимъ десятскій, чтобы шелъ въ ратушу къ головѣ. Только-что увидѣлъ его голова, такъ и напустился: «Какъ, ты переводишь имущество, да сбп-

раешься на слободу (перейти въ другое селеніе)?» Это все такъ жоночка ему въ уши натурчала. О! на этотъ торгъ онѣ пѣшкомъ бѣгутъ!

— Да не сердитесь же, панъ голова! и не безпокойтеся такъ—сталъ Брусъ ему говорить скромно и учтиво: не такъ это было. Это мое дѣло: продалъ ли что, или въ закладъ отдалъ, не мѣшайтеся. Я здѣсь весь передъ вами. Когда на слободу итти, то самъ не пойду: я уже старъ человѣкъ; а собираясь итти, пришлось бы брать и жену и дѣтей; а этаго, безъ начальства, да безъ ихъ воли, неможно; а видите, они вовсе не хотятъ. Это, я вижу, они вамъ и нажаловалпсь; но видите сами, что этому неможно статься. Такъ когда нѣтъ на меня никакаго больше доносу, то и отпускайте меня: мнѣ некогда.

«Начто же ты продаешь имѣніе?» спрашивалъ голова.

— Да нѣтъ же; не продавалъ еще ничего; а только заложилъ кое-что; надо было денжонокъ ..

Хлопоталъ, хлопоталъ около него голова съ писаремъ, да видятъ, что не съ чѣмъ къ нему привязаться, такъ и отпустили.

Не покой же нашему Брусу и дома! Только-что войдетъ онъ въ хату, то Стеха и подниметъ шумъ и

крикъ: зачѣмъ отобралъ вещи и ея и дѣтскія; зачѣмъ ихъ заложилъ, гдѣ деньги дѣвалъ?... то Тихонъ молчитъ, молчитъ, и когда въ хатѣ нѣтъ никакаго дѣла, то и пошелъ-себѣ.

Сядетъ сердечный гдѣ-нибудь себѣ на улицѣ, куда проѣзжая дорога лежитъ, и когда увидитъ чумака, или такъ проѣзжающихъ, то тотчасъ въ распросъ—и распрашиваетъ, съ какихъ мѣстъ и какъ тамъ поводится? каковы хлѣба, какая цѣна на него и чего ожидать далѣе?

Даже слезы его проймутъ, что, откуда бы кто ни ѣхалъ, такъ все одно, все бѣда! Не было дождя съ самой весны, все въ поляхъ выгорѣло, народъ въ унынiи и не знаетъ что дѣлать! Только и слышно, что есть хлѣбъ въ Курской, да въ Орловской Губернiи, да и то цѣна на него вездѣ поднимается.

Прошла Троицына недѣля *: не посылаетъ милосердый Господь дождя, хотя и молится народъ. Прогнѣвали Царя Небеснаго! Не-на-что уже надѣяться: пропало все въ поляхъ и въ огородахъ! Бѣда людямъ, бѣда и скотинѣ! не будетъ вовсе хлѣба, ни въ зиму огородныхъ кореньевъ, не будетъ и скотинѣ корму!...

* Троицкiе святки, также празднуемые у насъ цѣлую недѣлю какъ и Рождественскiе и великодные святки (Святая-недѣля). Все святки.

Тотчасъ послѣ заговѣнъ, въ первый день Петрова поста, на самые *рóзыгры*, только-что вынули хлѣбъ съ печи, Тихонъ и забралъ его весь къ себѣ. Стеха смотритъ, что съ того будетъ, а сама такъ и лютуетъ. Приготовили обѣдать: Тихонъ вынулъ хлѣбъ, порѣзалъ на куски и на безменѣ привѣсилъ, чтобъ каждому досталося на часть по два фунта. «На-те, дѣтки, вотъ это каждому, тутъ и на обѣдъ и на полдникъ и на ужинъ. Прячь самъ свое, а ужъ больше не дамъ.» Сказалъ, да и себѣ и женѣ столько же отвѣсилъ, а остальное спряталъ у себя.

Стеха тотчасъ за свое, навзрыдъ. «Отъ роду, говоритъ, этаго не было, чтобъ хлѣбъ развѣсивать на души... какъ будто колодникамъ, такъ и намъ, по твоей глупой головѣ пришлося...»

— Отъ роду же и бѣды такой не было, говоритъ ей Тихонъ, да все тихо, думая, что не ускромитъ ли онъ ее тѣмъ, хотя немного. Вотъ и старѣе меня люди есть, а и сами не видѣли и отъ отцовъ не слышали такой бѣды. Ѣшь, старая, да благодари Бога и за то. Господь милосердый знаетъ, что далѣе будетъ!

«А чтобъ никто не дождалъ, чтобъ я вѣшеный хлѣбъ ѣла! По-подъ окнами пойду, а не хочу твоего хлѣба, что ты даешь и трясешься.»

— Нѣтъ же, Стеха, неправда, я не трясуся, а хочу, чтобъ какъ сегодня вдоволь есть хлѣбца, такъ

чтобъ Господь благословилъ и по всякъ день по столькоже, пока бѣда пройдетъ. Повидишь сама послѣ, что нечего больше дѣлать. Не церемонься, ѣшь, да хвали Бога...

«Чтобъ ты и родъ твой не дождалъ, чтобъ я ѣла! Не хочу, не хочу и не буду ѣсть!...» Да съ этимъ словомъ шасть съ хаты (а мошну не забылатаки схватить), да къ женщинамъ, да прежде всѣмъ разсказала, какъ-то Тихонъ сталъ скупъ, что уже и хлѣбъ вѣсомъ имъ даетъ; а послѣ туда же съ женщинами, давай складку дѣлать на горѣлочку; видишь надо гулять — праздникъ. Какой-же то праздникъ? Рòзыгры. Вотъ такъ-то бабы навыдумывали! Видишь, то все были праздники, то святки; а какъ уже надо за дѣло приниматься, такъ вотъ у нихъ и рòзыгры. Чего-то онѣ не выдумаютъ, лишь бы гулять, да горѣлку попивать!

Когда же Стеха побѣжала съ хаты, а Тихонъ и говоритъ: «спрячьте, дѣтки, материнскую долю, вѣдь придетъ не обѣдавши, захочетъ ѣсть, а я уже больше не дамъ.» Такъ и вышло. Пришла ввечеру, хоть и пила тамъ сколько горѣлки, а таки есть никто не далъ. Нечего дѣлать: принялась и за отвѣшенный хлѣбъ.

Тихонъ не очень ей уважалъ. Утромъ опять отвѣсилъ каждому и говоритъ женѣ: «хоть ѣшь, хоть

на вечеръ спрячь.» Не ругала же она его ни мало! Куда! на всѣ заставки (корки). Было и ему, было и всему роду; далѣе было и тому, кто и безменъ выдумалъ, и кто его продаетъ... а таки, нечего дѣлать, свой паекъ отбирала исправно.

Эге! хоть же и сама видѣла, что хорошо выдумалъ ея мужъ: потому-что у нихъ, было, хлѣбъ пекутъ три раза на недѣлю, а уже за Тихоновымъ порядкомъ только два раза, и муки меньше идетъ, потому-что Тихонъ такъ все расчиталъ, чтобы какъ разъ на ихъ семью становилося и нигдѣ чтобы ни пылиночки не дѣвалося; а все-таки была ему добрая молитва, какъ съ амбара вѣсомъ беретъ муку, какъ выпеченный хлѣбъ ему отдаетъ и какъ отъ него фунтами на день получаетъ. А Тихонъ слышитъ все это и неуважаетъ; думаетъ объ своемъ.

Кто занималъ у него деньги, ко всѣмъ бросился; съ кого возьметъ деньгами, самое истое, а росту (процентовъ) и не спрашиваетъ и не беретъ, хоть кто и даетъ; пускай, говоритъ, когда-нибудь отдашь, теперь всякому нужда. Когда же кто не можетъ деньгами уплатить, то онъ беретъ всѣмъ по согласію: возьметъ и одежу, и возъ, и ярмо, не откажется ни отъ самаго бездѣльнаго, лишь бы хоть что-нибудь да взять, потому-что у него было что-то на умѣ. Беретъ, когда до чего человѣку приходитъ, что не сможетъ зимою прокормиться, беретъ, говорю, и скотину; и

когда она въ такой цѣнѣ, что долгу меньше, то еще хозяину и доплатитъ. Да такъ и собрался: то своихъ было воловъ десять паръ, а теперь уже у него было двадцать паръ; есть и возы и все къ нимъ нужное. Его два сына, а то взялъ пять мальчиковъ, сиротъ, такихъ, что еще до какаго времени, а уже имъ пришлося по-подъ окнами таскаться, а онъ ихъ взялъ и на свою одежу, и на харчь и говоритъ: «какъ подростутъ, надѣлю ихъ всячиною и хозяевами устрою, когда-то еще живъ буду!»

Люди, смотря на Тихоновы сборы, смѣются съ него въ глаза. «Что это ты думаешь?» говорятъ ему: «тутъ дай Богъ самому съ семьею пропитаться, а онъ еще и дармоѣдовъ набираетъ: корму совсѣмъ на зиму не будетъ, а онъ отовсюду скотину собираетъ. О, чтобъ его съ его мудростями!» Да даже слезы утираютъ смѣяся, а онъ и неуважаетъ. Что же, говоритъ, когда мнѣ кажется, что такъ надо дѣлать?»

Наступила и жатва. Не приведи Господь къ такой жатвѣ до конца вѣку всякаго православнаго христіанина, да и самаго Турка, Француза, Нѣмца и таки всякаго человѣка! То не жатва была, а горе и бѣда!... Никто и не думалъ серповъ приготовлять. Выйдутъ на ту горькую ниву, мужъ косою машетъ, машетъ, далеко пройдетъ... а жена далеко за нимъ подбираетъ, да на-силу наберетъ снопъ, да такой, что и малое дитя до дому донесетъ. Такъ-какъ выкосятъ

ниву, свяжутъ снопы, сложатъ въ копны... такъ и
копны смочатъ горькими слезами, потому-что было
посѣяно, примѣромъ говоря, шесть мѣшковъ, а когда
вымолотятся сѣмена, то и хорошо; потому-что сно-
пы такіе, что за вѣтромъ полетятъ: одна солома.
Много и такихъ было, что и косою не захватитъ;
вырывали люди выбирая по стеблышку... такъ тутъ
ожидай добра!...

Вотъ тогда уже Брусъ принялся за свое. Пого-
товивъ все, что надо было, пошелъ съ сыновьями и
батраками въ церковь, отслужилъ молебенъ, помолился
Богу и попросилъ батюшку-священника къ себѣ. Что
Богъ далъ, пообѣдали, запрягли возы, батюшка освя-
тилъ воду, окропилъ Тихона, сыновъ, батраковъ и
возы, да и тронулись съ Божіею помощію.

Хоть Тихонъ и не говорилъ никому, куда и за
чѣмъ онъ ѣдетъ, хоть ему кое-кто снова смѣялися и
упрекали—одинъ скажетъ: «собрался нашъ Брусъ на
Донъ за рыбою, вмѣсто весны, посреди лѣта: лишит-
ся и воловъ и всего, самъ съ кнутикомъ воротится,
потому-что въ самую голодную сторону поѣхалъ.»
Другой скажетъ: «Тихонъ видитъ, что бѣда, да и
бросилъ жену съ дочками, а самъ пошедъ на слобо-
ду.» Иной еще что приложитъ, такъ-что совсѣмъ
человѣка осмѣяли; однако были и такіе, что догада-
лись, что это Тихонъ задумалъ, и куда и зачѣмъ
поѣхалъ. «Видишь, говорятъ, что онъ выдумалъ!

Вотъ это такъ; теперь заработаетъ копѣйку! А ну же примемся и мы за тожъ.»

Вотъ тѣ-то люди, что подговаривали Тихона хлѣбомъ торговать, такъ они-то такъ совѣтовались. Вотъ и сложилися суммою, собралися и поѣхали. Да когда бъ же то искали, гдѣ хлѣбъ дешевлѣ; а то въ первомъ мѣстѣ, гдѣ случилось, лишь бы скорѣе, тамъ и набрали, не разсуждая о цѣнѣ, да даже по пятнадцать (рублей за четверть) заплатили и привезли домой, а тутъ уже и бѣда пришла!... Уже у кого что было, поѣли, а новаго—дастъ Богъ! Негдѣ дѣваться; надо покупать. Вотъ они и установили цѣну: семнадцать (рублей за четверть)! Видите, захотѣли вдругъ барышь слупить и разомъ разбогатѣть.

Такъ тутъ имъ какъ разъ Тихонъ съ фурами и нагрянулъ. Онъ ходилъ не на Донъ и не въ Черноморію, и никуда на слободу, а пошелъ въ Россію, прямехонько въ Курскую Губернію, гдѣ уже онъ хорошо прослышалъ, что Богъ благословилъ хлѣбомъ и на все хорошимъ урожаемъ, и что, хотя и тамъ цѣна поднимается, да еще-таки можно, умѣючи, захватить дешевлѣ противъ людей. Вотъ тамъ-то Тихонъ кидался сюда-туда. Ѣздитъ, развѣдываетъ, разспрашиваетъ и напалъ на добраго человѣчка, что ему уступилъ хлѣба по двѣнадцати на всю сумму; а у него денжонокъ было порядочное число—тысячи, такъ-что можетъ, трп; да еще съ такимъ договоромъ, что,

когда потребуется еще столько хлѣба, то обѣщался, противъ цѣны, взять еще двумя ниже.

Вотъ это же Тихонъ, что на свои возы наклалъ, а что нанялъ къ себѣ фурщиковъ, да и доставилъ все домой. Что у себя, а что у людей нанялъ амбары (тогда вездѣ былъ просторъ), ссыпалъ и муку и зерномъ, что привезъ, да и сталъ прислушиваться, что и какъ у нихъ въ селѣ поводится.

Услышавши, что тѣ люди, что прежде его понавозили хлѣба, установили цѣну по семнадцати, онъ собралъ другихъ, да и говоритъ: «недоброе это дѣло! еще только люди начали бѣдствовать, такъ тутъ съ нихъ и тянутъ! Нѣтъ, не приходится. Когда еще заблаговременно, да вытянешь у человѣка послѣднее, то что ему придется дѣлать къ веснѣ, какъ хлѣбъ еще дороже будетъ, а достатку ни у кого не станетъ: да и великій же грѣхъ у человѣка при нуждѣ послѣднее тянуть. Погонимся за барышомъ, а сколько крови братней напьемся, потому-что всякъ изъ насъ, видѣвши, какъ жена, дѣти, будутъ приставать, да хлѣба просить, такъ тутъ не только все имѣніе, а именно кровь свою, душу отдашь, чтобъ только они не бѣдствовали отъ голода. Надо думать, какъ лучше. У меня хлѣбца своего есть тамъ что-нибудь; берите, люди добрые!...»

— А какъ у тебя, дядюшка, цѣна будетъ? спрашивали у него.

«Какая цѣна? Какъ это можно, чтобъ я хлѣбъ, что мнѣ Господь безо всего послалъ, да сталъ бы я своему брату продавать? Нѣтъ, не будетъ этаго. Берите на пропитаніе изъ моего домашняго, а купленый будемъ сѣять, какъ придетъ время.»

Послышавши это люди, такъ и шарахнули къ старому Брусу. Какъ намъ, дядюшка, будешь давать хлѣбъ?

«А вотъ какъ: держи свою торбу... вотъ на сыпалъ... вотъ и иди себѣ; тутъ тебѣ на мѣсяцъ; у тебя четыре души; смотри, чтобъ стало. Приходи черезъ мѣсяцъ, опять столько насыплю; а когда не станетъ, то и не приходи; прежде мѣсяца не дамъ.»

— А деньги?...

«Деньги неси домой. Продаетъ ли кто Божій свѣтъ? такъ и тутъ. Богъ послалъ хлѣбъ святой всѣмъ людямъ, а не мнѣ одному; за чтоже я съ тебя буду деньги брать?»

Иной скажетъ: вотъ же, дядюшка, ты мнѣ на пять душъ далъ, а у меня пятое, еще маленькое, четвертый годикъ...

«Говори! эка голова! Чтожъ, что четвертый годикъ? Развѣ же оно не хочетъ ѣсть? Такое съѣстъ

больше великаго. Ты знаешь бѣду и видишь наше горе, такъ ты и ѣшь по-немногу и перетерпливаешь работая; а оно что знаетъ? Захотѣлося ему поутру? дай, мама, хлѣба. Пообѣдало себѣ тамъ, опять снова: дай, мама, хлѣба; да все хлѣба, да хлѣба; ротъ его не затворяется: все ѣстъ, какъ та, прости, Боже, грѣха! саранча. Еще бы въ добрый годъ запхнулъ бы ему ротъ огурцомъ, или грушами, или картофелемъ; теперь же этаго ничего нѣтъ, а оно того не знаетъ и не смыслитъ уважить, да знай проситъ. Какъ, таки на его долю не дать? Берите, берите.»

Много было работы нашему Тихону! Народъ такъ и плыветъ къ нему; его сыновья и батраки, то и дѣло, что отвѣшиваютъ, а онъ только раздаетъ... да не всѣмъ же безъ разбора и даетъ: инаго за руку дергъ! да и говоритъ: «подожди, сынокъ! И ты за хлѣбомъ? Ты еще парень молодой, жена тоже, дѣточекъ дастъ Богъ; идите, заработывайте, а отъ неимущихъ не отнимайте.» А иному говоритъ: «у тебя, кумъ, и у самаго хлѣба благодари Бога! такъ зачѣмъ ты у бѣднаго долю хочешь отнять? Ты и самъ сможешь часточку ему подать.» Эге! да и отучилъ, кому не должно, чтобы приходили къ нему; а раздавалъ только бѣднымъ, да у кого, при недостаткахъ, велика семья, да отецъ и мать старые, а дѣти маленькія; да еще когда кто въ семьѣ больной. А что малыхъ дѣтей пріучилъ, такъ изо всего села!

Только-что дастъ Богъ утро, то всѣ къ нему бѣгутъ съ большимъ шумомъ:

«Дѣдушка! дай хлѣбца!» то онъ ихъ за руку, да въ хату, а тамъ уже хлѣбъ напеченъ и на куски порѣзанъ.

А кто же его напекъ? Не Брусиха ли, Стеха? Не знаю! таковская! И сама не принимается и дочкамъ не велитъ; а что уже мужа своего такъ величаетъ, сколько можетъ! Онъ у нея и дуракъ, и божевольный (сумасшедшій), и разоритель, и что черезъ него она съ дѣтьми въ нищія пойдетъ, что онъ все имущество раздастъ, проѣстъ... и все ему высчитывала. А онъ и неуважалъ; какъ видѣлъ, что жена и сама не слушаетъ и дочкамъ не велитъ, такъ онъ нашелъ бѣдныхъ, трудолюбивыхъ женщинъ, да и нанялъ ихъ хлѣбы печь, каждый Божій день, на раздачу дѣтямъ и нищимъ, что уже пошли по-подъ окнами со всѣхъ селъ.

Что же дѣлали тѣ люди, что накупили хлѣба, да располагали его съ барышомъ продавать? Эге! чешутъ себѣ затылокъ, да цмокаютъ, да тихонько бранятъ все-таки тогоже Тихона, что имъ такую пакость далъ! Заперли свои амбары, сняли вѣсы и разошлися. «Пускай, говорятъ, Брусъ справляется: недолго будетъ чваниться; скоро весь рѣшитъ, тогда бросятся и покупать, да негдѣ больше, какъ у насъ.

Тогда смѣло по двадцати будемъ брать, пототу-что уже вездѣ такая цѣна. Вотъ и возьмемъ свой барышъ.» Увидимъ!

Пришла пора сѣять, а у людей нѣтъ ни зерна. Тихонъ отворилъ свои амбары и говоритъ: «Берите, люди добрые, сколько кому на посѣвъ нужно. Не жалѣйте зерна, кидайте его въ землю; черезъ зиму насъ Богъ пропитаетъ, а какъ не посѣемъ, то Господь за лѣность нашу накажетъ насъ еще горше. Это бы мы совсѣмъ перестанемъ вѣрить, что Господь нашъ есть премилосерднѣйшій, когда побоимся сѣять зерно, хотя намъ и нужное. Онъ наказалъ насъ какъ Царь Небесный за грѣхи наши, да и помилуетъ какъ Отецъ дѣтей своихъ. Пошлетъ намъ урожай такой, какаго и давно не видѣли, за то, что мы какъ-будто въ Его святыя руки кинемъ зерна.»

— А якъ цина буде? спрашиваютъ люди.

«А цѣна такая, что я не на деньги, а въ отдачу. Родитъ вамъ Богъ, отдадите, сколько кто возьметъ.»

— Да какъ это можно? Въ такой годъ, да безъ денегъ?

«Слава Тебѣ Господи! я не жидъ и не цыганъ; я знаю законъ христіанскій. Чего бы я достоинъ

былъ, если бы гдѣ, пускай Богъ сохранитъ! на пожаръ да я вывезъ бы воду, да тутъ бы ее ведрами продавалъ. Такъ и это. Какъ можно пробыть человѣку безъ хлѣба? Какъ же, въ такой нуждѣ, да его бѣднымъ продавать, да еще и дорого? Богъ того побьетъ на семъ свѣтѣ, и на дѣтяхъ, и на имѣніи; а на томъ что еще будетъ? Берите же хлѣбъ святой, да кидайте его скорѣе въ матерь нашу, землю, чтобъ по Божіему велѣнію она насъ на тотъ годъ прокормила.»

Это же такъ Тихонъ управляется; а тамъ враги на него, такъ чего бы то не выдумали, чего бы не сдѣлали, чтобъ его утопить, совсѣмъ съѣсть! Крѣпко же имъ досадно было, что они изубыточились, накупили хлѣба дорогою цѣною, чтобы при людской нуждѣ, да хоть бы вдвое его продать, а тутъ этотъ, такой-сякой, старый дѣдъ, не даетъ ни пылинки продать; тамъ раздавалъ, пускай уже свой, всѣмъ даромъ; а то уже и купленый, что уже знаемъ, что именно по дорогой цѣнѣ покупалъ, и тотъ раздаетъ безъ денегъ, какъ бы въ-займы...» Те, те, те, те! Постойте-ка! говоритъ изъ нихъ одинъ; я его подловлю. Не будетъ величаться. Сведу его къ тому, что и самъ по-подъ окнами пойдетъ и сухарю радъ будетъ...»

А тутъ вдобавокъ жена нападаетъ, такъ-что бѣдному Тихону и отдыху нѣтъ. «Сякой-такой, лы-

сый дѣдугá (старый хрѣнъ)! умъ отстарѣлъ. Обо-
бралъ дѣточекъ и меня на старости, да все же про-
моталъ на тотъ хлѣбъ. Тутъ бы, въ такой годъ, п
получить копѣйку, а онъ людямъ даромъ раздаетъ.
Тютю, дуракъ! Видѣлъ ли кто такаго глупца? Чортъ
знаетъ, кому раздаетъ утромъ и вечеромъ, а мы, вся
его семья, голодуемъ, да ѣднмъ отвѣшенный пай, какъ
арестанты... Вотъ такъ ты одурѣй на старости!» То
Тихонъ было-слушаетъ, слушаетъ; послѣ схватитъ
себя за голову, да «а уже мнѣ эта морковь*!» ска-
жетъ, да скорѣе изъ хаты къ вѣсамъ, гдѣ его сы-
новья раздаютъ хлѣбъ. Тамъ ему только и весело,
потому-что самъ видитъ, изъ какой нужды Богъ ему
далъ людей выкупать.

Пока это происходило, дошла чрезъ начальни-
ковъ такая вѣсть до Самаго Царя, что въ такой и
такой Губерніяхъ великій неурожай, что хлѣба во
все нѣтъ и что совсѣмъ голодъ. Господи милости-
вый! какъ-то тутъ пошло! Тотчасъ наѣхалъ исправ-
никъ съ дворянами, и переписали, сколько у кого въ
семьѣ душъ, сколько есть у каждаго хозяина хлѣба
и расчитали, на сколько его станетъ, да и дали на
всякую семью бумагу, что какъ у кого не станетъ
своего хлѣба, такъ можно ему брать съ магазейна
по стольку и по стольку на мѣсяцъ. У кого же не
было ничего, тѣмъ приказано тотчасъ давать. Назна-

* Когда жена мужу зачто грызетъ голову, то выражаютъ: она
скребетъ морковь (моркву скромадитъ).

чили къ магазейнамъ начальныхъ, да все изъ дворянъ и все грамотныхъ, чтобъ и счетъ зналъ и толкъ далъ. Такъ же по магазейнамъ не очень-то полно было хлѣба, потому-что въ хорощее время, кто его и думалъ взносить, хоть-было голова и приказываетъ и десятскіе понукаютъ, такъ никто же и не думалъ. А зачѣмъ взносить? говорятъ-бывало: чтобъ погнилъ въ закромахъ? Слава Тебѣ, Господи, голодовать не будемъ. То-то и есть! пока человѣкъ въ добрѣ, да въ счастьѣ, такъ онъ думаетъ, что уже ему и все такъ будетъ, и не тужитъ ни объ чемъ и не готовитъ-себѣ ничего; какъ же постигнетъ бѣда, такъ тогда и объ полы бьетъ руками и волоса рветъ, да уже не поможетъ, хоть всю голову оборви. Такъ и тутъ было: что бы дѣлали, чтобъ пополнить магазейны, да ба! Тогда вспомнили, что и Тихонъ совѣтовалъ, чтобы собрать весь хлѣбъ съ тѣхъ, кто долженъ былъ—не послушали же.

Пока были начальники въ селѣ, то люди промежъ себя посовѣтовались и—негдѣ правды дѣвать!—и самъ Голова къ тому совѣту присталъ, чтобъ про Тихона никто ни словечка, что онъ пропитываетъ людей; а то говорили, какъ дослышатся, то не будутъ изъ магазейна никому отпускать. А это за тѣмъ такъ устроили, чтобъ про Тихона не прошла добрая слава и чтобы ему иногда отъ начальства не было какой благодарности. А Тихонъ и не уважаетъ! онъ еще и радехонекъ, что про него молчали. И какъ

спрашивало его начальство: много ли у него хлѣба? такъ онъ сказалъ: «благодарю Бога милосердаго! пропитаюсь до новаго; мнѣ не нужно никакой дачи.» Про покупной же хлѣбъ какъ спросили его, на что онъ и для чего, и по какой цѣнѣ онъ намѣренъ его продавать? такъ Тихонъ такой отвѣтъ далъ: «увижу еще, что далѣе будетъ, тогда и скажу.» Какъ же его недоброжелателей тѣхъ, что накупили прежде хлѣба, да за Тихономъ не досталося имъ продавать, спросили, такъ тѣ сказали: «кому нужда будетъ, тому будемъ продавать по двадцати и по пять (25). Исправникъ махнулъ рукою да и записалъ ихъ и сколько въ нихъ было хлѣба, и то записалъ, какъ они, имѣя свой хлѣбъ, просили изъ магазейна, потому-что, видишь, то они не своимъ считали, а купленнымъ.

Какъ же расчитали, что того хлѣба, что въ магазейнахъ, не станетъ надолго, то и написали объ этомъ Царю; такъ тотчасъ Царь таки изъ собственныхъ Своихъ, изъ Своей Царской казны прислалъ денегъ, чтобы, какъ можно скорѣе, покупали хлѣба, чтобъ было чѣмъ и пропитаться и, что еще нужнѣе, посѣять для будущаго года. Вотъ-то денегъ прислано! Намъ и тысяча рублей, и то сумма страшная, что изъ насъ кому-то, кому-то достанется, въ какомъ-то годѣ съ какими трудами пріобрѣсти; а то прислали такихъ тысячь тысячу, какъ нашъ батюшка-священникъ, да таки и писарь говорятъ, что то называется милліономъ, что нашему брату, не то, чтобъ съумѣть его

пересчитать, да и мыслями додуматься, сколько въ томъ милліонѣ есть рублей, никакъ не можно! Да такихъ-то милліоновъ прислано въ каждую губернію не одинъ и не два... А сколько же губерній такихъ, что Богъ прогнѣвался на народъ, до послалъ на нихъ голодъ! А въ каждой губерніи есть народу тоже милліонъ, а гдѣ и два. Такъ какой надобно головы расчитать, на сколько милліоновъ прислано денегъ? Это же только расчитать никто не можетъ, развѣ нашъ казначей, что въ казну подушное принимаетъ, да на счетахъ, какъ возьметъ, до зерна, какъ орѣхи перекидываетъ, и ни въ одной копѣйкѣ не ошибется, такъ разомъ и высчитаетъ; а дать же столько денегъ, кто можетъ, какъ не Царь нашъ премилосердый... и все то за тѣмъ и трата такая, чтобъ бѣдный народъ не страдалъ безъ хлѣба... Вотъ истинно Отецъ къ Своимъ дѣтямъ!... И развѣ же только у Него и есть, что мы? Эге! Слава Тебѣ, Господи! есть нашего народа не мало, а тоже еще и Россійскаго, и Нѣмецкаго, и Татарскаго, и Калмыцкаго... и какаго-то народа нѣтъ! И всѣ же то идутъ подъ нашу державу, потому-что очень хорошо всѣмъ жить! И все же то нашъ милосердый Царь обо всѣхъ заботится и жалѣетъ какъ Отецъ дѣтокъ Своихъ. Развѣ же кто у насъ слышалъ такое, что разсказывалъ Демко Плескачь, какъ возвратился изъ службы? Гдѣ-то онъ уже не ходилъ въ походахъ! Въ какихъ земляхъ не побывалъ! Такъ, говоритъ, былъ и у Аглійскихъ Нѣмцовъ, а городъ такой, какъ нашъ Петер-

бургъ, и самъ царь ихъ тамъ живетъ. Такъ, говоритъ, идешь по улицѣ, валяется человѣкъ... «Чего-то онъ?» Съ голоду умираетъ... А всѣ же-то ходятъ и смотрятъ, и всѣмъ нужды нѣтъ. Вотъ такое-то начальство! И смотрятъ и видятъ, и своему Царю не докладываютъ, и Царь съ нихъ не взыскиваетъ. Ну, ну! какъ бы у насъ такъ! Когда нашъ Царь узнаетъ, что однаго нашего брата кто обидитъ и не защитятъ его, то ужь даромъ непройдетъ; а какъ бы одна душа отъ недосмотра умерла? Не знаю, что-бы тутъ было! Подержи же Его, Господи, и съ Царицею, и на нашъ вѣкъ, и дѣтей и внуковъ нашихъ, чтобы и тѣ хвалили Бога за такаго Царя! и вставая и ложась молили за Него Бога, какъ мы дѣлаемъ!

Начальство, принявши казну, тотчасъ бросилось провѣдывать, гдѣ хоть не много дешевлѣ хлѣбъ, и разослало, чтобы, какъ можно, его накупать и скорѣе по селамъ поставить. Покуда же его понавозили и наддали, Тихонъ, знай, управляется съ своимъ, все раздаетъ... Какъ вотъ и пришелъ къ нему человѣчекъ съ добрымъ словомъ: «что, дядюшка Степановичъ! раздаешь ты хлѣбъ, а чѣмъ его воротишь?»

— Кто добрый будетъ, отдастъ, какъ сможетъ; а нѣтъ, такъ нѣтъ. Что за нужда!—Такъ говорилъ Тихонъ, насыпая вдовѣ муки въ узелъ.

«Такъ иной забудетъ, сколько возьметъ. Когда бы ты записывалъ, сколько кому даешь?»

— Я самъ не грамотный; а нанять? На что оно? не хочу.

«Да я тебѣ безъ найма буду писать; я немного цифры знаю. Хоть не затѣмъ, чтобъ послѣ съ нихъ собрать, а такъ, чтобъ для себя знать, сколько разойдется хлѣба. Дозволь-ка, дядюшка; я тотчасъ все спишу.»

— Да и пиши, когда тебѣ нѣкогда.

Вотъ тотъ человѣкъ и записываетъ мѣломъ на стѣнѣ въ амбарѣ... Спроситъ Бруса: «Ѳедьку давалъ?»—Давалъ.—То онъ и пишетъ, сколько хочетъ, крестиковъ, это бъ то четвертей, до палочекъ вмѣсто четвериковъ. «Прудкогляду давалъ?»—Нѣтъ—а человѣкъ таки-пишетъ... Да такъ въ день и въ два списалъ у Тихоновыхъ амбарахъ всѣ стѣны, а потомъ и исчезъ и не идетъ писать; а Тихонъ еще радъ, что онъ не идетъ и не мѣшаетъ ему управляться.

Вотъ тутъ враги его и подбилися къ Исправничьему письмоводителю. Хитрые съ бѣса! знаютъ, съ какаго конца дѣло начать. Тотъ выслушалъ ихъ и слупилъ съ нихъ, что ему надобно было, да и сталъ Исправнику внушать, что—говоритъ—въ такомъ-то селѣ есть великій мошенникъ Тихонъ Брусъ, онъ перевелъ все имущество свое и женнино на деньги, да продаетъ крѣпко непомѣрною цѣною, а какъ люди

въ нуждѣ, такъ все сбываютъ, да хлѣбъ покупаютъ; а Тихонъ у нихъ забралъ и скотину, и возы, и съ бездѣлицею не разстался, оголилъ весь міръ; какъ же нечего брать, такъ въ долгъ раздаетъ, да только кому дастъ четверть, а запишетъ три; кому четверикъ, а запишетъ четыре; и думаетъ, что̀ какъ вотъ это пройдетъ бѣда, станутъ люди обживаться, то Тихонъ всѣхъ обберетъ, чтобъ только самому разбогатѣть, а всѣхъ въ нищіе пустить. «Такъ—говорилъ письмоводитель—надобно неотмѣнно слѣдствіе учинить; вотъ бы я, ваше благородіе, поѣхалъ туда, да все бы розыскалъ въ одинъ день, и тогда бы только, чтобы вы повелѣли съ такимъ мошенникомъ дѣлать.»

Эге! Да не на таковскаго ты, братъ, наскочилъ! Какъ бы тотъ Исправникъ, что преже смѣнили, тотъ бы всему повѣрилъ, и бѣднаго Тихона ободрали бы, какъ молоденькую липку, а что горше, не дали бы ему докончить своего дѣла; этотъ же Исправникъ все выслушалъ, да и говоритъ: «это такое дѣло, что надобно мнѣ самому разборъ сдѣлать.» И прибѣжалъ въ село.

Не хитро же и Исправникъ взялся! Прежде выспросилъ тѣхъ, кои злы были на Тихона, и того человѣка, что записывалъ Тихону заборъ хлѣба, что притворился будто и добрый, а это онъ отъ нихъ и наученъ былъ. Чего-то уже они на Бруса не наговорили! Хоть голову ему тотчасъ снимай. Послѣ Ис-

правникъ бросился сюда-туда, распрашиваетъ, такъ всѣ—и что то — и малыя дѣти, и тѣ про Тихона, какъ про роднаго говорятъ, какъ онъ всѣмъ хлѣбъ и мукою, кому нада, а кому сѣменами на посѣвъ даетъ и все безъ денегъ, нужды нѣтъ, что у него покупной хлѣбъ, а въ отдачу, какъ Богъ родитъ новый; что онъ и не записывалъ никогда какъ давалъ, что и малымъ дѣтямъ каждый день раздаетъ печеный хлѣбъ; да какъ теперь вездѣ бѣда, такъ и чужіе, а есть и изъ дальнихъ мѣстъ, какъ плавъ плывутъ и все къ нему, а онъ всѣмъ раздаетъ и всѣхъ пропитываетъ.

Вотъ тогда уже Исправникъ прямешенько пошелъ къ Тихону. Вошедши въ хату, помолился Богу и тотчасъ спросилъ хозяина. Тихонъ, не имѣвши за собою никакой вины, не бояся, вошелъ къ нему, поклонился... какъ Исправникъ къ нему, взялъ его за голову, поцаловалъ и говоритъ: «почтенный старичокъ! чрезъ такихъ людей и насъ Богъ милуетъ! а потомъ—вотъ, ей Богу, что правда!—поклонился ему низко и говоритъ: «благодарю тебя, старикъ, что ты въ такую несчастную годину дѣлаешь такъ, какъ Богу пріятно и бѣднымъ людямъ въ нуждѣ помогаешь.» Потомъ сѣлъ и Бруса посадилъ подлѣ себя и сталъ записывать: сколько у Тихона было своихъ денегъ, сколько занялъ и кому что заложилъ, сколько хлѣба купилъ, сколько роздалъ и сколько его осталось (а уже самая малость оставалась), какъ еще думаетъ стараться, чтобъ пропитать какой бу-

детъ неимущій, потому-что уже всѣмъ казенный хлѣбъ раздавали; какъ думаетъ розданный на посѣвъ хлѣбъ собрать. . . все-все списалъ; такъ на послѣднее Тихонъ говоритъ: «а какъ собрать? когда отдадутъ, возьму; а нѣтъ, такъ нѣтъ; это такое.»

— Какъ это можно? — говоритъ Исправникъ: —ты всѣ свои деньги на хлѣбъ издержалъ и останешься въ бѣдности? —

«Одинъ Богъ богатъ, ваше благородіе! Надобно *тутъ* заработывать, чтобъ *тамъ* отъ *Него* милость получать. Дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро. (Добре робы, добре и буде).»

— А жена и дѣти твои? Вѣдь же ты ихъ всего лишилъ! —

«Не было у нихъ прежде ничего, работали, трудились, и Богъ намъ далъ. Опять надобно работать, трудиться, и насъ Богъ не оставитъ, когда и комарика и маленьку комашечкую призираетъ. . .»

Исправникъ писалъ что-то долго, потомъ говоритъ: «старикъ, Богъ тебя не оставитъ и на этомъ свѣтѣ: пошлетъ тебѣ милость свою чрезъ нашего Государя. Дѣлай, какъ дѣлаешь, и не бойся ничего; и я тебѣ скажу: «дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро! Прощай.»

Вотъ, отъ Тихона, Исправникъ прямо къ тѣмъ людямъ, что располагали утопить Бруса; разспросилъ ихъ, гдѣ и по чемъ хлѣбъ покупали и зачѣмъ не продаютъ? Они такъ и разсказывали, что черезъ сякаго-такаго Бруса не можно имъ было и зерна продать, а теперь ждутъ весны, какъ цѣна еще выше будетъ. .

«А чтобъ вы не дождали Христіанской крови пить!» сказалъ Исправникъ, да къ ихъ амбарамъ—и запечаталъ, и приказалъ Головѣ, чтобъ караулъ былъ, чтобъ никто не распечаталъ впередъ до времени—и поѣхалъ далѣе.

Батюшка мой! Какъ возстали на Тихона эти его враги! онъ, говорятъ, оболгалъ ихъ Исправнику, онъ ему что-нибудь поднесъ, чтобъ нашимъ хлѣбомъ распоряжать. . . да тамъ такаго говорили на него, сохрани Боже! Такъ что же сдѣлали? Ничегошенько. Какъ вѣтеръ въ полѣ вѣялъ, такъ и ихъ ложь! . . . никто имъ не вѣрилъ и не слушалъ ихъ.

Какъ вотъ опять скоро наѣхалъ въ село Исправникъ, да не къ волости, а прямехонько къ старому Тихону а за нимъ, въ коляскѣ Генералъ съ золотыми кистями на плечахъ, на груди золотая звѣзда, а на шеѣ все кресты: даже отъ него сіяетъ. Старый Тихонъ, какъ увидѣлъ такихъ гостей, такъ даже затрясся, не испугавшись, а удивляясь, что такой великій господинъ къ нему пріѣхалъ, и зачѣмъ бы то?

Вотъ, вошедши въ хату, Исправникъ тотчасъ и сказалъ, что это Генералъ пріѣхалъ отъ Самаго Царя, что Царь, пославши таки вездѣ деньги на хлѣбъ и повелѣвши раздавать всѣмъ съ порядкомъ, еще-таки послалъ и Генераловъ и каждому далъ по большой суммѣ, чтобы такъ, какаго увидятъ бѣднаго, стараго, немощнаго, калѣку, чтобъ по рукамъ на ихъ бѣдность раздавали, чтобъ скорѣе, кому нужда, помощь подать. Такъ вотъ это Генералъ заѣхалъ въ нашъ уѣздъ, и прослышавши про Тихона, хочетъ ему сколько тысячь отдать, чтобъ онъ, какъ началъ бѣдныхъ надѣлять, такъ чтобъ тѣмъ же порядкомъ и Царскія деньги на милостину раздавалъ, или покупая хлѣбъ, хлѣбомъ снабжалъ.

Тихонъ, какъ только услышалъ, что это Генералъ, присланный отъ Самаго Царя, то такъ ему въ ноги, а Генералъ такъ и крикнулъ на него, да велѣлъ встать и слушать его. Вотъ Тихонъ все и стоялъ передъ нимъ, наклонивши голову, какъ прилично передъ великимъ господиномъ. Потомъ, какъ разсказалъ все Исправникъ, Генералъ еще снова говорилъ, чтобъ Тихонъ отъ Исправника принималъ, сколько ему нужно будетъ денегъ, и чтобы дѣлалъ, какъ лучше знаетъ, лишь бы бѣднымъ помогать, и чтобы они знали, что это вспомоществованіе отъ Царя и Царицы идетъ, такъ чтобъ они за Нихъ молилися Богу.

Тихонъ и въ другой разъ упалъ-было къ его ногамъ, какъ выслушалъ все и говоритъ: «достоинъ ли я такой чести, чтобъ Царскую казну... »

А Генералъ и перервалъ его, и ударивъ его рукою по плечу, и началъ говорить, что онъ слышалъ, что Тихонъ человѣкъ разсудительный и знаетъ, кому какъ въ нуждѣ помогать. Приказывалъ, чтобъ взялъ у Исправника нѣсколько денегъ, да и происковалъ какихъ бѣднѣйшихъ, да тотчасъ бы имъ и помочь подавалъ. Потомъ спрашивалъ у него, какъ онъ думаетъ лучше: хлѣбомъ ли раздавать, или деньгами по рукамъ; и сколько ему надобно на первый случай суммы отсчитать?

Вотъ Тихонъ, не робѣя ничего, такъ прямо и сталъ говорить: «позвольте мнѣ... ваше... благо... родіе... сіятельство...—извините, мы мужики простые, не умѣемъ какъ такаго господина и величать, не только съ нимъ говорить; такъ пускай будетъ по нашему, не во гнѣвъ вамъ: добродѣю! — да и поклонился передъ нимъ.

Генералъ, извѣстно, не понялъ, что ему Тихонъ по нашему говорилъ, да и спросилъ Исправника. Какъ же тотъ ему растолковалъ, что «добродѣю» значитъ, что добро-дѣетъ, или дѣлаетъ добро, такъ Генералъ даже засмѣялся, да и говоритъ: «хорошо,

хорошю, мужичекъ! Зови меня добродѣю; это получше сіятельства*.

Тихонъ опять поклонился и сталъ свое говорить: «моя мысль, добродѣю, такая, что всякіе просятъ помощи: иной отъ нужды, а иной, чтобъ бездѣльничать. Когда же кто проситъ отъ нужды, тотъ больше радъ будетъ хлѣбу святому, потому-что съ деньгами еще ему надобно будетъ итти, чтобъ купить, а онъ, можетъ, уже третій день какъ хлѣбъ видѣлъ. Когда же кто мошенникъ, такъ тотъ хлѣбу и нерадъ будетъ; ему давай денегъ, чтобы пьянствовать, или что другое такое дурное дѣлать. Такъ лучше всего будемъ давать хлѣбомъ; а черезъ то всѣ, кто бѣду терпитъ, всѣ къ намъ соберутся; а тѣ, что плачутъ, услышавши, что у насъ денегъ не раздаютъ, удалятся отъ насъ прочь.»

— Правда, правда твоя—сказалъ Генералъ: «дѣлай, какъ самъ знаешь. А сколько же тебѣ суммы отпустить? Я далъ Исправнику пять тысячь. Хочешь, всѣ возьми, я тебѣ вѣрю.

«Покорно благодаримъ, добродѣю! сказалъ Тихонъ поклонившись: «какъ глазъ, обязанъ беречь и копѣйку Царскую, не то что; да только вотъ что:

* Къ сожалѣнію, выводится ужь величаніе, добродѣю; уже большею частію титулуютъ, по-Московскому: ваше благородіе и т. под. или иногда «батюшка.»

теперь, по Царской милости, весь народъ съ магазейновъ хлѣбъ беретъ и голоднаго нѣтъ никого, а которые пошли на заработокъ по всѣмъ мѣстамъ, и черезъ такую великую милость Царскую — подержи Его Господь на свѣтѣ!—всякъ черезъ зиму пропитается; такъ черезъ зиму довольно будетъ и одной тысячи; удовлетворимъ, когда кто явится голодной; а вотъ уже весною, да пока до новаго хлѣба, тутъ большая нужда постигнетъ; съѣдятъ все, продадутъ все, заработокъ уже не тотъ будетъ, станутъ возвращаться домой; по дорогѣ не очень гдѣ выпросятъ; такъ вотъ тутъ-то бѣда такая придетъ, что и сохрани Боже! такъ вотъ тогда тѣ четыре тысячи большую помочь сдѣлаютъ.»

— Правда, правда твоя, старичекъ, правда. Такъ и дѣлай, сказалъ Генералъ, да и приказывалъ Исправнику, чтобы у тѣхъ людей, что накупили осенью хлѣба, да располагали дорогою цѣною продавать, такъ весь тотъ хлѣбъ взять и отдать Тихону на раздачу бѣднымъ за Царское здоровье, а имъ уплатить изъ казны деньги, по чемъ они его покупали, и процентъ еще положить за тѣ мѣсяцы, да имъ приказать, чтобы въ другой разъ не рѣшались черезъ людскую бѣду барышп брать, а съ людей кожу драть. Потомъ Генералъ уѣзжая, усмѣхнувшись, говоритъ Тихону: «прощай, добродѣю!»

Тихонъ, оставшись, самъ себѣ не зналъ, наяву ли это ему, или, такъ, во снѣ, что онъ такой чести

дождался, что ему Генералъ, отъ Самаго Царя, сумму повѣрилъ казенную и не малую таки, и что съ нимъ шутитъ и добродѣемъ его, въ шутку, называетъ. Вотъ какъ задумался объ этомъ, а тутъ Исправникъ и позвалъ его къ дѣлу. Пошли къ тѣмъ людямъ, что враги Тихоновы; Исправникъ расчиталъ ихъ и заплатилъ имъ все на-чисто; а какъ прибавилъ имъ и процентъ, за сколько мѣсяцевъ причиталось, такъ они и обрадовались, потому-что уже и сами спохватилися, что не хорошо было-выдумали. Вотъ Исправникъ ихъ съ Тихономъ помирилъ, и стали пріятели. А хлѣбъ Тихонъ отъ нихъ принялъ и сталъ по-своему распоряжать.

Тоже таки этотъ хлѣбъ, да купленный за Царскія деньги; а то Тихонъ збылъ и волы, и возы, и все, какъ къ осени пришло, что уже нечѣмъ было кормить; все збылъ, все рѣшилъ, да на хлѣбъ перевелъ, да пропитывалъ народъ.

Какъ вотъ — благодареніе милосердому Богу!— перебыли такъ-сякъ голодную зиму, дождалися весны... Зимою были великіе снѣга и мѣстами такъ его накидало, что аршина въ три было; а вездѣ, на ровномъ, и не было меньше аршина. Какъ укрылъ снѣгъ землю, тогда ударили морозы — да и крѣпкіе же были! Ужъ доставалося лысымъ, да плѣшивымъ! Не одну дюжину ихъ насчитывали, чтобъ морозъ

лопнулъ; такъ ничего и не легчалъ *. Только лишь поворотило солнце къ веснѣ, какъ разъ послѣ сорока мучениковъ (9-го Марта), тотчасъ и стало разстаевать. А люди свое зашумѣли: «вотъ величайшая половодь будетъ! Вотъ заметъ всѣхъ! пропали плотины, не выдержитъ ни одна, когда нагрянетъ вода. А Тихонъ покачаетъ головою, да и говоритъ: «увидите, что такъ ли оно будетъ!»

Повѣетъ теплый вѣтерокъ, пригрѣетъ солнышко: «вотъ-вотъ на ночь вода въ прудѣ прибудетъ» говорятъ люди; ожидаютъ — нѣтъ воды. Весь снѣгъ взялся водою, а вода нигдѣ не бѣжитъ, и все, что день, воды меньше и снѣгу меньше. Черезъ недѣлю и снѣгу нѣтъ и воды нѣтъ, и въ полѣ не грязно и сухошенько вездѣ. «Гдѣ это вода дѣвалася? — удивляются люди, «вдно въ землю вся вошла?» — Не что—говоритъ Брусъ — молитесь Богу; отъ Него одного вся милость! —

Какъ же пригрѣетъ солнышко, какъ и въ прошломъ лѣтѣ! какъ хватила суша! Люди въ тугу. «Не будетъ и сей годъ хлѣба!»—даже плачутъ нѣкоторые—«нечего больше дѣлать: выкопаемъ ямы, да и ляжемъ заблаговременно; нечего дѣлать! Дождя нѣтъ, солнышко припекаетъ, по дорогѣ даже пыль отъ засухи. . . а хлѣбецъ растетъ, знай растетъ, и

* При зимнихъ морозахъ, чтобъ они унялися, насчитываютъ двѣнадцать плѣшивыхъ.

трава въ полѣ—какъ тамъ говорятъ—даже шумитъ, лѣзетъ изъ земли. . . Люди удивляются, и видя, что хлѣбъ день ото дня все лучше, все лучше, уже не тужатъ, да знай съ яровымъ поспѣшаютъ. Уже и ее Богъ возрастилъ; какъ щетка!

Тихонъ и самъ удивляется на такую весну, говоритъ людямъ: «никогда не должно гнѣвить милосердаго Господа пересудами: зачѣмъ вотъ это и зачѣмъ то не такъ, зачѣмъ это не сякъ? Можемъ ли мы знать, что и когда нужно? Можемъ ли мы понимать, что и для чего дѣлается? Человѣково ли дѣло разсуждать про силы Божіи? Онъ старый хозяинъ. Онъ одинъ все знаетъ, что когда и сколько чего послать. Намъ только должно молиться Ему, чтобъ посылалъ благодать Свою не по грѣхамъ нашимъ, а по Своему милосердію; да благодарить на всякъ часъ и за то, что живемъ и что свѣтъ Божій видимъ, что пропитываемся, что Богъ далъ кому жену, дѣточекъ, кому искреннихъ пріятелей. . .» Такъ всѣмъ твердилъ Тихонъ, а самъ таки-дѣлалъ свое.

Еще въ концѣ зимы, отдалъ ему Исправникъ всю сумму Царскую и написалъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ Богъ благословилъ хлѣбомъ, чтобы Тихону всякую помочь давали, и чего ему нужно будетъ, чтобъ доставляли какъ такому, что за нужнѣйшнмъ казеннымъ дѣломъ посланному, и тѣ бумаги отдалъ Тихону и послалъ его.

Бросился нашъ Брусъ, такъ-что ну! И молодой такъ не справится, а ему и старости нѣтъ, потому-что Богъ его подкрѣплялъ, что за доброе дѣло взялся. Гдѣ хлѣба приторгуетъ, гдѣ подводы наймetъ, да все недорого и все дешевлѣ противъ всѣхъ, что тогда со всѣхъ голодныхъ мѣстъ бросилися закупать; да хоть они были дворяне и офицеры, да все не удалось имъ такъ справиться, какъ простому мужику, Тихону Брусу, съ сѣдою бородою, да съ превеличайшею лысиною.

Сбѣжались разъ на мосту и такіе господа, какъ ихъ тогда звали, коммисары, и Тихонъ, и остановилися, потому-что черезъ мостъ фура шла, такъ-что возовъ двадцать съ одной стороны, да съ другой навстрѣчу, можетъ быть, было съ двѣнадцать. Это же извѣстно, что наши, хоть сколько дорогою будетъ итти (ѣхать), то и ничего; только же войдутъ въ такое мѣсто, на плотинѣ ли гдѣ, на мосту ли, или въ переулкѣ, то тотчасъ передній и отзовется: «а постойте, хлопцы! А дай, Харько, табаку; твой крѣпче.» Или надо огня высѣчь на трубку, или онучи подвязать, или что-нибудь; и уже неотмѣнно тутъ станутъ, да и балагурятъ; а тамъ, что проѣзжіе стоятъ, да дожидаютъ, пока они съ тѣснаго мѣста выѣдутъ, такъ то имъ и нужды нѣтъ—развѣ какой догадливый вскочитъ съ лошадей, да начнетъ имъ по спинѣ, да черезъ спину рушники плетью давать, такъ тогда опомнятся, да замашутъ кнутиками и выѣдутъ на

просторъ, да тутъ уже начнутъ ругать и отца, и матъ, и весь родъ того, кто ихъ билъ; а себя бы больше должны бранить, что не раздумавши остановились и заставили людямъ дорогу.

Такъ вотъ такъ-то и тутъ было. Ѣдетъ фура, въ-стрѣчу другая. *Цобе* да *цобе*, а самъ знай машетъ кнутикомъ и не смотритъ, что есть впереди, да и *доцобкалися* до мосту. Одинъ говоритъ: «верни цобе (направо) и я возьму цобе, то и разъѣдемся.» А встрѣчный говоритъ: какъ же мы разъѣдемся, когда мостикъ узокъ? верни ты назадъ. «Але!» первый говоритъ: «какъ я поверну, когда — видишь—крутобережно; развѣ на печь подерусь?» Такъ и есть! что же тутъ на-свѣтѣ дѣлать? фить-фить!— а тотъ себѣ: —фить-фить!—да такъ себѣ и фитьфитькаютъ... а тамъ за рожки, да похваляютъ одинъ у другаго табакъ, а потомъ распрашиваютъ, кто съ чѣмъ, и откуда и куда идетъ, и гдѣ кормили на зарѣ, и гдѣ вода лучшая... *патя* да *патя*, да и распатякалися, какъ будто цѣлой вѣкъ имъ вмѣстѣ на этомъ мѣстѣ жить; а что колокольчикъ гремитъ, и уже и недалеко, и что Тихоновъ погонщикъ кричалъ на нихъ, кричалъ, а то уже сталъ и ругать, такъ они того и не слышатъ; да уже подбѣжалъ коммисаръ да съ своимъ казакомъ; прежде перекрестили сего и того нагайками, а послѣ призвалъ всѣхъ фурщиковъ, откинули возы, да и попереѣзжали: а фуры и бросили, пускай себѣ, какъ знаютъ, такъ и справляются.

Вотъ при этомъ-то перевозѣ коммисаръ и разспрашивалъ Тихона, что онъ за человѣкъ и куда ѣдетъ? Какъ же ему Тихонъ разсказалъ все, и гдѣ, и у кого, и по чемъ хлѣбъ купилъ, такъ коммисаръ даже удивился, что и онъ у того же у самаго купца хлѣбъ купилъ, что и Тихонъ, такъ двумя рублями дороже.

— Отъ чего это оно такъ есть? спросилъ коммисаръ.

«А отъ того, пане!» говорилъ Тихонъ: «вы паны и все хотите по-пански дѣлать. Не прогнѣвайтесь за это слово. Вы, какъ торгуетесь, то будто приказываете, чтобъ всѣ знали, что вы есть паны, а мы просимъ, да просимъ, да молимъ; и за тѣмъ рублемъ, или и за полтиною, такъ мы и день лишній живемъ и лишнюю чарку пьемъ, и все дѣлаемъ, какъ бы подольститься, да что нибудь выторговать, потому-что намъ Царской суммы жаль. Хоть и мы знаемъ, что у Царя денегъ много, да такъ себѣ съ простоты разсуждаемъ, что и много есть куда Ему ихъ и тратить; такъ я тутъ выторгую какой рубль, а онъ въ другомъ мѣстѣ пойдетъ къ дѣлу, вотъ я и услужилъ, и Царской казнѣ все-таки легче. Я же почемъ купилъ, такъ и счетъ веду, и въ книгу такъ приказываю записать, а не присчитываю ни одной копѣйки; потому-что грѣхъ смертельный казну красть и по книгамъ съ ложью записывать... Прошайте,

панъ-коммисаръ! можетъ, вамъ некогда?... погоняй, хлопче!...» кашлянулъ-себѣ Тихонъ и поѣхалъ, да все что-то ворчалъ, да сплевывалъ, даже пока далеко заѣхалъ.

Дома же не надастъ Тихонъ никакъ хлѣба Народу, народу! одинъ за однимъ какъ плавъ плывутъ. Всѣ бросились изъ заработковъ къ домамъ; пропитываяся же, такъ истощилися, что уже, не только что въ домѣ осталось, да и на плечахъ одежа чуть-чуть держится; продать и заложить вовсе нечего; такъ всѣ къ Тихону... у него своей рукой берутъ и мукою и печенымъ. А какъ прошла молва вездѣ, что въ такомъ-то селѣ есть Царская сумма, и что на нее раздаютъ всѣмъ хлѣбъ, такъ со всѣхъ мѣстъ народъ такъ и нахлынулъ.

Уже чуть-чуть хлѣба стаетъ, уже такъ-что въ закромахъ мѣркою и дно черкается; да уже Тихонъ и не тужитъ, хоть и Царскую сумму всю кончилъ, и у самаго, не только чтобы какая копѣечка, да и одежа старенькая, только та, что на немъ, да на женѣ и на дѣтяхъ. И негдѣ ничего уже и взять; такая бѣдность, такая бѣдность, что сохрани Матерь Божія!... а Тихонъ ничѣмъ и не уважаетъ и не слушаетъ, какъ его Стеха и бранитъ и ругаетъ; ему все нужды нѣтъ, потому-что видитъ, какъ Господь милосердый, Отецъ нашъ небесный, послалъ благодать въ новомъ хлѣбѣ. Да и хлѣбъ же Богъ уродилъ!

старые люди, что лѣтъ по семьдесятъ живутъ на свѣтѣ, не запомнятъ такаго! Какъ же приспѣлъ, какъ бросились всѣ, кто только смогъ, и мущины, и женщины, и мальчики, да и дѣти туда же: кто жнетъ, кто перевязь вертитъ, кто связываетъ, а кто носитъ снопы, да такіе, что сильному человѣку больше двухъ не можно и поднять; а однаго и погонецъ (мальчикъ лѣтъ 14-ти, при паханьѣ погоняющій воловъ въ плугѣ) не донесетъ. Какъ же по гумнамъ ударили въ цѣпы... такъ что копна (60 сноповъ), то и четверть!.. Вотъ уже хвалили Господа милосердаго!

А какъ привелъ милосердый Создатель нашъ разговѣться новымъ хлѣбомъ!... Вотъ уже радость была! Таки именно, какъ на великъ-день (Свѣтлое Воскресеніе), кто живой дождетъ! разгавливались паскою освященною, такъ всякъ принималъ новый хлѣбъ въ первый разъ—и уже перваго куска не съѣлъ его сухаго... обольетъ его слезами, благодаритъ отъ чистаго сердца Господа милосердаго, да тогда и съѣстъ...

Что же самп поѣли, а что стали непмущихъ, да проходящихъ обдѣлять. У пнаго уже полная торба, а тутъ еще ему тычутъ хлѣбъ: «возьми» говорятъ «пожалуйста возьми, сдѣлай милость, будь ласковъ, возьми.» Такъ-то всякъ, какъ узпаетъ нужду, такъ по неволѣ добрымъ станетъ...

Что же съ нашимъ Тихономъ? Можетъ, люди въ счастьѣ его совсѣмъ забыли? Ну, ну; не знаю, чтобъ такаго старателя забыли. Была ли въ селѣ такая душа, хоть старое, хоть малое, чтобъ ему не благодарили! И какъ же можно? Всякъ видѣлъ, что онъ лишился и денегъ, и скотины, и всего имущества, обобралъ и жену, и дѣтей, самъ свелся ни на что, и все за тѣмъ, чтобъ пропитать людй, не то, чтобы бѣдныхъ, неимущихъ, да-таки и всѣхъ, потому-что голодъ всѣмъ равенъ былъ. А что наиболѣе онъ мудро сдѣлалъ, что раздалъ людямъ сѣмена на посѣвъ. Чтобы теперь дѣлали? и какъ бы вышли опять изъ бѣды? Черезъ него же и Царскій Генералъ оставилъ здѣсь Царскую казну, и ею пропитался въ самое злое время! Такъ какъ бы то уже его забыть? Вотъ же-то, какъ только хлѣбъ поспѣлъ, такъ тотчасъ отъ всякаго двора вышло по женцу, и въ одинъ день всю ниву Тихонову сжали, и повязали и въ копны склали. А какъ пекли новый хлѣбъ, такъ каждый хозяинъ принесъ, или прислалъ ему по новому хлѣбу.

Это было на самаго Прокопія (8-го Іюля); какъ только насталъ день Божій, такъ и повалилъ народъ къ Тихону... Человѣкъ войдетъ, помолится, хлѣбъ святой положитъ, да Тихону припадетъ къ ногамъ и сквозь слезы говоритъ: «прими, дядюшка, хлѣбъ святой, что черезъ тебя Богъ послалъ мнѣ съ семьею моею, что ты ихъ пропиталъ въ такую несчастную годину.» Тамъ дитя вбѣжитъ, да тоже хлѣбецъ не-

сетъ, да лепечетъ: вотъ это, дѣдушка, мама тебѣ
прислала уже нашего, за то, что ты, спасибо тебѣ,
насъ черезъ зиму прокормилъ. Я какъ великъ буду,
сто все тебѣ буду благодарить и тебѣ хлѣбецъ носить,
что черезъ тебя моя бабушка не умерла и я съ го-
лоду не пропалъ.» Тамъ войдетъ дѣвчонка, да все съ
хлѣбомъ, да съ благодарностію, что ихъ, сиротъ,
безъ отца и безъ матери, онъ прокармливалъ и не
далъ имъ въ нуждѣ погибнуть. Тамъ сей, тамъ тотъ,
и все благодарятъ, все хлѣбъ несутъ ему, какъ пре-
жде сего отъ него хлѣбъ брали. Принималъ онъ,
принималъ тѣ хлѣбы, складывалъ ихъ все на столъ,
а самъ знай-только слезы отираетъ, пока наклалъ
ихъ полонъ столъ; надъ тѣмъ хлѣбомъ сложилъ на-
крестъ руки, поднялъ глаза къ Богу, да какъ запла-
четъ, какъ бросится на колѣна, и сталъ тихонько
молиться. . . а потомъ всталъ, сталъ благодарить лю-
дямъ, что принесли каждый ему уже своего новаго
хлѣба, а потомъ и говоритъ: «не зачто меня благо-
дарить за пропитаніе ваше: Господь насъ всѣхъ, по
милосердію Своему, не оставилъ и послалъ намъ та-
каго милосердаго Царя, что и мѣры нѣтъ. Безъ
Его любви, хлопотъ и старанія объ насъ чтобы мы
всѣ! Магазейны тѣ, что по Его повелѣнію намъ да-
вно должно было наполнить, а мы объ нихъ и не
думали, да весь хлѣбъ поѣдали — могли бы насъ
удоволить, хоть бы и совсѣмъ полны были? Нѣтъ,
не надолго стало бы и того хлѣба. Такъ Онъ намъ
прислалъ Свою казну, повелѣлъ по всѣмъ мѣстамъ

покупать хлѣбъ и насъ пропитать; повелѣлъ, чтобы, кто хочетъ, расходились въ лучшія мѣста для заработковъ, и за билеты не повелѣлъ съ насъ денегъ брать и про подушное не велѣлъ безпокоить; такъ вотъ Кто насъ отъ бѣды избавилъ! А я что? Что я могъ самъ сдѣлать? Ничегохонько. Да и послѣ я исполнялъ только волю Царскую и начальниковъ; кого бы изъ васъ ни приставили, всякъ бы тоже сдѣлалъ. Такъ не мнѣ должно благодарить; уже вы мнѣ и такъ много помочи дали, убравъ хлѣбъ. Теперь благодарите прежде всего Богу милосердому, Отцу на небеси, а послѣ Царю нашему, щедрому Отцу на земли, да и станемъ дѣлать, что намъ повелѣваютъ: Господь велитъ любить и помогать одинъ другому и Царь тоже повелѣваетъ. А намъ еще должно знать, что безъ денегъ не можно ничего сдѣлать, какъ и сами при этой лихой годинѣ видѣли, такъ и Царю нашему не можно ни войска содержать, и никакаго порядка дать; а казны много истрачено въ этотъ годъ ни на кого же больше, какъ на насъ, по всѣмъ Губерніямъ, гдѣ голодъ былъ; такъ и намъ теперь должно, какъ можно, броситься и заработывать, да подушное взносить, да недоимку, на комъ есть, уплачивать: тогда и Царь насъ пожалуетъ, и Господь помилуетъ, и видя, что мы добрыя и покорныя дѣти, не пошлетъ намъ больше никакой бѣды, и Царя нашего сохранитъ на семъ свѣтѣ для нашего же счастья на многія лѣта.»

Тутъ весь народъ — а ихъ было-таки не мало однихъ стариковъ—такъ и закричали: сохрани Его Господи для нашего и дѣтскаго счастія на многія лѣта!

Какъ тутъ—откуда услышался колокольчикъ... и прискакалъ Исправникъ, да прямо къ Тихону въ хату, да и крикнулъ тотчасъ: «ступайте весь народъ къ волости; Губернаторъ пріѣхалъ; собирайтесь всѣ; есть дѣло. Тихонъ, пойдемъ со мной и съ женою и съ дѣтьми.»

Вотъ народъ и бросился весь къ волости, а по дворамъ десятскіе бѣгаютъ, да собираютъ, чтобы и старое и малое, всѣ чтобы шли туда, потому-что дѣло есть. Собралась громада, а тутъ и Исправникъ пришелъ и за нимъ Тихонъ, и Стеха и дѣти ихъ. Стеха бы то шла, да на-двое думала: зачѣмъ ее съ дѣтьми ведутъ къ Губернатору? Или меня накажутъ, зачѣмъ я все бранилась съ Тихономъ; или, больше того, что его накажутъ, зачѣмъ обобралъ у меня всю одежу; и когда бъ таки хорошенько, да хорошенько...

Только-что стали къ волости доходить, тутъ вышелъ къ громадѣ самъ Губернаторъ и спрашиваетъ: гдѣ Тихонъ Брусъ? Вотъ Исправникъ и подвелъ его. Губернаторъ взялъ его за руку, и поставивши подлѣ себя, да и говоритъ: «стань здѣсь, почтенный ста-

ричокъ!» да и далъ Исправнику бумагу и велѣлъ вслухъ читать... Господи милостивый! Что же то тамъ написано было!

Къ Самому Царю дошло до свѣдѣнія, что въ этотъ голодный годъ Тихонъ дѣлалъ, какъ старался, какъ людей пропитывалъ, и какъ за Царскую казну исправно покупалъ и порядкомъ его всѣмъ раздавалъ; а что наиболѣе, что самъ всего своего имѣнія лишился и все употребилъ на пропитаніе людей въ своемъ селѣ. Такъ за это все Царь прислалъ ему медаль серебряную, великую, а на ней самое таки настоящее Царское лице, и повелѣвалъ ту медаль надѣть на Тихона на лентѣ, да широкой, да красной, какъ обыкновенно бываетъ *кавалерія*. Да еще сверхъ того повелѣвалъ изъ Своей Царской казны выкупить все имущество, что заложилъ Тихонъ, и его, и женнино, и дѣтское, и пополнить ему всѣ деньги, сколько онъ издержалъ на пропитаніе людское.

Какъ это прочитали, такъ народъ удивился отъ радости, а Тихонъ стоитъ наклонивши голову и не помнитъ себя, въ раю ли онъ, или гдѣ? Малой ли чести онъ дожилъ?

Потомъ Губернаторъ вынулъ изъ ящика ту Царскую медаль и повѣсилъ на лентѣ на шею Тихону, а тотъ такъ и упалъ на колѣна, да плачетъ же-то отъ радости, какъ малое дитя. А тутъ и Стеха съ

дочками тоже припала къ ногамъ Губернатора, да цалуетъ ихъ; только уже неизвѣстно, рада ли она была медали, что мужу ея надѣли, или тому, что воротилися ея очипки, и плахты, и намисты, и все...

Вотъ Губернаторъ, надѣвши медаль, поднялъ Тихона и поцаловалъ его въ голову и сказалъ: «поздравляю тебя, почтенный старичокъ, съ Царскою милостью!» Потомъ велѣлъ Исправнику все имущество Тихоново, что тутъ было уже привезено и изъ-подъ залога выкуплено, и деньги, сколько повелѣно было, отдать все Тихону, а обществу приказать, чтобы всѣ Тихона и уважали и почитали. А женѣ приказывалъ, чтобъ не спорила и не бранилась съ мужемъ, и слушала бы его во всемъ, и дѣтей учила слушать отца потому, что онъ ни вздумаетъ, то все на пользу. Потомъ опять къ Тихону и говоритъ: «видишь, старикъ! ты не ошибся: дѣлай добро, вотъ и тебѣ будетъ добро!» Потомъ поклонился народу, садясь въ свою коляску, да и сказалъ: «Прощайте, люди добрые! молитесь за Царя!...» да и поѣхалъ скоро себѣ.

А народъ же-то весь, снявши шапки и поднявши руки къ Богу, такъ въ одинъ голосъ и зашумѣли:

«Подержи Его, Господи, въ счастьѣ и здоровьѣ на этомъ свѣтѣ и при насъ, и при нашихъ дѣтяхъ и

внукахъ, что Онъ насъ въ самую злую годину не оставилъ и пропиталъ насъ, какъ отецъ дѣтей, и того наградилъ, кто пекся объ насъ. Пошли, Господь милостивый! Царю нашему и Царицѣ всего, чего Они отъ Тебя желаютъ и что Ты знаешь, за Ихъ добродѣтель, Имъ послать.»

Вотъ такъ-то мы молимся каждый день, и дѣтей учимъ, за то добро, что Онъ намъ посылаетъ каждый день.

Съ Малорос. В. Н. С.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ТОМАСЪ МОРУСЪ

Мы почти вовсе еще не знакомы съ произведеніями Итальянской Литературы, особенно современной. Представляемъ здѣсь читателямъ нашимъ переводъ трагедіи графа Сильвіо Пѐллико. Этотъ писатель, занимающій почетное мѣсто въ новѣйшей Итальянской словесности, у насъ извѣстенъ только по нѣкоторымъ сочиненіямъ въ прозѣ. Конечно, рѣдкому не удалось прочитать на Рускомъ языкѣ прекрасной книги его *Объ Обязанностяхъ человѣка* (Dei Doveri degli Uomini), которой давно уже отдана справедливость во всѣхъ Христіанскихъ земляхъ.

На одной чертѣ съ нею стоитъ еще другая книга Пеллико, подъ заглавіемъ: *Мои Темницы* (Le mie

Prigioni). Она появилась ранѣе первой, и, по взаимному ихъ отношенію, должна была предшествовать ей. Онѣ между собой въ такой же связи, какъ практика и теорія, какъ опытъ и философія. Одна служитъ объясненіемъ другой. *Темницы* были школою, гдѣ воспиталъ себя Пеллико-*христіанинъ*. Безъ нихъ, можетъ-быть, міръ увидѣлъ бы только Пеллико-*писателя*, и не зналъ бы разсжуденія его *объ Обязанностяхъ*.

Лучшимъ судомъ о Пеллико и объ этихъ двухъ книгахъ можетъ служить впечатлѣніе, произведенное одною изъ нихъ на Пушкина. Вотъ что напечаталъ онъ по-случаю объявленія о выходѣ въ свѣтъ Русскаго перевода сочиненія *объ Обязанностяхъ*.

«На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei Doveri degli Uomini, сочиненія славнаго Пеллико.

«Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни едпнаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизустъ, которое не было бы уже *пословицею народовъ*; она не заключаетъ уже для насъ ничего непзвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ—и такова ея вѣчно-новая прелесть, что если мы, пресы-

щенные міромъ, или удрученные унынiемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

«И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ Евангелiи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приблизились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди небеснаго Учителя.

«Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги: «о подражанiи Iисусу Христу,» Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ избраннымъ, которыхъ Ангелъ Господнiй привѣтствовалъ именемъ *человѣковъ благоволенія*.

«Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ, и получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

«Признаемся въ нашемъ суетномъ зломыслiи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упре-

ка или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искуствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга: Dei Doveri устыдила насъ и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка-христіанина.

«Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.»

Причиною многолѣтней неволи Пеллико было легкомысленное участіе его въ политическихъ дѣлахъ Италіи.

Въ 1820 году онъ былъ взятъ подъ стражу и отведенъ въ темницу, гдѣ, розно съ нимъ, сидѣлъ и другъ его Марончелли*. Два раза перемѣнилось уже мѣсто ихъ заключенія, когда въ 1822 году имъ былъ объявленъ въ Венеціи, на эшафотѣ, приговоръ къ смертной казни, вмѣсто которой однакожъ императоръ Австрійскій присудилъ Марончели къ 20-ти лѣтнему, а Пеллико къ 15-ти лѣтнему заточенію въ Моравской крѣпости *Шпильбергъ*. При отправленіи же туда, имъ объявили, что срокъ ихъ наказанія сокра-

* Написавшій *Прибавленія къ моимъ Темницамъ* (Addizioni alle mie Prigioni).

щается въ-половину. Тамъ опять раздѣлили друзей. Уже изнуренный почти двухлѣтнимъ узничествомъ, Пеллико ослабѣвалъ день-ото-дня. По прошествіи нѣкотораго времени, перевели его въ лучшую комнату, изъ которой онъ могъ даже выходить и гулять по стѣнамъ крѣпости. Все это не спасло его отъ тяжкой болѣзни. Въ 1823 году онъ занемогъ; но, благодаря помощи и усердію тюремщика, скоро выздоровѣлъ. Когда же въ послѣдствіи опять заболѣлъ, тогда Марончелли, переведенный къ нему, ухаживалъ за другомъ. Наконецъ въ 1830 году ихъ выпустили на волю и перевезли въ Италію. Въ Мантуѣ Пеллико разстался съ Марончелли, который въ послѣднее время заточенія принужденъ былъ отнять себѣ больную ногу. Нашъ авторъ оставался еще нѣсколько времени подъ надзоромъ правительства, пока не получилъ позволенія отправиться къ своимъ родителямъ въ *Туринъ*.

Отецъ его, Онорато Пеллико, извѣстный своими лирическими стихотвореніями, жилъ въ Піемонтскомъ городѣ Салуццо, когда родился Сильвіо. Устроивъ шелковую прядильню, Онорато воспиталъ здѣсь сына своего и старался развить въ немъ наклонность къ поэзіи. Сильвіо съ молодыхъ лѣтъ началъ испытывать силы въ стихотворствѣ, но сперва безъ особеннаго успѣха. На шестнадцатомъ году поѣхалъ онъ вмѣстѣ съ своею сестрой въ Ліонъ, гдѣ ее ожидала свадьба. Молодой человѣкъ, развлеченный свѣтомъ,

почти совершенно забылъ уже свою Италію; но случайно попалось ему въ рукп знаменитое стихотвореніе Уго Фосколо: *Гробницы* (I Sepolchri), и оно пробудило въ немъ такъ сильно воспоминаніе объ отечествѣ, что онъ тогда же возвратился въ Италію. Въ Миланѣ приняли его чрезвычайно ласково Монти* и Фосколо: съ первымъ связала его вскорѣ самая тѣсная дружба. По уничтоженіи Итальянскаго королевства, семейство Пеллико переселилось въ Турпнъ, но Сильвіо остался въ Миланѣ, гдѣ воспитывалъ дѣтей графа Луджи Порро Ламбертенги. Здѣсь-то Пеллико написалъ первую трагедію свою *Лаодикея* и вслѣдъ за ней другую: *Франческа изъ Римини*. Съ послѣдней и начинается его литературная слава. Здѣсь же былъ онъ вовлеченъ въ заблужденіе, стопвшее ему, какъ мы видѣли, такъ дорого.

Между трагедіями его, которыхъ число довольно значительно, предлагаемая нами есть одна изъ первыхъ по достоинству и послѣднихъ по времени сочиненія. Онъ ее кончилъ въ 1833 г. Въ подлинникѣ она написана стихами. Пусть по ней каждый судитъ о Пеллико, какъ о драматическомъ писателѣ.

Герой ея, канцлеръ Англійскаго королевства, Томасъ Морусъ, принадлежитъ къ разряду замѣчательнѣйшихъ и самыхъ возвышенныхъ характеровъ, какіе представляетъ исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ.

* Драматическій писатель и переводчикъ Иліады.

Морусъ родился въ 1480 году, и вся жизнь его посвящена была истинѣ и добродѣтели. Нехотя принялъ онъ первую почетную должность, которая открыла ему путь къ величію; но безпрестанныя милости, которыми Генрихъ VIII осыпалъ его, не могли измѣнить его сердца: строгая честность и безкорыстіе руководили всѣми его дѣйствіями. Но онѣ же и были причиною погибели его. Когда Генрихъ VIII, ослѣпленный страстію къ Аннѣ Болейнъ, отступилъ отъ католической церкви для расторженія брака съ королевою, Морусъ въ 1533 году сложилъ съ себя званіе канцлера и упорно отказывался отъ присяги. Его посадили въ темницу: ни друзья, ни родственники не могли поколебать твердости его. Уже приговоренный къ смерти, онъ наканунѣ казни доказалъ всю силу духа письмомъ къ дочери своей Маргаритѣ, и на самомъ эшафотѣ сохранилъ величіе добродѣтели. Онъ былъ казненъ въ 1535 году. Морусъ оставилъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ самое извѣстное *Утопія*.

Лжесвидѣтельство Ричарда Ричи противъ Моруса есть фактъ историческій. Выслушавъ приговоръ къ смерти, вотъ что Морусъ сказалъ судьямъ своимъ: «молю Господа, чтобы онъ, по своему милосердію, удостоилъ меня и васъ, судей моихъ, принять въ царство небесное.» Елисавета Бартонъ, извѣстная подъ названіемъ *Кентской дѣвушки*, также принадлежитъ исторіи. Одинъ Альфредъ есть вымышленное

лице: Пеллико желалъ изобразить имъ тѣхъ несчастныхъ, которые готовы итти по стезѣ добродѣтели, если для этаго не требуется никакихъ жертвъ, но которые покидаютъ ее изъ малодушія. Кромвель, покровитель Анны и рабски исполняющій жестокія повелѣнія Генриха, не принадлежалъ къ той фамиліи, изъ которой вышелъ столь извѣстный Оливьеръ Кромвель. Характеры всѣхъ прочихъ лицъ сохранены въ томъ видѣ, какъ ихъ изображаетъ исторія. Другъ Моруса, прежде него приговоренный къ смерти, былъ Фишеръ, епископъ Рочестерскій.

Мыслью избрать смерть Моруса предметомъ трагедіи Пеллико обязанъ былъ маркизѣ Джуліеттѣ ди Бароло, урожденной Кольберъ, которой и посвятилъ трудъ свой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГЕНРИХЪ VIII, король Англіи.
АННА БОЛЕЙНЪ, вступившая съ нимъ въ бракъ послѣ развода его съ Екатериною Арагонскою.
ТОМАСЪ МОРУСЪ, бывшій канцлеръ королевства.
МАРГАРИТА, дочь Моруса.
КРОМВЕЛЬ, царедворецъ.
АЛЬФРЕДЪ, старый судья.
Офицеръ.
Придворникъ.
Малолѣтные сыновья и дочери Моруса.
Судьи.
Свидѣтели.
Граждане.
Стража.

Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ въ 1535 году

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Королевскій дворецъ.

СЦЕНА I.

Анна одна.

Анна. Однимъ словомъ я могла бы заставить разгнѣваннаго Генриха истребить врага моего семейства—Томаса Моруса, моего врага... Но меня пугаетъ слава этаго человѣка, который своимъ необыкновеннымъ умомъ сдѣлался такъ дорогъ королевству, снискалъ такое уваженіе во всѣхъ концахъ Европы! Я не хотѣла бы, чтобъ онъ остался живъ, а не смѣю предать его смерти. Я дочь Британіи—и какъ Британкѣ, мнѣ жаль погубить человѣка, которому мое отечество обязано такою славою. Ну, а если бъ я его спасла? Если бъ я успѣла привлечь его на свою сторону?

СЦЕНА II.

Альфредъ и Анна.

Анна. Альфредъ, ты?

Альфредъ. Королева, ты должна меня выслушать.

Анна. Чѣмъ ты такъ встревоженъ?

Альфредъ. Мнѣ, какъ старику, позволено говорить и вамъ правду. Льстецы, восхваляя твой умъ, болѣе

всѣхъ измѣняютъ тебѣ. Они льстятъ тебѣ только потому, что Генриху вспала мысль тебя посадить возлѣ себя на престолѣ. Никто болѣе меня не радуется твоему блистательному счастію; никто болѣе меня не можетъ этому радоваться, потому-что я съ самыхъ молодыхъ лѣтъ жилъ въ дружбѣ съ твоимъ отцомъ; я видѣлъ, какъ ты росла вмѣстѣ съ моими дѣтьми; я тебя люблю какъ свою дочь. Всѣми милостями, которыми я пользуюсь отъ короля, я одолженъ твоей ко мнѣ любви. Я не могу утаить отъ тебя, что ты окружена большими опасностями.

Анна. Что такое?

Альфредъ. Прошу тебя, будь осторожна. Старайся отвратить отъ себя ненависть, которую возбуждаютъ ужасныя казни, производимыя почти ежедневно по повелѣнію короля. Народъ думаетъ, что ты причиной этихъ казней, что все это дѣлается по твоимъ наущеніямъ.

Анна. Небо видитъ, какъ эти убійства мнѣ противны.

Альфредъ. Но ты не стараешься уменьшить ихъ.

Анна. Неизбѣжна была смерть большей части этихъ фанатиковъ, которые, проклиная разводъ короля и обращеніе Англійской церкви къ реформѣ, хотѣли возвести снова на престолъ мою соперницу.

Альфредъ. Екатерина навсегда удалена отъ престола: тебѣ нечего бояться ея. Тебя должно устрашать гораздо болѣе всеобщее порицаніе. Оно испугаетъ переменчивое сердце твоего супруга. Онъ, можетъ быть, ужаснется пролитой крови; можетъ быть, возненавидитъ тебя, причину этихъ кровопролитій...

Анна. Не слишкомъ ли смѣло ты говоришь?

Альфредъ. Анна...

Анна. Продолжай, о продолжай, я тебя прошу о томъ: да, я чувствую, какъ нуждаюсь въ твоихъ совѣтахъ. Я провожу время въ праздникахъ, окружена лестью, и, не смотря на то, иногда какъ бы не вѣрю моей блистательной судьбѣ и.... нѣтъ Альфредъ, я *не* счастлива.

Альфредъ. Твое счастіе въ твоей волѣ. Ты можешь достигнуть его, располагая сердце короля къ милосердію, и тѣмъ пріобрѣтая право на уваженіе и благодарность каждаго Британца.

Анна. Увы, Альфредъ! мое вліяніе на сердце короля не такъ сильно, какъ ты думаешь. Чего не говорила я ему, чтобы избавить отъ костра или отъ плахи то однаго, то другаго?

Альфредъ. Да, я готовъ тебѣ вѣрить; но народъ, Анна, народъ не повѣритъ. Онъ содрогается отъ ужа-

са, что ты не спасла этой Кентской дѣвушки, которая была такъ извѣстна чистотою своей жизни.

Анна. Елисавету! эту бѣшеную Елисавету! Изъ сожалѣнія къ моему полу я хотѣла спасти ее. Ты этаго не зналъ. Нечестивица осмѣлилась пренебречь мною, не хотѣла признать меня королевою и напророчила мнѣ столько ужаснаго. Я оставила ее.

Альфредъ. Я видѣлъ, какъ ее влекли на эшафотъ; да, Анна Болейнъ, я это видѣлъ. Я слышалъ ея послѣднія слова. Прикажешь пересказать ихъ?

Анна. Чтожъ она сказала?

Альфредъ. Ни одинъ изъ твоихъ придворныхъ, только привыкшихъ къ обманамъ и ласкательствамъ, вѣрно не осмѣлился бы пересказать ихъ тебѣ.

Анна. О небо!

Альфредъ. Мы, преобразователи церкви, напрасно хотѣли бы причислить къ оглашеннымъ каждаго изъ нашихъ противниковъ, каждаго изъ послѣдователей Римскаго богослуженія. О, нѣтъ! между ними есть люди столь великіе душею, столь добродѣтельные, одаренные отъ Бога такими качествами, что мы противъ воли должны ихъ уважать, должны ихъ страшиться. Эта дѣвушка, о которой мы говорили, в

самомъ дѣлѣ, казалось, была движима волей Всемогущаго.

Анна. Чтожъ она говорила, умирая? Она проклинала насъ?

Альфредъ. Она простила вамъ! Она молилась Богу за васъ—за тебя!

Анна. Несчастная!

Альфредъ. Благородны были ея сѣтованія объ отчизнѣ, такъ долго терзаемой внутренними раздорами. Она молилась, чтобы Господь умилосердился надъ тобою, чтобы направилъ шаги твои къ пути лучшему. Потомъ...

Анна. Ты останавливаешься? не смѣешь говорить далѣе?

Альфредъ. Потомъ воскликнула: «но горе несчастной «любимицѣ Генриха, если она не оставитъ стези не«правды! если снова позволитъ пролитіе крови без«винныхъ католиковъ! если допуститъ смерть невин«нѣйшаго изъ смертныхъ!»

Анна. Ктожь онъ?

Альфредъ. Морусъ! Если кровь Моруса будетъ пролита, она предвѣщала тебѣ немилость короля — и смерть!

Анна. И ты могъ думать...

Альфредъ. Что это предвѣщаніе неба? Ты вѣришь: твоя блѣдность говоритъ за тебя.

Анна. Ты правъ. Невольный ужасъ и какое-то предчувствіе несчастія неразъ уже терзали меня. Это, можетъ быть, слабость; но побѣдить ее я не-въ-силахъ. Благодарю, что ты осмѣлился пересказать мнѣ. Я хочу, да, я хочу употребить всѣ усилія, чтобы отвратить сердце Генриха отъ этихъ казней, къ которымъ его побуждаютъ другіе. Морусъ врагъ мой, но я не ненавижу его. Кто это идетъ?

СЦЕНА III.

Придворный и тѣ же.

Придворный. Ваше Величество изволили обѣщать аудіенцію Маргаритѣ, дочери Моруса.

Анна. Она? здѣсь? Я ее ожидаю. Ступай, Альфредъ. Ты не напрасно былъ великодушенъ: я буду помнить твои совѣты.

СЦЕНА IV

Анна одна.

Намъ всѣмъ необходима добродѣтель! И я, такъ удалившаяся отъ нея, я ее уважаю, я ее люблю, я

жажду добродѣтели! Это предсказаніе Елисаветы въ торжественную минуту ея смерти меня мучитъ. . . . Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ былъ голосъ Бога, призывающій меня къ добродѣтели! . . .

СЦЕНА V.

Анна и Маргарита.

Маргарита. Государыня. . . .

(Опускается на одно колѣно).

Анна. Встаньте, несчастная.

Маргарита. Аудіенція, на которую вы наконенъ благоволили согласиться, снова рождаетъ въ моемъ сердцѣ нѣкоторую надежду.

Анна. Тягостный долгъ, неизвѣстный другимъ, запрещаетъ мнѣ видѣть дочь обвиненнаго такъ часто, какъ бы я хотѣла.

Маргарита. Я не могу вѣрить, чтобы корона могла совершенно измѣнить Анну Болейнъ. Я знала васъ нѣжною, сострадательною къ несчастнымъ. О, вы тѣ же еще и теперь, хотя и окружены величіемъ и ласкательствомъ! Нѣтъ, вы не перемѣнились. Въ вашихъ глазахъ я читаю ваше сердце, которое нѣкогда любило дочь Моруса.

Анна. О, какое то было блаженное для меня время, когда я могла называть тебя своею подругою! Говори, чѣмъ я могу облегчить твои страданія?

Маргарита. Зачѣмъ отецъ мой, какъ низкій преступникъ, уже болѣе года томится въ заключеніи? Не потому ли, что онъ навлекъ на себя ваше негодованіе? Будьте къ нему снисходительны! Да внушатъ вамъ уваженіе его чувства всегда великодушныя, всегда искреннія; не называйте преступленіемъ его противоборства: онъ поступалъ по своимъ правиламъ, а не изъ ненависти къ вамъ. Если, увлеченный своею ревностію къ общему благу, онъ возставалъ противъ вашего брака съ королемъ, вѣрьте, что онъ поступалъ такъ изъ любви къ справедливости, къ отечеству и къ вамъ. Да, государыня, къ вамъ. Не одинъ отецъ мой страшился, что бракъ вашъ будетъ причиною вашего несчастія. Не одинъ другъ пытался отговорить васъ. О, не гнѣвайтесь на слова мои: выслушайте меня. . . . Если Богъ допустилъ совершиться вашему браку, котораго всѣ такъ страшились: да благословитъ Онъ его! Но Господь не можетъ благословить вашего брака, пока Анна Болейнъ не сдѣлается ангеломъ мира, пока гибнутъ за нее праведники, пока отецъ мой, вѣрнѣйшій совѣтникъ короля, будетъ угнѣтаемъ подобно измѣнннку.

Анна. Я знаю, что народъ обвиняетъ меня и за всѣ казни и за участь твоего отца. Но вѣрь мнѣ, я не

такъ злобна, какъ думаютъ; часто я умоляю короля о спасеніи осужденныхъ, но онъ, хотя и любитъ меня, всегда мнѣ отказываетъ. Я употреблю всѣ средства къ спасенію твоего отца—я отъ души желаю его спасенія; но онъ самъ долженъ содѣйствовать мнѣ. Пусть гордый умъ его нѣсколько уступитъ обстоятельствамъ.

Маргарита. Чтобы склонить его на это, я прошу васъ допустить меня къ нему. Напрасно враги его надѣются побѣдить мужественную его, чистую душу темницею и варварскими угрозами: кротость могла бы ее смягчить, но преслѣдованія только болѣе ожесточаютъ ее.

Анна. Какъ? Неужели ему не позволено даже видѣть своихъ дѣтей?

Маргарита. Нѣтъ, королева.

Анна. По приказанію короля? Мнѣ что-то невѣрится. Это вѣроятно по распоряженію Кромвеля, который присвоиваетъ себѣ слишкомъ много власти, и тѣмъ весьма часто заставляетъ ненавидѣть власть своего короля. Кромвель, это ты? Войди.

СЦЕНА VI.

Кромвель и тѣ же.

Кромвель. Королева!

Анна. Что я слышала? Морусъ лишенъ даже удовольствія видѣть своихъ дѣтей! Не можетъ быть, чтобы съ плѣнникомъ поступали такъ варварски съ согласія Короля.

Кромвель. Ваше Величество!

Анна. Проведи къ плѣннику эту даму, и я желаю, чтобы впередъ она могла безпрепятственно входить къ нему.

Кромвель. Я не смѣю повиноваться.

Анна. Дерзкій! И ты можешь думать, что Генрихъ откажетъ мнѣ въ такой бездѣлицѣ?

Кромвель. Королевство наполнено заговорами—и дозволивъ плѣннику видѣться съ родственниками, мы бы должны были всего бояться отъ его коварныхъ совѣтовъ за новую церковь и за короля.

Анна. Видишь ли, Маргарита? Каждое изъ моихъ желаній ты считала закономъ; а мнѣ даже въ самой бездѣлицѣ отказываютъ.

Кромвель. Вотъ идетъ самъ король.

Сцена VII.

Генрихъ и тѣ же.

Анна. Супругъ мой!

Генрихъ. Кто это падаетъ къ моимъ ногамъ?

Маргарита. Государь!

Генрихъ. Ты здѣсь? Ты? Дочь Моруса въ моемъ дворцѣ? Кто ввелъ тебя? Такъ вотъ какъ исполняются мои приказанія?

Анна. Любезный Генрихъ, умѣрь гнѣвъ свой! Я ...

Генрихъ. Королева, ты должна была подавать примѣръ въ точномъ исполненіи моихъ желаній. Томасъ Морусъ не долженъ надѣяться на прощеніе.

Маргарита. О, жестокое слово! Государь, умоляю. . . . .

Генрихъ. Вывести ее отсюда и впредь не впускать во дворецъ.

Маргарита. Несчастная!

Анна. Супругъ мой, я сама хотѣла съ нею говорить. Я надѣялась, что она, какъ дочь, поможетъ мнѣ поколебать душу Моруса—даже, можетъ-быть, побѣдить ее наконецъ.

Генрихъ. Такой души никакая сила не въ состояніи побѣдить: я ее знаю. Она слишкомъ походитъ на

мою. Наши души могутъ быть только—или въ вѣчномъ союзѣ, или въ вѣчной враждѣ!

Маргарита. Увы! я ухожу съ сердцемъ растерзаннымъ. О, Анна, удвой свои усилія, смягчи ужасный гнѣвъ Государя! возврати мнѣ моего отца!

сцена VIII.

Генрихъ, Анна.

Генрихъ. О, милый другъ мой, ужели ты всегда будешь такъ неосторожна, такъ перемѣнчива? То ненавидишь ты своихъ враговъ, то за нихъ же просишь. Заботы правленія не для тебя.

Анна. Но заботы о счастіи моего Генриха, онѣ мои!

Генрихъ. Я царствую во времена крови и раздоровъ, во времена, которыя требуютъ отъ скиптра твердости непоколебимой.

Анна. Твоей твердости удивлялись всѣ государи, всѣ народы Европы, когда ты, презирая враговъ своихъ, измѣны и войны, предпочелъ меня королевѣ отъ крови Кесарей. Кто не знаетъ силы твоего духа? И послѣ этаго нужно ли тебѣ каждый день прибѣгать къ казнямъ и ужасу для того, чтобы увѣрить народы въ твоей твердости? Оставь же твоей Аннѣ славу выпра-

шивать иногда помилованіе осужденнымъ. Враги мои назвали меня злою, потому-что я была тобою любима, потому-что я тебя любила. Пристыдимъ обвинителей, Генрихъ! Пусть узнаетъ свѣтъ, что сердце Анны не можетъ ненавидѣть долго; что гнѣвъ ея проходитъ скоро; что если она въ первыхъ порывахъ страсти и просила у тебя пролитія крови своихъ враговъ, то черезъ нѣсколько минутъ она сама ужасалась своей жестокости, проливала слезы объ участи оскорбителей своихъ и употребляла всѣ средства къ ихъ спасенію.

СЦЕНА IX.

Тѣ же и Кромвель.

Генрихъ. Что новаго, Кромвель?

Кромвель. Вотъ смертный приговоръ.

Анна. Чей? ужели Моруса?

Кромвель. Нѣтъ: его еще не судили.

Генрихъ (прочитавъ приговоръ). Другъ Моруса приговоренъ къ отсѣченію головы.

Анна. Кто это?

Генрихъ. Дерзкій епископъ, осмѣлившійся съ каѳедры говорить противъ насъ.

Анна. Нелегко забывать такія оскорбленія. Я со слезами просила тебя объ отмщеніи; но теперь, когда приблизилась минута мести, я содрогаюсь отъ ужаса, и прошу тебя, умоляю, чтобы ты вспомнилъ о его дряхлой старости, о священной одеждѣ, въ которую онъ облекается уже столько лѣтъ; чтобы ты вспомнилъ о томъ, что онъ нѣкогда носилъ меня еще ребенкомъ на своихъ рукахъ... Генрихъ, прости его! Не правда ли, Генрихъ, ты его прощаешь?

Генрихъ. Но развѣ ты забыла, что епископъ непримиримый врагъ мой и душа всѣхъ замысловъ Моруса? что онъ первый вооружалъ всѣхъ противъ моихъ установленій? что онъ первый побуждалъ всѣхъ не оставлять вѣроисповѣданія, которое я преслѣдовалъ, котораго я не терпѣлъ?

Анна. О, умоляю тебя, не подписывай приговора Выслушай меня. Мрачныя предчувствія терзаютъ мою душу; никогда еще сердце мое не было наполнено такимъ ужасомъ, какъ теперь. Прекрати эти казни. Хочешь ли ты утвердить свое владычество? пріучи Моруса благословлять тебя; великодушіемъ своимъ поставь его между твоими защитниками. Скажи ему, что ты его другу, приговоренному къ смерти, даришь жизнь, но съ тѣмъ только, чтобы онъ произнесъ присягу, тобой требуемую.

Генрихъ. Напрасное покушеніе. И если бы даже....

Анна. Умоляю тебя только въ этотъ разъ послѣдовать моему совѣту. О, если бъ ты зналъ, Генрихъ, какъ эта всеобщая ненависть отравляетъ каждую мою радость! И если ты увидишь печальною свою Анну, и ея грусть будетъ тебя мучить, знай, государь, что въ ея душѣ непреодолимое чувство, которое терзаетъ ее и говоритъ: «несчастная, тебя ненавидитъ народъ!» О, какъ бы я желала славы примирительницы, искренняго друга всѣхъ добрыхъ! Государь, эта слава въ твоей волѣ. Генрихъ, ты можешь доставить эту славу твоей Аннѣ. Не правда ли, ты ей не откажешь? Да?... О, я твоя Анна! я вижу, твои глаза блестятъ нѣжностію, твои взоры обѣщаютъ мнѣ побѣду. Какъ ты добръ, Генрихъ! Какъ я тебя люблю!

Кромвель. Государь....

Генрихъ. Я не подписываю сегодня смертнаго приговора. Я попытаюсь исполнить совѣтъ Анны. Кромвель, ступай къ Морусу, скажи ему, что королева удостоила просить о помилованіи преступнаго епископа. Скажи ему, что я готовъ избавить отъ эшафота этаго бунтовщика, но только съ однимъ условіемъ.

Кромвель. Какимъ?

Генрихъ. Что Морусъ поклянется оставить въ покоѣ реформу, и признаетъ законнымъ мой разводъ съ Екатериною и вступленіе въ новый бракъ съ Анною Болейнъ.

Анна. О какъ я счастлива: меня любитъ Генрихъ!

(Уходитъ съ королемъ.)

Кромвель. Безумная! что будетъ съ нами и съ нею, когда Морусъ снова войдетъ къ королю въ милость?

(Уходитъ).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Темница.

СЦЕНА I.

Морусъ одинъ.

Морусъ. Король такъ любилъ меня! я не вѣрю, чтобъ онъ могъ меня ненавидѣть. О, если бъ твердостію моею я успѣлъ произвести глубокое впечатлѣніе въ его сердцѣ! О, какъ бы я былъ счастливъ, если бъ онъ, превозносимый ласкателями, узналъ во мнѣ истиннаго друга, смѣло охуждающаго поступки его! Я еще не отчаяваюсь. И положимъ даже, что эти льстецы, которые его обманываютъ, изъ которыхъ ни одинъ его не любитъ, возьмутъ верхъ, что кажется почти вѣроятнымъ.... не уже ли всѣ мои заслуги, моя безукорзненная жизнь будутъ забыты? И забыта моя слава?.... Ну, а что если въ самомъ дѣлѣ неблагодарный Генрихъ предастъ голову слишкомъ

искренняго друга во власть палача?.. Палача?.. Нѣтъ, нѣтъ! я этаго не думаю! Прочь, мысли черныя!... Но я долженъ къ этому приготовиться, *сжиться* съ этою мыслію! Не измѣнивъ вѣрѣ, съ спокойнымъ ли сердцемъ отважился я на противоборство всѣмъ незаслуженымъ казнямъ? Былъ ли я увѣренъ въ побѣдѣ? Боже, ты знаешь, сколько теплыхъ молитвъ я возсылалъ къ тебѣ прежде начинанія! какъ тщательно я разсматривалъ свой долгъ, испытывалъ свои силы! И эти силы .... я ихъ чувствовалъ! Я ихъ чувствую еще! Всѣ мои мысли должны теперь обратиться къ одному—къ смерти! О, несчастныя сироты, дѣти мои, что будетъ съ вами? Сомнѣнье безумца! Они сдѣлаются дѣтьми Того, Кто всеобщій отецъ, покровитель сиротъ, несчастныхъ, и защитникъ дѣтей, которыхъ отецъ погибъ, не преклонивъ головы своей передъ порокомъ.

СЦЕНА II.

Кромвель и Морусъ.

Морусъ. Это ты, Кромвель?

Кромвель. По повелѣнію короля.

Морусъ. Что угодно Его Величеству?

Кромвель. Какая ужасная блѣдность! Томасъ Морусъ въ такой темницѣ! и уже болѣе года! Несчастный!

Ты видишь, какъ я разстроганъ.... О, ты теперь не тотъ, какъ былъ прежде! Какъ ты блѣденъ, какъ худъ . . . .

Морусъ. Я боленъ, да! Но моя душа не ослабѣла отъ страданій тѣла. Зачѣмъ пришелъ ты? вѣрно узнать, не упалъ ли я духомъ отъ разрушенія бреннаго тѣла въ смрадной темницѣ?

Кромвель. Морусъ, тебѣ все кажется, что я твой противникъ—и ты стараешься оскорблять меня словами. Я былъ противникъ твой во время твоего могущества; но теперь я могу только сострадать тебѣ, и употреблю всѣ усилія, чтобъ возвратить тебѣ снова милость короля: клянусь въ томъ.

Морусъ. Поклясться Кромвелю не трудно.

Кромвель. Твои слова заслужпвали бы мое презрѣніе... Но несчастіе твое такъ велико, что я не могу на тебя сердиться. Я отъ чистаго сердца желаю тебя спасти: вѣрь мнѣ.

Морусъ. Мы ужъ такъ давно знаемъ другъ друга; я помню такъ много доказательствъ и низкой зависти твоей, и твоего страха.... что совѣсть моя спокойна, если и теперь я смотрю на тебя какъ на лицемѣра. Говорю тебѣ, что думаю.

Кромвель. Я терпѣливо сношу оскорбленія, на которыя несчастнаго узника вызываетъ страданіе, и насильно предлагаю ему помощь.

Морусъ. Какое великодушное предложеніе!

Кромвель. Что ты такъ пристально на меня смотришь?

Морусъ. Я пишу на лицѣ твоемъ слѣда искренности, перемѣны привычекъ и обращенія къ добродѣтели. Мнѣ хотѣлось бы раскаяться въ томъ, что я съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на тебя; мнѣ хотѣлось бы остаться передъ тобой виновнымъ въ гордости, въ несправедливости; хотѣлось бы тебя уважать.... Но на твоемъ лицѣ я ничего не разберу: говори, чтобы я могъ узнать твою душу; сдѣлай такъ, чтобы я перемѣнилъ мое о тебѣ мнѣніе. Небо читаетъ въ моемъ сердцѣ. Если бъ я нашелъ, что ты невиненъ, я бы тотчасъ бросился къ твоимъ погамъ, просилъ бы прощенія въ обидныхъ словахъ монхъ.

Кромвель. Несчастный старецъ Рочестерскій приговоренъ къ смерти.

Морусъ. О небо! уже ли это правда? Самый непорочный человѣкъ! самый добродѣтельный въ Британіи епископъ! мой лучшій другъ! Но ты напрасно хочешь казаться печальнымъ — твоя маска дурна! Въ твоихъ глазахъ сверкаетъ нечестивая радость!

Кромвель. Ты можешь спасти своего друга.

Морусъ. Какимъ образомъ?

Кромвель. Король готовъ сохранить его жизнь, если ты присягнешь новой церкви и ея установленіямъ.

Морусъ. Ты говоришь правду?

Кромвель. Ты соглашаешься?

Морусъ. Ты спрашиваешь меня съ боязнію и трепетомъ. Ты страшишься, что Морусъ приметъ условіе.

Кромвель. Я исполняю порученіе короля.

Морусъ. Будь спокоенъ, не страшись. Нѣтъ, я не пріобрѣту снова милости королевской, я не приду смущать тебя, не открою твоихъ козней.

Кромвель. (Я дышу свободнѣе). И такъ смерть твоего друга . . .

Морусъ. Я не могу ее отвратить!

Кромвель. Но губя друга, ты губишь самаго себя. Недостойный никакой милости! Своенравный человѣкъ!

Морусъ. Ты сперва говорилъ со мною ласково, надѣясь, что твердость мою можно побѣдить, и что я снова стану искать милости у короля; но теперь, предвидя мою гибель, ты даешь волю своей ненависти.

Кромвель. Безумный гордецъ, ты потерялъ всякое право на снисхожденіе.

Морусъ. Желалъ ли я когда-нибудь снисхожденія отъ подобныхъ тебѣ?

Кромвель. Я до сихъ поръ отсовѣтывалъ королю предавать тебя на судъ. Но теперь остановлюсь—и приговоръ твой неизбѣженъ.

Морусъ. Если точно ты старался избавить меня отъ суда, вѣрно надѣялся, что темница унизитъ меня, и что я, подобно тебѣ, соглашусь влачить презрѣнную жизнь. Ты не дождешься этой радости.

Кромвель. Но я дождусь, увижу, какъ дерзкая голова, оторванная отъ плечъ твоихъ, покатится по песку.

Морусъ. Но ты скажешь: «я не могъ побѣдить его» и затрепещешь!

Кромвель. Кто идетъ?

СЦЕНА III.

Маргарита, офицеръ и тѣ же.

Морусъ. Ты здѣсь?

Маргарита. Батюшка!

Морусъ. Дочь моя! любезная дочь!

Кромвель. Что это? Король запретилъ. Морусъ не дол-
женъ видѣть утѣшительныхъ слезъ участія. Кто жы
осмѣлился? Разлучить ихъ.

Офицеръ. Остановитесь. На это есть повелѣніе короля.

Кромвель. Что это?

Маргарита. Батюшка, Анна Болейнъ проситъ за насъ.
Она мнѣ доставила счастіе, что я тебя вижу.

Морусъ. Господи! награди сострадательную Анну, и
возврати ее со стези порока и несчастія.

Кромвель. Недолго вамъ радоваться!

(Хочетъ уйти).

Маргарита. Постой, Кромвель, не уходи въ гнѣвѣ.
Оставь ряды нашихъ враговъ. Забудь великодушно
прежнюю вражду съ моимъ отцомъ. Довольно онъ вы-
терпѣлъ. Прими для славы своей сторону королевы,
помоги ей спасти моего отца.

Кромвель. Пустите, пустите меня! О коварные, вы
узнаете, каково еще мое могущество!

(Уходитъ. Офицеръ также).

СЦЕНА IV.

Морусъ, Маргарита.

Маргарита. Низкій человѣкъ! Батюшка, ты вѣрно опять раздражилъ его своимъ презрѣніемъ. Ты подтверждаешь слова мои. Позволь нѣжной дочери упрекнуть тебя. Ты всегда былъ такъ кротокъ, такъ уступчивъ!

Морусъ. Я желалъ бы со всѣми быть кротокъ. Но какая-то неодолимая сила побуждаетъ меня къ дерзости передъ лицемѣрами. Мнѣ тогда кажется, что невинно-притѣсненный обязанъ непреклонять предъ ними головы, уничтожать ихъ самонадѣянность презрѣніемъ. Это, можетъ быть, остатокъ гордости: но пусть небо проститъ мнѣ ее. Оно видитъ, что я о тѣхъ же самыхъ лицемѣрахъ, низкихъ льстецахъ, которыхъ упрекаю за ихъ низости, что я о нихъ сожалѣю, сострадаю къ нимъ и молюсь за нихъ.

Маргарита. Батюшка, ты служишь зеркаломъ столькихъ добродѣтелей! Если бы ты еще научился скрывать свои чувства передъ людьми, которые хотятъ и могутъ повредить тебѣ!

Морусъ. Ты думаешь, дочь моя, что я до сихъ поръ не скрывалъ своихъ чувствъ? Часто покушались вывѣдать мое мнѣніе о власти, которой Генрихъ домогается

надъ церковію въ Британніи, о разводѣ и притѣснительныхъ узаконеніяхъ. Но я отвѣчалъ двусмысленно, притворствовалъ; требовалъ времени на размышленіе. Это двуязычіе я называлъ тогда осторожностію, считалъ его безгрѣшнымъ и даже надѣялся извлечь изъ него пользу. Но теперь Богъ вложилъ въ мое сердце непреодолимое отвращеніе къ такому лицемѣрію, меня недостойному; я стыжусь своей прежней уклончивости; я нетерпѣливо желаю высказать имъ открыто все, что чувствую, излить передъ ними все, что до сихъ поръ таилось въ моей душѣ.

Маргарита. Что ты говоришь? О, я несчастная! Нѣтъ, батюшка, твои враги только и желаютъ заставить тебя произнести оскорбительное для закона слово, за которое бы онъ могъ бросить на тебя свои громы.

Морусъ. Предоставь Богу внушать мнѣ, когда я должна говорить и когда молчать. Лучше разскажи мнѣ, милая дочь, о матери твоей, о братьяхъ и сестрахъ. Зачѣмъ они не пришли вмѣстѣ съ тобой въ мои объятія?

Маргарита. Матушка больна отъ горести; часто умъ ея помрачается—и тогда она въ отчаяніи умоляетъ тебя не убивать ея, сохранить себя для нея, для ея дѣтей и для дѣтей твоихъ! Вокругъ нея рыдаютъ мои братья, мои сестры—и всѣ они день и ночь молятъ небо о заключенномъ отцѣ! Нѣтъ, никогда не было семей-

ства, болѣе достойнаго сожалѣнія, и о которомъ бы менѣе сожалѣли!.....

Морусъ. О, мои дѣти!

Маргарита. Батюшка! твои глаза наполняются слезами. Да, плачь, плачь надъ столькими сердцами, растерзанными, невинными, тебя любящими! Въ твоей волѣ утѣшить ихъ печаль, въ твоей волѣ разогнать эти мрачныя тучи бѣдъ, которыя тяготѣютъ надъ ихъ головою. Смягчи гнѣвъ короля, найди средство не отказать ему въ присягѣ, которой онъ отъ тебя требуетъ.

Морусъ. Но если одно только средство и остается— заглушить священный голосъ совѣсти? А, ты блѣднѣешь?

Маргарита. Если ты не уступишь—мы погибли! И такъ мы должны потерять тебя? Нѣтъ, батюшка, я не могу примириться съ этой мыслію. Сжалься надъ своими дѣтьми! сжалься надъ благочестивымъ епископомъ, твоимъ другомъ: онъ недалеко отсюда, простертъ въ ужасной темницѣ и ждетъ смерти, къ которой несправедливость его осудила, отъ которой ты одинъ можешь его спасти! Мнѣ позволили притти сюда, чтобы смягчить твою непреклонность. Горе мнѣ, если я должна возвратиться къ Генриху и сказать ему, что ты все твердъ въ своемъ отказѣ! Позволь увѣрить его....

Морусъ. Въ моемъ уваженіи, любви.

Маргарита. Въ покорности. . .

Морусъ. Истинѣ и религіи.

Маргарита. Позволь. . .

Морусъ. О Боже, уже ли я долженъ изъ растерзаннаго сердца вызвать еще голосъ строгости противъ моей дочери? Ни слова, слышишь ли ты? Не искушай меня. Дочери Моруса неприлично такое униженіе. Уже ли ты не знаешь, жестокая, что сладостный твой голосъ, слезы твои, горестная картина моего безутѣшнаго семейства, топоръ палача, подъятый надъ головой моего лучшаго друга—уже ли ты не знаешь, что все это пытка, которой я не-въ-силахъ вынести?

Маргарита. Батюшка!

Морусъ. Остановись. Отремъ слезы, недостойныя насъ обоихъ. Возвратись къ Генриху съ благородною смѣлостію. Покажи себя дочерью Моруса. Скажи ему, что я никогда не былъ его врагомъ и никогда не буду; но итти противъ вѣры отцовъ моихъ, ненавидѣть моихъ лучшихъ друзей, радоваться ихъ заточенію или смерти.... я не могу!...

Маргарита. Роковое слово!

Морусъ. Непремѣняемо! Дочь моя... твое дыханіе стѣснилось отъ страданій! О взгляни на меня! Послушай меня!... Пролей слезы твои сюда, на грудь мою! Я соберу ихъ съ любовью, я съ твоими слезами смѣшаю свои слезы. Но между-тѣмъ, какъ сердце твое будетъ изливать священную скорбь, пусть умъ твой останется холоденъ, а ты тверда!...

Маргарита. Боже! кто-то идетъ. Можетъ быть, насъ уже хотятъ разлучить съ тобою.

СЦЕНА V.

Офицеръ и тѣ же.

Офицеръ. Королева идетъ.

СЦЕНА VI.

Анна, стража и тѣ же.

Маргарита. Анна!

Морусъ. Какъ? Ты въ темницѣ Моруса?

Анна. Я сама хотѣла притти къ тебѣ вѣстницей счастія. Я уговорила короля дать тебѣ аудіенцію.

Морусъ. И такъ сбылось, о чемъ я столько молился! Я его увижу! Онъ меня выслушаетъ! Неожиданная

надежда снова наполняетъ мое сердце. Онъ ненавидѣлъ меня, потому-что между нами были коварные царедворцы. Но теперь, увидѣвъ опять меня, своего вѣрнаго слугу, меня, котораго онъ нѣкогда называлъ своимъ другомъ, онъ не будетъ, онъ не можетъ меня ненавидѣть! О великодушная! Никогда память о твоемъ благодѣяніи не изгладится изъ моей души.

Анна. Я пришла сама, чтобы посовѣтовать тебѣ смягчить свою гордость. Горе тебѣ, если ты и въ это свиданіе оскорбишь короля: оно послѣднее.

Маргарита. Помоги намъ, Господи!

Анна. Сколько бы дѣянія и мнѣнія Генриха ни казались тебѣ достойными осужденія, не осуждай ихъ поспѣшно. Время, можетъ быть, доставитъ тебѣ лучшую побѣду. Я всего надѣюсь отъ твоей добродѣтели, отъ дружбы, которую Генрихъ все еще не перестаетъ питать къ тебѣ. Чувствую, какой высокій даръ я принесу ему и моей отчизнѣ, если ваши благородныя души, вновь соединенныя, устремятся вмѣстѣ къ общему благу.

Морусъ. Господь да благословитъ твои надежды!

Анна. Пойдемъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Дворецъ.

СЦЕНА I.

Генрихъ одинъ.

Я долженъ съ нимъ свидѣться! Желаю и боюсь этаго свиданія. Мнѣ кажется, что два разнородные духа овладѣли мною. Одинъ твердитъ мнѣ, чтобы я снова пріобрѣлъ дружбу этаго достойнаго человѣка, чтобы я сегодня же возвысилъ его надъ всѣми его злобными соперниками; другой, насмѣшливо порицая это внушеніе и мое малодушіе, воспламеняетъ гнѣвъ мой противъ Моруса и противъ меня самаго: до слабости люблю его, и чувствую, что я или долженъ сдѣлаться презрѣннымъ рабомъ его гордой добродѣтели... или истребить его! Но могу ли я рѣшиться его истребить? Не будетъ ли это вѣчнымъ пятномъ для моего царствованія?... Все равно... или смирить его, или умертвить! Я рѣшился.

СЦЕНА II.

Кромвель и Генрихъ.

Кромвель. Государь....

Генрихъ. Что тебя, Кромвель, такъ встревожило?

Кромвель. Кранмеръ и герцогъ Норфолькскій желаютъ говорить съ Вашимъ Величествомъ.

Генрихъ. О чемъ?

Кромвель. Государь, умоляю васъ выслушать ихъ... Во всемъ королевствѣ нѣтъ людей, болѣе усердныхъ, болѣе преданныхъ вамъ, какъ они.

Генрихъ. Знаю ихъ намѣренія. Я недавно отпустилъ ихъ отъ себя. Благодаренъ за ихъ усердіе; но они настаиваютъ, чтобы я не говорилъ съ Марусомъ—это мнѣ наскучило. Уже ли они такъ боятся его?

Кромвель. Весь дворъ, государь, страшится необузданной дерзости заступника католиковъ. Онъ всегда имѣлъ чрезвычайную власть надъ королевскимъ сердцемъ вашимъ: зная благодушіе ваше и коварство этаго мятежника, мы съ ужасомъ должны предположить величайшее бѣдствіе, какое только можетъ постигнуть Англію: мы страшимся, чтобы великій Генрихъ не былъ увлеченъ обольщеніемъ; чтобы мгновенно не затмилась слава великаго Генриха; чтобы предъ великимъ Генрихомъ внезапно не разверзлась бездна; чтобы величіе его не сокрылось и потомки не сказали: быть можетъ, онъ никогда не былъ великимъ!

Генрихъ. Дерзкій!

Кромвель. Подданные не должны страшиться гнѣва государя своего, когда идетъ дѣло о его благѣ. Вы произвели въ Британской церкви благодѣтельную реформу, только омраченную ужаснымъ пролитіемъ крови. Если вы поддержите ее твердою рукою, если вы довершите ее; тогда забыты будутъ казни, которыхъ она стоила, и вы прославитесь мудростію и благочестіемъ. Но если вы поколеблетесь, если, внявъ коварнымъ совѣтамъ, откажетесь отъ своего предпріятія; тогда ни однаго прекраснаго плода не останется отъ вашего царствованія и сохранится только память ужасныхъ казней.

Генрихъ. Сохранится память твердости Генриха, который не слушалъ ни чьихъ внушеній, кромѣ внушеній ума своего. Понимаешь? Ступай!

Кромвель. Государь, подумайте....

Генрихъ. Ступай!

СЦЕНА III.

Анна и тѣ же.

Анна. Зачѣмъ до сихъ поръ не позволяютъ Томасу Морусу видѣть тебя? Согласись, государь, принять его

Генрихъ. Кромвель, приведи сюда Моруса.

Кромвель. (Я пропалъ)!

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Генрихъ. Анна.

Генрихъ. Анна, сегодня ты увидишь величайшее доказательство моей любви и снисхожденія. Но я долженъ напомнить тебѣ, чтобы ты впредь лучше соблюдала приличіе своего сана.

Анна. Ты гнѣваешься?

Генрихъ. Я долженъ сказать Аннѣ, хотя и люблю ее, чтобъ она никогда не вмѣшивалась въ дѣла правленія. Если я согласился принять Моруса, это не значитъ, чтобы я одобрялъ ея жаркое предстательство за бунтовщика—и если онъ снова будетъ мнѣ противиться....

Анна. Я....

Генрихъ. Ты не спасешь его!

Анна. (Я его люблю, и между-тѣмъ онъ такъ часто внушаетъ мнѣ ужасъ). Вотъ идетъ несчастный.

Генрихъ. Сколько на этомъ лицѣ одинъ годъ печальнаго заключенія оставилъ глубокихъ слѣдовъ страданія!

СЦЕНА V.

Морусъ, Кромвель и тѣ же.

Морусъ. Государь....

Генрихъ. Морусъ.... я долго ждалъ отъ тебя раскаянія и извиненія.

Морусъ. Я бы давно, государь, раскаялся и извинился передъ вами, если бъ совѣсть упрекнула меня въ какой-нибудь винѣ.

Генрихъ. Пора образумиться. Выслушай меня. Вспомни о томъ уваженіи, которое я оказывалъ твоему вѣроисповѣданію, о тѣхъ почестяхъ, которыми ознаменовалъ его, объ искренней дружбѣ моей къ тебѣ. Вспомни то время, когда мы вмѣстѣ съ тобою скорбѣли о злоупотребленіяхъ въ Британской церкви, когда мы вмѣстѣ думали объ ихъ уничтоженіи. Это преобразованіе, котораго мы такъ пламенно желали, теперь совершилось—и ты меня покинулъ.

Морусъ. Государь, я дѣйствовалъ бы съ тобою въ твоемъ предпріятіи, если бы льстецы и фанатики не простерли реформы до того, что она сдѣлалась ра-

сколомъ, хищеніемъ, убійствомъ. Я желалъ преобразованія истиннаго, непротивнаго догматамъ католической церкви—преобразованія нравовъ; хотѣлъ благородной войны противъ суевѣрій, внушенія истинной мудрости: только къ такому преобразованію я готовъ пристать.

Генрихъ. Упрекъ твой недостоинъ человѣка столь дальновиднаго, какъ ты, человѣка, который прошелъ всю школу опытности. Великія преобразованія, предпринимаемыя для улучшенія государствъ, не могутъ никогда обойтись безъ частныхъ бѣдствій: это можетъ поражать и страшить одну чернь. Смотри только на будущее: за бурнымъ царствованіемъ Генриха VIII настанетъ счастливая тишина; она будетъ дѣломъ моего царствованія. Англія, освобожденная отъ ига Римскаго, разовьетъ съ удивительной силою свой высокій, мощный умъ, сдѣлается свѣтильникомъ другихъ народовъ—и будетъ имѣть своя блистательные вѣка просвѣщенія и могущества. Вотъ благородная цѣль, къ которой я стремлюсь.

Морусъ. Только къ цѣли великой и можетъ стремиться Генрихъ VIII. Но онъ ошибся въ средствахъ. На этомъ плодотворномъ островѣ такъ много крѣпости ума и свободы духа, что скоро, можетъ быть, не смотря на злодѣйскіе раздоры, на тиранскіе законы и на убійства, онъ вскорѣ подыметъ свою гордую главу. Но увы! къ его благоденствію присоединятся горь-

кіе плоды настоящаго времени. Расколъ останется—а вмѣстѣ съ расколомъ распространятся внутренніе раздоры, взаимная злоба, нескончаемое раздробленіе церкви, неравенство въ самыхъ священныхъ правахъ, и кто знаетъ, можетъ быть, изъ этихъ сѣмянъ произойдетъ когда-нибудь погибель Англіи!

Генрихъ. Государственный человѣкъ чуждъ малодушнаго страха.

Морусъ. Онъ не долженъ отстранять и сомнѣній, если они согласны съ разсудкомъ. Я воображаю будущее величіе Англіи, но въ то же время предвижу и несправедливые въ ней законы, и злобныя гоненія и новую вѣру, проповѣдуемую оружіемъ.

Генрихъ. Ты все еще говоришь довольно смѣло.

Морусъ. Кто любитъ своего государя, тотъ всегда говоритъ съ нимъ откровенно; и никогда страхъ темницы или смерти не заставитъ меня говорить иначе съ Генрихомъ. Лживое ласкательство и пагубныя страсти ослѣпляютъ васъ. Ваше преобразованіе есть безпощадная война противу тѣхъ, которые дерзнули вамъ противорѣчить, когда вамъ наскучила любовь несчастной Екатерины, когда любовь къ Аннѣ (увы! еще болѣе несчастной, нежели отверженная вами) овладѣла вашимъ сердцемъ.

Генрихъ. Замолчи. Такъ вотъ, неблагодарный, чѣмъ ты воздаешь Аннѣ за ея великодушное о тебѣ предстательство!

Морусъ. Ея великодушіе прекрасно; прекрасна дружба, которую она сохранила къ моему бѣдному семейству; прекрасно ея желаніе примиренія и тишины: но всѣ эти достоинства не могутъ меня довести до притворства.

Анна. О Боже, не уже ли всѣ мои старанія примирить короля съ подданнымъ, котораго украшаютъ такія добродѣтели, останутся тщетны! Этаго мира желаетъ король и каждый Британецъ. Уже ли ты, Морусъ, не желаешь того же?

Морусъ. Да, великодушная, да! Я пламенно желаю служить моему королю и отчизнѣ. Но эта служба требуетъ истины, истины, которая всегда на устахъ монхъ. Если, послѣ твоего злополучнаго царствованія, Англія когда-нибудь избавится отъ роковыхъ гоненій, и утвердится въ ней вѣротерпимость и правосудіе; тогда, Генрихъ, не хвалы будутъ воздаваться тебѣ: исторія ужасными буквами крови напишетъ имя того, кто мечемъ и эшафотами обращалъ къ новой вѣрѣ.

Генрихъ. Ты смѣешь оскорблять меня!

Морусъ. Нѣтъ — но, предсказывая вамъ то, что непремѣнно произнесетъ исторія, я напоминаю, что

въ вашей волѣ вырвать ненавистную страницу вѣчнаго стыда.

Генрихъ. Понимаю: я долженъ для этаго преклонить свое царское чело предъ лицемѣрнымъ и властолюбивымъ папою, который позволяетъ мнѣ разорять народъ для искупленія моихъ грѣховъ.

Моруръ. Я не преклонялъ чела своего предъ лицемѣрами, а я христіанинъ, а я католикъ; такъ и вы должны смиряться только предъ истинными служителями святыхъ алтарей—и для искупленія грѣховъ вашихъ отъ васъ ничего не требуютъ, кромѣ добродѣтели. Пусть одни умы ничтожные превратно изъясняютъ истину. Они возненавидѣли Англію и оставшихся вѣрными религіи отцовъ своихъ; они описываютъ ихъ позорными красками и набрасываютъ тѣнь даже на то, что яснѣе дня. Но развѣ мы, государь, должны слѣдовать ихъ примѣру? Мнѣніе умовъ сильныхъ и высокихъ должно быть независимо отъ сужденій толпы.

Генрихъ. Но Британская церковь....

Морусъ. Видѣла пастырей не довольно достойныхъ, видѣла и весьма достойныхъ. Правда, она видѣла толпы лицемѣровъ, но видѣла и истинныхъ служителей. Вокругъ этой церкви надобно было разлить свѣтъ, а не кровь.

Генрихъ. Пожелать легко, но исполнить трудно. Уже ли ты всегда будешь мыслить только, какъ сочинитель Утопіи, произведенія твоей юности? Твои волосы посѣдѣли; съ высокихъ ступеней моего трона ты видѣлъ безумную перемѣнчивость людей — и ты можешь еще думать, что всѣ эти люди могутъ понять намѣренія своего государя! Согласись же, что для достиженія блага общаго неизбѣжны насильственныя мѣры. Я достигъ этаго блага; оно мнѣ стоило большихъ усилій, быть можетъ, многихъ ошибокъ... и черной неблагодарности подданныхъ. Но я достигъ его! И меня останавливали недальновидныя разсужденія: но я восторжествовалъ, и чувствую, что исторія не оскорбитъ меня.

Морусъ. Исторія не унизитъ тебя, но...

Генрихъ. Совѣтую тебѣ быть осторожнымъ, и помнить, что не я, а ты долженъ перемѣниться. Желаніемъ примириться съ тобою я хотѣлъ показать тебѣ мое уваженіе къ твоему уму, къ твоимъ многолѣтнимъ заслугамъ, къ славѣ твоей. Но теперь король и его санъ *требуютъ* этаго примиренія—или ты подвергнешься примѣрному наказанію за свою дерзость; избирай.

Морусъ Я никогда не соглашусь обмануть васъ, государь. Я не могу обмануть самаго себя и спокойно отвратить глаза отъ пролитія крови.

Генрихъ. Ты вѣрно думаешь, что заслуги твои спасутъ тебя отъ палача. Ты ошибаешься.

Морусъ. Нѣтъ, не гнѣвомъ долженъ разговоръ нашъ кончиться. Небу угодно, чтобы отъ этаго разговора зависѣла участь Англіи.

Генрихъ. Пусть Морусъ присягнетъ, въ чемъ присягаетъ мнѣ каждый Брптанецъ.

Морусъ. Я присягалъ въ вѣрности моему королю — и вѣренъ ему.

Генрихъ. Я требую покорности волѣ твоего короля.

Морусъ. Если воля его не противна справедливости и Богу.

Генрихъ. Законовъ, противныхъ Богу, я не издаю.

Морусъ. Цѣпи и казни стѣснили свободу вѣрованія. Уничтожь ихъ—и не будетъ законовъ, противныхъ Богу.

Генрихъ. Свобода, за которую ты ходатайствуешь, была обращаема лицемѣрными католиками на оскорбленіе короля и угнетеніе отечества.

Морусъ. Но праведниками она была обращаема на прославленіе истины и отечества: я ходатайствую за нее отъ имени всѣхъ праведниковъ.

Генрихъ. Морусъ—или уступитъ мнѣ, и тогда возвращены ему будутъ всѣ почести—или пусть онъ трепещетъ. Согласись признать законнымъ расторженіе моего брака и реформу: въ противномъ случаѣ ты погибнешь со всѣми своими друзьями.

Морусъ. Я это знаю.

Генрихъ. Знаешь? и еще можешь медлить?

Морусъ. Я знаю еще болѣе. Епископъ уже приговоренъ къ смерти. Всѣ темницы королевства наполнены невинными жертвами... Я содрогаюсь отъ ужаса, но не могу ихъ спасти постыдною цѣной отступничества.

Генрихъ. Они умрутъ!

Морусъ. Господь Богъ съ любовію приметъ ихъ тамъ, куда гнѣвъ сильныхъ не достигаетъ!

Генрихъ. Надменный! я простеръ милосердіе свое далѣе, нежели мнѣ позволяло королевское достоинство. Теперь твоя вина, если навсегда разорванъ узелъ, котораго я не хотѣлъ разрывать.

Анна. Государь, остановись!

Генрихъ. Отвести его опять въ тюрьму. Созвать судъ для его приговора, а между-тѣмъ другъ его епископъ можетъ ему предшествовать на эшафотъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Морусъ, Анна, Кромвель.

Анна. Ты пораженъ. Уступи—еще время. Я еще могу умилостивить короля.

Морусъ. Я пораженъ бѣдствіемъ друзей моихъ. . . . дѣтей.... моей отчизны.... и твоимъ, несчастная королева, которой ужасную кончину я предвижу.

Анна. Уступи.

Морусъ. Зачѣмъ побуждать человѣка къ безчестію?

Анна. Нѣтъ, сердце столь благородное не погибнетъ. Генрихъ долженъ еще разъ меня выслушать.

(Уходитъ).

СЦЕНА VII.

Морусъ, Кромвель.

Кромвель. Я вижу, Морусъ, ты невольно смущенъ. Если ты раскаешься... Никто болѣе меня не имѣетъ власти надъ сердцемъ короля; я могу быть тебѣ полезенъ. Ты бросаешь на меня презрительный взглядъ? не отвѣчаешь мнѣ? Сюда.

(Приходитъ стража, Кромвель приказываетъ ей увезти узника: Морусъ слѣдуетъ за нею. Кромвель уходитъ въ другую сторону, дрожа отъ бѣшенства).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Зала судилища.

СЦЕНА I.

Кромвель, нѣсколько Судей и между ними Альфредъ, Свидѣтели.

Первый судья (Тихо другому). За-чѣмъ Кромвель такъ таинственно подходитъ то къ одному, то къ другому, и разговариваетъ?

Второй. Молчи. Онъ сообщаетъ своимъ повѣреннымъ ужасную волю короля.

Первый. Какую волю?

Второй. Чтобы Томасъ Морусъ былъ найденъ достойнымъ казни и былъ къ ней приговоренъ.

Альфредъ (Тихо Кромвелю). Но я былъ другомъ Моруса во дни его счастія и знаю непорочность его чувствъ...

Кромвель (Тихо Альфреду) Вспомни о своихъ дѣтяхъ. Потерявъ милость короля, ты и дѣтей вовлечешь въ свое несчастіе. . . .

(Отходитъ отъ Альфреда и говоритъ громко).

Какъ долго нѣтъ преступника!

Альфредъ. Знай, что несчастный изъ окна своей темницы видѣлъ, какъ повели на смерть епископа, столько имъ любимаго. И—одинъ, сидя на роковой телегѣ, другой, прицѣпившись къ рѣшеткѣ своего окна—они прощались, утѣшали другъ друга; но когда телега двинулась съ мѣста и исчезла, когда раздались удары колокола, тогда обѣ руки узника опустились—и онъ упалъ безъ чувствъ.

Кромвель. За нѣсколько минутъ я былъ у него въ темницѣ: онъ приходилъ въ себя отъ тяжкаго обморока. Но какъ только глаза его встрѣтились съ моими, онъ тотчасъ вскочилъ, бодро подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ своею обыкновенною надмѣнностію: ты, можетъ быть, пришелъ порадоваться моей слабости; только тѣло мое ты увидишь изнемогающимъ — оно падетъ одно!

СЦЕНА II.

Придверникъ и тѣ же.

Придверникъ. Томасъ Морусъ.

Первый судья. Морусъ?

Кромвель. Вотъ онъ!

Альфредъ (увидѣвъ приближающагося Моруса). Ноги его чуть движутся. Кто при такомъ зрѣлищѣ можетъ удер-

жать свои слезы? Вотъ онъ наконецъ, канцлеръ королевства! еще недавно могущественнѣйшій изъ министровъ! еще недавно любимецъ короля и народа!

Вторый судья (тихо Альфреду). Ради Бога старайся скрыть свое смущеніе. Кромвель за тобой примѣчаетъ.

Альфредъ. Морусъ на меня смотритъ. Онъ содрогается, что между его орудіями я! я, котораго онъ осыпалъ благодѣяніями! О, если бъ онъ могъ читать въ моемъ сердцѣ!... Если бъ я не боялся за моихъ дѣтей!...

СЦЕНА III.

Морусъ и тѣ же.

Морусъ. (Блѣдный; опираясь на палку, онъ приближается тихими шагами, но съ гордымъ видомъ). И такъ здѣсь.... въ этихъ стѣнахъ.... гдѣ нѣкогда царствовало правосудіе... теперь присуждается смерть такому множеству невинныхъ! Здѣсь также былъ осужденъ на смерть епископъ Рочестерскій, мой вторый отецъ, онъ, который всѣ свои дни посвящалъ добродѣтели! Ты видишь, съ какою гордою радостію я ступаю по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ еще чувствую священные слѣды твои, лучшій другъ мой! Мнѣ кажется, что ты еще тутъ, что твое величественное чело еще возвышается предъ твоими судіями, что ты еще смущаешь ихъ низкія души своею твердостію.

Кромвель. Твой другъ не былъ столь непреклоннымъ, какъ ты воображаешь. Онъ, правда, показывалъ нѣкоторое презрѣніе сначала, но потомъ....

Морусъ. Что значитъ твоя улыбка? говори.

Кромвель. Сѣдой лицемѣръ образумился

Морусъ. О небо, что я слышу!

Кромвель. Видъ эшафота его испугалъ. Онъ пробормоталъ извиненія, заплакалъ, раскаялся въ своей гордости, признался, что онъ долженъ былъ называть святою реформу Британской церкви; поручилъ себя милосердію короля, и король его помиловалъ.

Морусъ. Неосторожная ложь. Я вижу смущеніе судей.

Кромвель. Они подтвердятъ сказанное мною.

Альфредъ (тихо). И мы допустимъ?

Первый судья (также). Развѣ ты не видишь, что это дѣлается по повелѣнію короля?

Альфредъ. Я....

Первый судья. Молчи—или ты пропалъ.

Морусъ. Не можетъ быть: Кромвель, ты клевещешь на моего друга.

Кромвель. Развѣ ты забылъ священное мѣсто, гдѣ мы находимся?

Морусъ. Было время, когда ни одинъ изъ судей не осквернялъ ложью своихъ устъ, когда за каждую ложь былъ ужаснымъ карателемъ законъ. Но это время прошло. Я вижу, какъ всѣ судьи стыдятся произнесенной клеветы; но ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ ее опровергнуть. И однако жъ, въ этомъ продажномъ парламентѣ, который будетъ пятномъ для Англіи, многіе изъ присутствующихъ теперь пользовались въ иное время доброю славой. Уже ли страхъ можетъ такъ перемѣнить людей?

Кромвель. Избавленный отъ висѣлицы, старикъ просилъ разсказать тебѣ о своемъ жребіи, чтобы ты могъ взять съ него примѣръ покорности.

Морусъ. Покорности? какой покорности? измѣнить Богу? не внять голосу его въ моемъ сердцѣ? нѣтъ, этотъ праведникъ не могъ мнѣ дать такаго совѣта. И если даже онъ противорѣчилъ теперь всей своей добродѣтельной жизни, то вѣрно самъ не помнилъ,

что говорилъ; страхъ смерти помутилъ его разсудокъ. О, дайте мнѣ взглянуть на него, если онъ точно живъ!

Кромвель. Чтобы заставить его опять перемѣнить мысли? Нѣтъ, ты его увидишь, но только тогда, когда послѣдуешь его примѣру. Отвѣчай.

Морусъ. Я уже отвѣчалъ.

Кромвель. Преступникъ! ты смѣешь порицать покорность подданнаго королю? какіе потребны еще доказательства твоихъ преступленій?

Морусъ. Кто захочетъ, всякой можетъ дать превратный толкъ моимъ словамъ. Но повторяю, что не знаю за собой никакихъ преступленій.

Кромвель. Въ Кентъ явилась дерзкая, которая, выдавая себя за предсказательницу, вездѣ проповѣдывала возмущеніе. Она призналась, что была научена тобою.

Морусъ. Кентскую дѣвушку я называлъ чистою: я называю ее также и теперь. Не могу вѣрить, чтобы она когда-нибудь могла посягнуть на такое низкое обвиненіе; она проповѣдывала непоколебимость въ вѣрѣ, а не возмущеніе.

Кромвель. Ея преступленіе было открыто—и она погибла на плахѣ. Твои похвалы осужденной показываютъ въ тебѣ ея соумышленника. У насъ много и другихъ доказательствъ, что ты виновенъ. Преступники, продавшіе себя Ватикану и чужеземнымъ католическимъ державамъ, замышлявшіе погибель Генриха VIII и Англіи, бывъ захвачены, всѣ безъ изъятія показали въ пыткѣ, что ты былъ ихъ главою.

Морусъ. И если бы даже нѣкоторые, положимъ многіе, показали это въ мученіяхъ пытки — развѣ они не могли меня назвать своимъ главою безъ моего участія въ дѣлахъ ихъ? Можно ли сказать, что я бунтовщикъ, потому только, что я не отступникъ? Повторяю, что никогда не былъ бунтовщикомъ! Повторяю, что, не бывъ бунтовщикомъ, я, по убѣжденію совѣсти, гнушаюсь соблазнами, расколомъ, безчеловѣчными гоненіями.

Кромвель. Ты называешь соблазномъ разводъ короля, его новое супружество.

Морусъ. Я могъ сомнѣваться въ законности того и другаго; а сомнѣнье не есть преступленіе.

Кромвель. Ты отрицаешь власть короля надъ церковію?

Морусъ. Пусть другіе рѣшатъ этотъ трудный вопросъ: я не знаю, какой смыслъ данъ этой власти вашими проповѣдниками. Если она остается въ прежнихъ предѣлахъ, я ее признаю; если измѣнена, я ее отвергаю.

Кромвель. Ты уклоняешься отъ точнаго отвѣта?

Морусъ. Я открыто говорю, что я католикъ, что я врагъ насилій. Я не обязанъ говорить болѣе.

Кромвель. Ты сомнѣваешься въ справедливой власти своего государя?

Морусъ. Въ истинной власти его—никакъ.

Кромвель По твоему мнѣнію только паписты заслуживаютъ уваженіе?

Морусъ. Праведники.

Кромвель. Ты охуждаешь членовъ парламента.

Морусъ. Избави, небо! Я ихъ считаю призванными служить Богу и добродѣтели, но способными заблуждаться, какъ и я, но беззаконниками, если они поступаютъ противъ совѣсти.

Кромвель. Ты когда-то гораздо откровеннѣе сказалъ свое мнѣніе о королѣ и парламентѣ.

Морусъ. Когда?

Кромвель. Нѣсколько дней тому назадъ къ тебѣ пришелъ Ричардъ Ричь, тотъ самый, который теперь здѣсь, и съ нимъ прочіе свидѣтели. Имъ поручено было отъ короля отобрать у тебя книги, карты; ты пришелъ въ бѣшенство и поносилъ короля и парламентъ. Ричардъ, подтверждаешь ли ты то, что я говорю?

Свидѣтель. Сожалѣя о Морусѣ, я хотѣлъ склонить его къ повиновенію нашему милосердому монарху; но онъ пришелъ въ изступленіе: короля и парламентъ называлъ безбожными, безбожными до того, говорилъ онъ, что они вопіютъ къ Богу: «Ты не Богъ!»

Морусъ. Ты даешь превратный смыслъ моимъ словамъ. Я только сказалъ: если бъ они осмѣлились произнести о Богѣ: «Ты не Богъ!» ихъ приговоръ не могъ бы уничтожить Предвѣчнаго.

Тотъ же свидѣтель. Я утверждаю клятвою, что онъ назвалъ беззаконниками короля и парламентъ.

Кромвель. Пусть присягнутъ въ томъ и прочіе свидѣтели.

Другой свидѣтель. Я.... свидѣтельствую въ томъ же, но дать присяги.... не могу.

Кромвель. Какъ? а вы?...

(Обращаясь къ другимъ.)

Третій. Мы отобрали у плѣнника его книги и карты; но не могли хорошенько разслушать, что̀ онъ говорилъ.

Четвертый. Я присягаю какъ Ричардъ.

Альфредъ. (Бездѣльникъ.)

Морусъ. Я клянусь, что если ихъ обвиненіе справедливо, и Ричардъ не далъ превратнаго смысла моимъ словамъ; то пусть никогда не увижу я лица Божія-го!.. За обладаніе вселенной не произнесъ бы я столь ужасной клятвы!

Кромвель. Докажи же чистоту своихъ намѣреній, докажи ее, признавая въ Генрихѣ. . . .

Морусъ. Его права на мою вѣрность, на мое уваженіе? Тамъ, гдѣ религія не оскорблена его законами.

Кромвель (вставая.) Господа, мы должны приступить къ собиранію голосовъ.

(Всѣ судьи встаютъ).

Альфредъ. Кромвель, остановись.

Кромвель. Ты смѣешь ?

Альфредъ. Да, я осмѣливаюсь объявить то, что думаю. Томасъ Морусъ слишкомъ приверженъ къ прежнему вѣроисповѣданію, но его намѣренія были чисты; безъ малѣйшаго пятна была его жизнь. И если правда, что за невинныя заблужденія ума человѣкъ не можетъ быть наказываемъ, то никогда не было смертнаго менѣе виновнаго. Законъ не долженъ упустить этаго изъ виду.

Морусъ. Ты, въ столь бѣдственные для меня дни еще сохранившій ко мнѣ остатокъ дружбы (тамъ, гдѣ одни изъ ненависти, другіе изъ страха, обвиняютъ меня), прими сердечную мою благодарность. Но побереги напрасныя усилія; обрати ихъ лучше на подвигъ болѣе важный. Объяви, что ты прежде по ослѣпленію только признавалъ справедливыми законы насилія, но что теперь глаза твои открылись. И пусть не испугаетъ тебя смерть, которая ожидаетъ всѣхъ великодушныхъ.

Кромвель. Какое самохвальство!

Альфредъ. Его слова не заставятъ меня измѣнить моимъ правиламъ и не должны раздражать васъ. Онъ говоритъ, въ чемъ убѣжденъ.

Кромвель. Довольно: не должно краснорѣчіемъ усыплять правосудія.

Альфредъ. Но....

Кромвель. Довольно. Господа, приступимъ къ собранію голосовъ.

(Кромвель и прочіе Судьи уходятъ въ другую комнату.)

СЦЕНА IV.

Морусъ и Придверникъ.

Морусъ (про себя.) Моя смерть неизбѣжна. Будемъ ожидать ее съ твердостію. (Обращаясь къ придвернику) Послушай: я тебя умоляю... мы здѣсь одни.... правда ли, что другъ мой епископъ унизился, увидѣвъ смерть... не бойся: мы одни.

Придверникъ. Вашъ другъ.... не измѣните мнѣ... встрѣтилъ ее съ мужествомъ.

Морусъ. Боже, благодарю тебя за твое благодѣяніе: теперь и я спокойно встрѣчу смерть. А ты, великій духъ, который съ неба простираешь ко мнѣ свои объятія, прости мнѣ, что я могъ повѣрить клеветѣ на тебя, что я могъ въ тебѣ усомниться. Чей голосъ! Боже!

Голосъ Маргариты: Я хочу его увидѣть, я хочу увидѣть моего отца!

сцена V.

Маргарита (напрасно удерживаемая придверникомъ).

Морусъ. О дочь моя! дайте несчастной хотя минуту полежать на моей груди.

Маргарита. Никѣмъ незамѣченная, я прокралась по корридорамъ, взошла по потаенной лѣстницѣ и. . о радость! небо привело меня въ эту залу: я тебя нашла.

Морусъ. Знаешь ли, куда завела тебя дѣтская любовь? Въ какомъ ужасномъ мѣстѣ ты находишься? уйди.

Маргарита. Я знаю, это зала судилища. Зачѣмъ я не вижу здѣсь судей? Я принесла съ собою столько слезъ отчаянія, столько просьбъ, что ни одно сердце не устояло бы противъ нихъ.

Морусъ. О, дочь моя, только меня тронутъ твои слезы; всѣ другіе здѣсь будутъ глухи при твоихъ рыданіяхъ. Уйди.

Маргарита. Я заключу тебя въ свои объятія—и никто тебя не отниметъ у меня. Если бъ ты зналъ, сколько мукъ я перенесла за тебя! Я опять старалась проникнуть во дворецъ. Королева допустила меня къ себѣ. Я бросилась къ ногамъ сострадательной; она была тронута моею скорбью, но не согласилась позволить

мнѣ снова увидѣть Генриха. Вышедши изъ дворца, я, какъ безумная, бродила по улицамъ; не помню, какъ дошла до этаго дома, обманула стражу и—я съ тобою! и если они умертвятъ тебя, я умру вмѣстѣ съ тобою!

Морусъ. О ты, моя любимица! о ты, которая изъ всѣхъ дорогихъ моему сердцу, была мнѣ всѣхъ дороже! Моя ученица! ты, одаренная отъ природы чувствами высокими! моя слава, моя гордость! я тебя умоляю: не сдѣлайся теперь причиной слабости твоего отца. Ты меня любишь: пусть же лучшимъ доказательствомъ твоей ко мнѣ любви будетъ то, что ты съ мужествомъ, съ достоинствомъ перенесешь приговоръ суда объ мнѣ, каковъ бы онъ ни былъ; что ты сохранишь себя для прочихъ дѣтей моихъ, для несчастной твоей матери. . . .

Маргарита. Кто идетъ?

Морусъ. Великій Боже! это мои судьи!

СЦЕНА VI.

Кромвель, прочіе Судьи и тѣ же.

Кромвель. Какъ? въ объятіяхъ преступника его дочь? Разлучить ихъ!

Маргарита (разлученная съ отцомъ). Батюшка!

Морусъ. Дочь моя, любимая дочь моя, сохрани свою твердость, какъ я до смерти надѣюсь сохранить свою.

СЦЕНА VII.

Тѣ же, исключая Маргариты.

Альфредъ. Роковой день!

Морусъ. Зачѣмъ каждый изъ васъ смотритъ на меня съ такимъ ужасомъ, съ такимъ сожалѣніемъ?

Альфредъ. Я.... эта бумага.... нѣтъ.... я не могу читать!

Кромвель (вырываетъ изъ рукъ Альфрѐда бумагу и читаетъ твердымъ голосомъ). «Томасъ Морусъ приговоренъ къ смерти!»

Морусъ. Молю Господа, чтобы онъ, по своему милосердію, удостоилъ меня и васъ, судей моихъ, принять въ царство небесное.

(Хочетъ уйти).

СЦЕНА VIII.

Генрихъ, Анна, Офицеръ и тѣ же.

Офицеръ. Король идетъ.

Кромвель. Государь!...

Генрихъ. Что скажешь?

Кромвель. Онъ приговоренъ къ смерти.

Генрихъ. Морусъ!... Что ты избираешь? Говори.

Морусъ. Смерть!

(Уходитъ. Судьи слѣдуютъ за нимъ.)

СЦЕНА IX.

Генрихъ, Анна, Кромвель, Альфредъ, Офицеръ.

Генрихъ. Гордый!... неустрашимый!... Я, который осуждаю его на смерть, я дрожу; а онъ спокоенъ!... О, никого еще я столько не любилъ и вмѣстѣ не ненавидѣлъ!

Анна. Государь, внемли своему великодушію! спаси великаго противъ его воли.

Генрихъ. Онъ слишкомъ великъ. Я хотѣлъ, чтобы онъ былъ моимъ другомъ: онъ меня отвергнулъ. Онъ долженъ умереть!

(Уходитъ).

Анна (слѣдуя за нимъ). О пѣтъ, супругъ мой!

Альфредъ. Государь!... остановитесь!... Онъ ушелъ...

СЦЕНА X.

Альфредъ одинъ.

О, что я сдѣлалъ! Какъ мучитъ меня совѣсть! Я такъ слабо противостоялъ несправедливости. Прав-

да, мое противоборство не принесло бы никакой пользы; но тайный голосъ упрекаетъ меня за мое слабодушіе. Я хочу исправить свою ошибку. Поспѣшу къ королю. Надобно возбудить въ немъ такое же угрызеніе совѣсти, какое меня терзаетъ.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Площадь.

СЦЕНА I.

Нѣсколько Гражданъ.

Первый. Говорятъ, что одинъ изъ судей въ раскаяніи побѣжалъ къ королю, упалъ къ его ногамъ и сказалъ: государь, Морусъ невиненъ.

Вторый. Ну, а король?

Первый. Въ бѣшенствѣ прогналъ отъ себя раскаявшагося.

Вторый. Коварная Анна ожесточила доброе сердце короля; она безпрестанно подстрекаетъ его къ казнямъ.

Первый. Напрасно всѣ ее ненавидятъ и извиняютъ короля. Несчастная королева невинна въ жестокостяхъ Генриха. Близкіе къ ней увѣряютъ, что она со слезами просила короля о спасеніи Моруса—но напрасно.

Вторый. Небо рѣшитъ, кто болѣе виноватъ. Но сегодня казнятъ Моруса.

Первый. Моруса! отца отечества! того, кто съ высоты почестей возвратился бѣднымъ въ свое семейство! того, кто, произнося приговоры, не смотрѣлъ ни на богатство, ни на знатность! кто одинъ не боялся говорить истину и народу и вельможамъ!

Вторый. Увы, Англія теперь не такова, какъ была прежде. Я не буду говорить о Генрихѣ—онъ нашъ государь: мы должны въ молчаніи сожалѣть о его ошибкахъ. Но что значитъ нашъ парламентъ? онъ только потворствуетъ.

Первый. Молчи, безумецъ. Развѣ ты не видишь, что мы окружены стражею?

Вторый. Посмотрите, кто это выходитъ изъ тюрьмы?

Первый. Поддерживаютъ какую-то женщину.

Вторый. Боже, это старшая дочь Моруса!

СЦЕНА II.

Маргарита, другіе Граждане и тѣ же.

Маргарита. Жестокіе! куда вы меня влечете? зачѣмъ вы разлучили меня съ моимъ отцомъ? Я хочу быть

съ нимъ до послѣдней его минуты.. Съ тѣхъ поръ, какъ живу, я не отводила глазъ отъ него — и еще не наглядѣлась; ни однаго слова его не хотѣлось бы мнѣ проронить. Не варварство ли? меня лишаютъ сладости послѣднихъ словъ его! Я его дочь, его первороженная, о которой онъ заботился долѣе, нежели о другихъ. Никто не знаетъ его такъ хорошо, никто его такъ не любитъ и не уважаетъ, какъ я! и онъ любилъ старшую дочь свою за то, что она лучше другихъ его понимала и больше чувствовала въ немъ надобности.

Первый. Кто съ такою нѣжностію выражалъ священныя чувства дѣтской любви?

Маргарита. А! я вижу—вы плачете со мною вмѣстѣ а хотите, неумолимые, меня разлучить съ отцомъ! Здѣсь я хочу остановиться, здѣсь хочу дождаться его на пути къ смерти! Не изъ сожалѣнія ли вы меня увлекаете? Жалость ваша — для меня жестокосердіе. Нѣтъ! вы не оторвете меня отсюда. Я увижу его—или умру!

Третій Гражданинъ (одинъ изъ тѣхъ, которые ее поддерживали). Когда ты лишилась чувствъ, отецъ твой поручилъ намъ отвести тебя къ твоей матери.

Маргарита. Нѣтъ! нѣтъ! быть не можетъ, чтобы отецъ мой велѣлъ меня разлучить съ нимъ. Онъ знаетъ

мужество своей дочери; онъ знаетъ, что ей необходимо быть подлѣ него. О, сжальтесь! пустите меня къ нему!

Третій. Въ послѣднія, священныя минуты жизни твоему отцу нуженъ покой.

Маргарита. Послѣднія минуты! такъ въ самомъ дѣлѣ послѣднія? Всѣ это говорятъ; я сама говорю тоже — и невѣрю. Король любитъ Моруса; онъ только притворяется, что хочетъ его предать казни; онъ только хочетъ устрашить его. Безчеловѣчное испытаніе! Генрихъ, какъ ты худо знаешь моего отца! Ты думаешь, что его испугаютъ цѣпи и ужасъ смерти? Что я говорю? сколько погибло невинныхъ!

Третій. Успокойся.

Маргарита. Успокоиться, когда умерщвляютъ моего отца? Что съ такимъ ужасомъ вы смотрите на меня? Я дочь того Моруса, котораго преступленіе—его добродѣтель. Нѣтъ у меня достоинствъ его, но я также преступница: я люблю Бога и отечество! ненавижу низость, не признаю реформы, запечатлѣнной кровью и хищничествомъ! И меня также предайте судьямъ. Я заслуживаю смерть, какъ и отецъ мой; я хочу умереть вмѣстѣ съ моимъ отцомъ!

Третій. Что вы говорите? Народъ приходитъ въ волненіе. Не возбуждайте напрасныхъ безпорядковъ!

Маргарита. Не пугайся: народъ приходитъ въ бѣшенство противъ меня за то, что я осмѣлилась назвать его бездушнымъ; никто не вступится за невиннаго, который всю свою жизнь посвятилъ добродѣтели, гражданина, который озарилъ такою славою свое отечество, который былъ любимцемъ короля и ни однаго слова лести не сказалъ ему!

Первый. Она говоритъ правду.

Многіе. Томасъ Морусъ невиненъ!

Третій. Ослѣпленные! что вы дѣлаете? стражи окружаютъ народъ. Спасемъ по крайней мѣрѣ дочь Моруса!

(Онъ и еще другой увлекаютъ Маргариту).

Маргарита. Спасите моего отца!

сцена ш.

(Нѣсколько солдатъ вторгаются въ толпу народа).

Кромвель.

Кромвель. что тутъ кричали?

Первый. Мы просимъ помилованія Морусу.

Многіе. Помилованія! помилованія!

Кромвель. Молчать, дерзкіе! Столько шуму изъ-за преступника!

Первый. Преступникъ Томасъ Морусъ?

Вторый. Томасъ Морусъ невиненъ.

Кромвель. Добрые Британцы, друзья отечества, не вдавайтесь въ обманъ! Морусъ измѣнникъ отечеству, онъ возставалъ противъ реформы церкви, онъ былъ въ союзѣ съ Римомъ, хотѣлъ оставить народъ въ вѣчномъ ослѣпленіи. Генрихъ, не могъ, не долженъ былъ оставить измѣнника безъ наказанія.

Нѣкоторые. Правда! правда!

Кромвель. Вотъ идетъ Морусъ.

Вторый. Какъ онъ спокоенъ! Точно во дни славы. Какъ ласково онъ улыбается народу! Онъ дружески отвѣчалъ на сожалѣніе народа.

СЦЕНА IV.

(Морусъ, окруженный стражею, приближается тихо).

Морусъ. Дайте мнѣ отдохнуть здѣсь, постоять минуту! Вотъ дорога къ счастливому родительскому дому моему. Дайте мнѣ хоть издали полюбоваться на него. Съ этихъ поръ онъ будетъ горестнымъ домомъ сиротъ. Я растроганъ, но не стыжусь своей слабости: ея требуетъ природа.

Вторый гражданинъ. Несчастный! онъ смотритъ на жилище своихъ дѣтей и плачетъ.

Морусъ. Но оботремъ слезы. Боже, простри свою десницу надъ этимъ домомъ; сохрани чистыми живущихъ въ немъ, чтобы я могъ увидѣть всѣхъ ихъ предъ твоимъ престоломъ; осѣни своею дланью всю эту страну, мое отечество, столь пламенно мною любимое; защити добрыхъ, которыми она преисполнена, а злыхъ заставь бояться и любить ее! Положи конецъ этимъ ужаснымъ раздорамъ, которые прикрываются священнымъ именемъ религіи, и прости заблужденія невѣдующихъ! Пойдемъ! Тамъ уже виднѣется эшафотъ... Ты прежде меня взошелъ на него, святый пастырь Рочестерскій, столько лѣтъ мой вѣрный путеводитель, и, прилетѣвъ на небо, ты вѣрно упросилъ Бога, чтобы я скорѣе послѣдовалъ за тобою.

Дальніе голоса. Разступитесь!

Морусъ. Что это значитъ?

Голосъ Маргариты. Батюшка!

Морусъ. Голосъ Маргариты! О!...

сцена v.

Маргарита съ прочими дѣтьми Моруса и тѣ же.

Маргарита. Батюшка! благослови дѣтей своихъ въ послѣдній разъ!

(Дѣти бѣгутъ и становятся всѣ около него на колѣни).

Всѣ дѣти. Батюшка!

Морусъ. Невыносимое зрѣлище! Милыя дѣти! Я могу еще всѣхъ васъ прижать къ моей груди! Какъ велика моя любовь, такъ полно любви мое благословеніе.

Маргарита. Матушка не въ состояніи была притти съ нами на послѣднее прощаніе.

Морусъ. Будьте ея опорою и утѣшеньемъ—и Богъ васъ наградитъ; перенесите съ достоинствомъ бѣдность и страданіе. Я вамъ подаю примѣръ. Другихъ богатствъ я вамъ оставить не могу; мой примѣръ пусть будетъ вашимъ утѣшеніемъ. Не плачьте такъ обо мнѣ, мои бѣдныя! Молитесь за меня, а я буду молиться за васъ! Я въ селеніяхъ горнихъ, вы на землѣ—будемъ молиться вмѣстѣ за нашего несчастнаго монарха, за всѣхъ, кто похищаетъ меня у васъ. И если кто-нибудь изъ моихъ убійцъ будетъ постигнутъ бѣдствіемъ, и постучится въ дверь вашу . . . изъ любви ко мнѣ дайте ему убѣжище, помогите ему какъ брату. Я всѣмъ простилъ!

Вторый Гражданинъ. Великодушный человѣкъ!

Маргарита. Батюшка!

СЦЕНА VI.

Альфредъ и тѣ же.

Альфредъ. Остановитесь! приказываю именемъ короля. . .

Вторый. Это старикъ Альфредъ; чего онъ хочетъ?

Альфредъ. Остановитесь! остановитесь! Морусъ, выслушай: король посылаетъ меня къ тебѣ. Я со слезами обнималъ его колѣна, умолялъ—его и онъ согласился тебя простить. Произнеси только одно слово—и приговоръ уничтоженъ.

Маргарита и прочія дѣти. Батюшка, сжалься!

Весь народъ. Спаси себя!

Альфредъ. Поклянись уважать реформу.

Морусъ. Мой долгъ принуждаетъ меня объявить въ торжественную минуту смерти, что я признаю истинною вѣру моихъ отцовъ; что я считаю богопротивнымъ преобразованіе, запечатлѣнное невинныхъ, казнями и уничтоженіемъ всѣхъ правъ гражданскихъ. Страсти ослѣпили Генриха. Я сожалѣю о немъ, желаю ему раскаянія и покоя, но исполнить требованіе его не могу.

Альфредъ. И при видѣ эшафота . . . .

Морусъ. Отвергаю предлагаемую мнѣ милость, чтобы не погрѣшить противъ Бога.

Альфредъ. Непоколебимый человѣкъ!

Маргарита. Батюшка, твои дѣти оплакиваютъ тебя въ отчаяніи, но они гордятся тобою.

Кромвель. Онъ отвергъ милость. Да исполнится надъ нимъ приговоръ!

Морусъ (дѣтямъ). Разстанемся безъ слезъ. Прощайте!

Маргарита. Батюшка! Они увлекли его! Все кончилось!

(Упадаетъ безъ чувствъ).

Морусъ. Кромвель, одно слово.

Кромвель. Говори.

Морусъ. Ты торжествуешь. . . . Но трепещи! Скоро послѣдуютъ за мной на этотъ эшафотъ несчастная Анна. . . и Кромвель!

(Уходитъ со стражей).

СЦЕНА VII.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Кромвель. Да не услышитъ небо твоего предсказанія! Какой непреодолимый ужасъ онъ вселилъ въ мою душу!

Альфредъ. Вотъ онъ подошелъ къ мѣсту казни. Онъ всходитъ на лѣстницу. Какъ терзаетъ меня совѣсть:

и я въ числѣ убійцъ его. Какое зрѣлище! Онъ подъемлетъ руки къ небесамъ, и съ умоляющимъ видомъ показываетъ на городъ: онъ молится за друзей и враговъ. Онъ спокойно наклоняетъ голову — ахъ, вотъ сверкнулъ топоръ. . . .

Народъ. Какой ударъ!

К. Петерсонъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БОГДАНЪ.

Отрывокъ изъ поэмы *.

IV.

Ночь. Вся окрестность тихо спитъ;
На небѣ мѣсяцъ не горитъ,
И только звѣздочки однѣ
Мелькаютъ въ синей вышинѣ.
Надъ рѣчкой дремлетъ темный садъ;

* Мы имѣли случай прочитать большую часть этой поэмы. Авторъ прекрасно воспользовался предметомъ своимъ. Исторія, повѣрья, нравы и природа Малороссіи, этой по-преимуществу поэтической Россіи, все у него заговорило языкомъ вѣрнымъ, живымъ и блестящимъ, все получило движеніе и облеклось въ яркія краски. Авторъ такъ былъ внимателенъ къ отдѣлкѣ разнородныхъ картинъ, что для каждой употребилъ особенный размѣръ, болѣе согласный съ ея характеромъ.

Издат.

Изъ саду льется ароматъ.
Въ саду чуть видѣнъ панскій домъ,
И въ домѣ томъ, въ окнѣ одномъ,
Въ ночи глухой огонь блеститъ;
То воску яраго горитъ
Передъ иконою свѣча.
На руку голову слоня,
У раствореннаго окна,
Невыразимо хороша
Сидитъ жена Барабаша.
Сидитъ давнымъ давно она.
Скучаетъ гетманша одна:
«Три дня какъ мужа не видать!
«Гдѣ онъ? что съ нимъ? нельзя понять!
«Зачѣмъ онъ держитъ какъ въ плѣну
«Меня, законную жену?
«Скучаю я, а онъ теперь,
«Быть можетъ, отворяетъ дверь,
«И робкой крадется стопой
«Въ свѣтлицу къ паннѣ молодой,
«И, вся изъ нѣги и огня,
«Къ нему на грудь падетъ она! . . .»
И пани вспыхнула. . . потомъ
Закрыла очи рукавомъ.

Невыразимо хороша
Сидитъ жена Барабаша.
Ей жарко, душно ей одной,
Моей голубкѣ молодой;
И недовѣрчивость и страхъ
Въ ея плѣнительныхъ очахъ,

И страстью налитая грудь
Дрожитъ и силится вздохнуть. . .
Она сидитъ и мужа ждетъ.

Стучится кто-то у воротъ.
Собака лаемъ залилась,
Другая къ ней отозвалась ;
Поднялся на ноги весь дворъ,
И падаетъ съ воротъ запоръ;
И вотъ въѣзжаетъ наконецъ
На дворъ отъ гетмана гонецъ.
Коня отъ посланца берутъ,
И къ пани посланца ведутъ.
«Гдѣ мужъ мой? что сънимъ?»—Ничего;
Меня прислалъ онъ для того,
Чтобъ вашу милость извѣстить,
Что Богъ его еще хранитъ,

Да приказалъ мнѣ взять отъ васъ
Послѣдній Короля указъ,
Который онъ велѣлъ скрывать
И никому не объявлять ;
Для вѣрности жъ моихъ рѣчей
Гетманъ прислалъ съ руки своей
Свое гербовое кольцо.

У пани вспыхнуло лицо.
Въ кольцѣ былъ камень дорогой,
На немъ искусною рѣзьбой
Изображенъ гетмана гербъ:
Кривая шашка, словно серпъ,

И накрестъ сй положена
Была пернатая стрѣла.
«Да, это перстень мужа, такъ,
«Ты правду говоришь, козакъ.»
Тутъ пани отдала указъ —
И торопливо поклонясь,
Козакъ спѣшитъ на панскій дворъ,
И полетѣлъ во весь опоръ!

Гонецъ обратно ускакалъ,
И дворъ опять безмолвенъ сталъ
Предавшись обаянью сна,
И водворилась тишина.
И снова дремлетъ темный садъ,
Изъ саду льется ароматъ;
И снова пани у окна
Сидитъ задумчива, блѣдна,
И слушаетъ, какъ вдалекѣ
Вторится топотъ по рѣкѣ.
Вотъ топотъ тише, тише сталъ,
То замиралъ, то оживалъ,
И вдругъ исчезъ—въ далекій мракъ
Какъ будто утонулъ козакъ!...
И только лишь, когда разсвѣтъ
Свой розово-огнистой цвѣтъ
Разлилъ на небѣ голубомъ,
И звѣзды, трепетнымъ лучемъ
Дрожа, какъ стали потухать
И непримѣтно исчезать,
Въ туманѣ забѣлѣлъ потокъ,
Дохнулъ изъ саду вѣтерокъ,

И предразсвѣтный соловей
Запѣлъ въ тѣни густыхъ вѣтвей
Любовной нѣгою дыша,
Вздохнувъ жена Барабаша
Легла печально почивать
На одинокую кровать.

Е. Гребенка

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

Tu lascerai ogni cosa diletta
Più caramente! . . . .
Tu proverai siccome sa di sale
Lo pane altrui. . . .
Divina Commedia.

Among them. . . . But not of them!

Какъ тяжело, какъ грустно сиротство
Въ дому чужомъ, подъ кровлей не своею! . . .
Какъ жизнь суха, мертва и непривѣтна
Тамъ, гдѣ ее не грѣетъ пламень свѣтлый
Семейнаго огня и радостей семейныхъ! . . .
Какъ одиночество безсвязное томитъ,
Когда въ душѣ и холодно и пусто;
Когда ей не къ чему пристать, прося защиты,
Пріязни искренней; когда участья къ ней
Никто не чувствуетъ; когда она сама
Не можетъ ни на комъ излить избытокъ чувствъ,
Такъ рѣскошно ее преисполнявшій! . .
И знать, и понимать, и ощущать
Все, чего нѣтъ, чего недостаетъ,

Что бъ быть могло... чего судьба не въ силахъ
Теперь отдать!... Смотрѣть, какъ ежедневно
Предъ матерьми проходятъ равнодушно
Ихъ дочери, балуемыя счастьемъ;
Какъ матерей священный поцалуй
Пріемлется на хладное чело
Съ безпечною улыбкой невниманья!...
И неумѣющимъ цѣнить свою судьбу
Завидовать всѣмъ сердцемъ, всей душой!
И на груди, волнуемой тоскою,
Сжимать крестомъ озябнувшія руки!...
Какъ тяжело!...

И это мой удѣлъ!...

О! страшно быть одной, совсѣмъ одной на свѣтѣ!
Какъ съ облака упавшая... какъ вдругъ
Изъ глубины земли возставшая безъ корня!...
Скрутитъ ли ураганъ, изсушитъ ли зной солнца—
Кому нужда?... кто жребій мой замѣтитъ?...
Я одинокая, здѣсь, всюду, и всегда!
Теперь, снѣдаема печалію и грустью,
Я ихъ должна таить, должна страдать одна;
Но если бъ радость мнѣ волшебно засіяла,
И ту дѣлить ни съ кѣмъ бы не пришлось!
Хочу любить; ношу въ ненужномъ сердцѣ
Довольно нѣжности и преданныхъ сочувствій,
Чтобъ цѣлую семью связать и сблизить ими:
Но если оглянусь—вокругъ меня чужіе,
Вокругъ меня все люди безъ участья...
И много ихъ... но мнѣ въ ихъ сердцѣ мѣста нѣтъ!
Не просятъ, не хотятъ они любви моей —

И, какъ отшельница въ своей могильной кельѣ,
Въ самой себѣ должна я заключиться,
Должна лишь для себя дышать и жить.
Быть можетъ, въ сумрачномъ грядущемъ бытія
Другая ждетъ любовь и счастье мнѣ готовитъ...
Быть можетъ, пустота младаго сердца
Наполнится безцѣннымъ существомъ...
Но дѣтскіе года мои пропали;
Но не было дано извѣдать мнѣ
Невинную, чистѣйшую любовь;
Но кровные родныхъ не замѣнили.
Мнѣ жизнь не всѣ свои разскажетъ тайны,
И есть способности, есть силы въ сердцѣ жаркомъ
Которыя продремлютъ непробудно
До дня ничтожества, которымъ никогда
Не минетъ часъ развиться и разцвѣсть!
И я умру, увы!... не испытавши,
Какъ дорогъ, какъ великъ, какъ святъ родимый кровъ,
Какъ сладко и легко подъ нимъ вседневно спится,
Какъ межъ своихъ пріятно и привольно!...

Г——ня Ев. Р——па.

ДЕНЬ И НОЧЬ.

На міръ таинственный духовъ—
Надъ этой бездной безымянной—
Покровъ наброшенъ златотканцой
Высокой волею боговъ.
День—сей блистательный покровъ—
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день—настала ночь—
Пришла, и съ міра роковаго
Ткань благодатную покрова
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь. . .
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ней и нами—
Вотъ отъ чего намъ ночь страшна!

Ѳ. Т — — въ.

КРАСНАЯ.

Пойдемъ-ка, братъ — вѣдь ты знатокъ:
Я покажу тебѣ смуглянку;
Не сада барскаго цвѣтокъ —
Но просто, милый, поселянку.

Что за красавица она!
Съ какой добросердечной рѣчью!
А станъ, а взглядъ, а по-заплечью
Что за коса распущена!

Пойдетъ ли Русскую—какъ пава;
Моргнетъ ли бровью—подаритъ;
Иль вдругъ налѣво и направо
Начнетъ раскидываться—право,
Безъ словъзлодѣйка говоритъ.

А какъ поетъ! ... Когда зальется—
Куда и что твой соловей?
Ахъ, запоетъ—въ груди твоей
Та пѣсня громко отзовется!

Но для меня милѣй она
Въ кружку семейственной картины:
Зимой у дремлющей лучины,
Весной у свѣтлаго окна,
Когда сердечная, грустна,
На друга броситъ взглядъ украдкой
Такъ любо, дорого, такъ сладко —
Да, для меня милѣй она.

Гляди на красную, знатокъ,
Да не заглядывайся больно:
Не садовой она цвѣтокъ —
Но просто, милый, цвѣтъ напольный.

К. Айбулатъ.

М. П. БИБИКОВУ.

Ты счастливъ, другъ! въ страну очарованья
Ты, полный жизнію, спѣшишь;
Мечты, надежды, упованья
Подъ небомъ Рима оживишь.
Тамъ, тамъ, подъ сѣнью винограда,
Сребристыхъ тополей и лавровъ вѣковыхъ,
Живетъ поэзія, для чувствъ живетъ отрада,
И льется ароматъ съ лимоновъ золотыхъ.
Тамъ, тамъ, подъ небомъ бирюзовымъ
Узорно стелются долины и луга;
Въ вечернемъ сумракѣ, облитъ огнемъ багровымъ,
Сверкаетъ Тибръ, лаская берега.
Тамъ рѣзвые ручьи въ вертепахъ, водопады
Волшебной прелестью невольно взоръ плѣнятъ;
Тамъ зданій стройныя, блестящія громады

Чудесной красотой пришельца удивятъ.
Тамъ, въ утро знойное, палимый солнцемъ юга,
Въ тѣни оливъ прохладу будешь пить...
Какъ обольстителенъ тамъ каждый мигъ досуга!
Какъ чувствамъ хочется тамъ этотъ мигъ прожить!
И вижу я — въ гондолѣ покровенной
Куда-то ты спѣшишь съ богинею души;
Любовью пламенной, восторгомъ упоенный
Ты многое раскажешь ей въ тиши.
Или въ полночной часъ съ Римлянкой молодою
Ты жадно слушаешь напѣвы соловья...
Ты счастливъ, ты блаженъ — и нѣгой неземною
Отъ радости чуть дышетъ грудь твоя.
И звуковъ музыку, и тайны наслажденья
Душа твоя поймета, мой милый другъ—
И юга свѣжія, святыя впечатлѣнья
На скучномъ сѣверѣ украсятъ твой досугъ.
Будь счастливъ, другъ, въ объятьяхъ старца-Рима!
Тамъ Дантъ, Петрарка тамъ—безсмертные пѣвцы—
И самъ божественный пѣвецъ Ерусалима
Стяжали пышные лавровые вѣнцы!
Тамъ душу свѣтлую Рафаэль вдохновенный
Небесной радости безмолвьемъ обоймета,
И дивный міръ, Кановой сотворенный,
Свои красы такъ чудно разовьета!
Спѣши, спѣши на праздникъ наслажденья!
Поэзія тамъ сердце угоститъ,
И душу напоитъ святое вдохновенье,
И небо чудное пришельца осѣнитъ!

С. Стромиловъ.

СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ.

. . . . . in winter days,
When vapours rolling down the valley made
A lonely scene more lonesome.
WORDSWORTH.

Весеннихъ дней цвѣтущее убранство,
Березы, тополи, душистыхъ липъ семья,
Прекрасны вы .... но въ васъ нѣтъ постоянства....
Не вамъ, не вамъ душа сочувствуетъ моя!

Какъ ложный другъ, какъ съ конченнаго пира
Гость чуждый прочь бѣжитъ, вкусивъ веселья часъ,
Такъ, измѣня поблекнувшему міру,
Предъ зимнею порой вы отреклись отъ насъ.

Пристала вамъ блестящая картина
Полей муравчатыхъ, украшенныхъ садовъ;
Растете вы въ угодьяхъ властелина,
У дома богачей, какъ рой нѣмыхъ льстецовъ.

Но дерево другое мной любимо :
Въ безлюдьи, въ пустынѣ, въ глуши живетъ оно —
И населенъ имъ сѣверъ мой родимый,
И на развалинахъ встрѣчаемъ мы его.

Оно какъ другъ, намъ вѣрный въ испытаньи,
Какъ безкорыстный рабъ, нашъ спутникъ въ черный день;
Всегда, вездѣ, въ смиренномъ одѣяньи
Оно отрадную намъ предлагаетъ тѣнь.

Сосна, сосна! мрачна ты, вѣковая;
Безсмѣнный твой нарядъ печаленъ и угрюмъ:
Но я тебя, въ снѣгахъ родныхъ встрѣчая,
Люблю и чествую, подруга скорбныхъ думъ!

Г — — ня Ев. Р — — ва.

Въ Хрѣновскомъ лѣсу.
13-го Декабря, 1838.

НОЧЬ.

Ночь. Кругомъ все грозно было:
Безумолчный вѣтръ неспалъ —
И въ оконницы уныло
То свистѣлъ онъ, то стучалъ.
Въ вышинѣ бродили тучи;
На-мгновенье, въ сторонѣ,
Отъ звѣзды блеснувъ падучей,
Небо видѣлося мнѣ.
Въ темной думѣ безъ сознанья
Мысли мчались къ небесамъ —
И завидовалъ я втайнѣ
Тучамъ, вѣтрамъ и звѣздамъ:
Тамъ звѣздой бы засвѣтиться,
Залетѣть, гдѣ вихрь родится,
Пронестись по вышинамъ,
Распростерши мышцы, прянуть,
Въ тучи, въ звѣзды, въ небо кануть!...

Нѣтъ! невѣчна ихъ краса!
Вы падете, о свѣтила!
Безпредѣльную могилу
Вамъ отворятъ небеса.
Тьма растаетъ въ безднѣ свѣта,
Свѣтъ содѣлается тьмой,
Все пройдетъ: лишь мысль Поэта
Блещетъ жизнью неземной!

Такъ носитесь, звѣзды, тучи,
По раздольнымъ небесамъ:
Въ жизни вольной и летучей
Не завидую я вамъ.
Мнѣ ли слабую природу
Звать сопутницей своей:
Безконечность и свободу
Я ношу въ душѣ моей.

И. Пожарскій.

НЕ ВѢРЬ, НЕ ВѢРЬ ПОЭТУ.

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва;
Его своимъ ты не зови —
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всесиленъ какъ стихія —
Невластенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодые
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поноситъ или хвалитъ
Его безсмысленный народъ:
Онъ не зміею сердце жалитъ,
Но какъ пчела его сосетъ.

Твоей святыни не нарушитъ
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ—жизнь задушитъ,
Иль унесетъ за облака.

Ѳ. Т — — въ.

ГРОБНИЦА.

Въ долинѣ безмолвной, гдѣ говоръ людской
Порою лишь слышенъ съ дороги большой,
Печальна какъ память минувшаго дней
Виднѣетъ гробница подъ склономъ вѣтвей.

Дни днями смѣнялись, и годы текли...
Разсѣлися камни и мхомъ поросли,
И плющемъ одѣтые тлѣютъ окрестъ
Разбитая урна, свалившійся крестъ.

Старинную надпись на ржавой мѣди
Изгладило время и смыли дожди;
Преданья погибли, а камни молчатъ,
Чьи хладныя кости подъ ними лежатъ.

Вечерней порою, въ таинственный часъ,
Когда вызываетъ задумчивость насъ,
Вкругъ тихой гробницы люблю я блуждать
И память о прошломъ въ душѣ пробуждать.

И мнится—подъ сѣнью плакучихъ вѣтвей,
Чуть видная въ блескѣ вечернихъ лучей,
Сидитъ у гробницы безвѣстная тѣнь,
И смотритъ, какъ гаснетъ на западѣ день!

ПОСЛѢДНІЙ *ЕГО* СОВРЕМЕННИКЪ.

«Слышишь, дядюшка, а? дядька!
Вотъ садись предъ огонькомъ;
Выпей чарку; ну, присядь-ка,
Раскажи-ка намъ о *немъ!*»

И подвинувшись поближе,
Дядя намъ предъ огонькомъ
Говорилъ и о Парижѣ,
И о битвахъ, и о *немъ*.

Скоро въ землю дядя ляжетъ;
Кто-жъ, въ кружку, предъ огонькомъ,
Кто о битвахъ намъ раскажетъ,
Кто раскажетъ намъ о *немъ?*

К. Айбулатъ.

БѢГСТВО.

Ужъ какъ гляну я на по́ле:
Поле чистое дрогнётъ;
Нагуститъ свои туманы;
Въ нихъ одѣнется на-но́чь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій:
Лѣшій по лѣсу шумитъ;
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

Крикну лѣсу... топну въ берегъ...
Лѣшій за горы уйдетъ;
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я, чрезъ рѣку, огородомъ,
Всю слободку обойду;
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.

Свисну... въ теремѣ высокомъ
Въ-мигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

«Скучно въ теремѣ весною
«Одинокой горевать;
«То ли дѣло на-просторѣ
«Друга къ сердцу прижимать!»

Поднимайся, туча-буря',
Съ полуночною грозой;
Заштатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой,

Чтобъ погони злой боярин
Въ-слѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до-свѣта
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Есть гдѣ, будетъ отдохнуть;
Отъ боярина сокроютъ;
Хату славную дадутъ.

Будемъ жить съ тобой мы пански...
Эти люди—намъ друзья;

Что душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!...

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчею съ серебромъ.

А. Кольцовъ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

Es giebt in unserem Leben einige Minuten.

Butterwеck.

I.

Я помню: на гульбищѣ шумномъ,
Дыша веселіемъ безумнымъ,
Въ одеждѣ праздничной, Москва,
Пестро и пышно убрана,
Толпилась.... слившн безъ вниманья
Сословья всѣ, всѣ состоянья.
На день одинъ, на краткій часъ,
Сошлись, другъ другу на-показъ,
Хмѣльной разгулъ простолюдина
Съ спѣсивымъ хладомъ знати чинной,
Міръ черни съ міромъ богачей,
И старость съ рѣзвостью дѣтей.
И я — ребенокъ боязливой—
Смотрѣла съ робостью стыдливой

На этотъ незнакомый свѣтъ,
Еще на много, много лѣтъ
Мнѣ недоступный, и мечтала —
Приподымая покрывало
Съ грядущихъ дней — о той порѣ,
Когда достанется и мнѣ
Вкусить забавы жизни свѣтской;
И съ нетерпѣньемъ думы дѣтской
Желала время ускорить,
Чтобъ видѣть, слышать, ощутить.
Народа волны протекали...
Однѣ другихъ онѣ смѣняли....
Но я не замѣчала ихъ,
Углублена въ мечтахъ своихъ.
Вдругъ все стѣснилось, и съ волненьемъ,
Однимъ стремительнымъ движеньемъ,
Толпа вся бросилась впередъ,
И мнѣ сказали: «*онъ* идетъ!
«*Онъ*, нашъ поэтъ.... *онъ*, наша слава,
«Любимецъ общій!...» Величаво,
Но смѣлый, ловкой и живой,
Прошелъ онъ быстро предо мной.
И глубоко въ воображеньѣ
Напечатлѣлось выраженье
Его высокаго чела.
И долго, долго, въ грезахъ сна,
Арапскій профиль рисовался,
Взоръ вдохновенный загорался,
И мнѣ, сіяньемъ окруженъ,
Все представалъ, все зрѣлся онъ.

II.

Я помню, я помню другое свиданье...
На балѣ блестящемъ, въ кипящемъ собраньѣ,
Гордясь кавалеромъ, и объ-руку съ нимъ
Я шла... я плясала... и счастьемъ моимъ
Въ тотъ вечеръ прекрасный весь міръ озлащался.
Онъ съ нѣжнымъ привѣтомъ ко мнѣ обращался,
Онъ дружбой безъ лести меня ободрялъ,
Онъ думъ моихъ тайну развѣдать желалъ.
Ему разсказала молва городская,
Что, душу высокой мечтою питая,
Поэзіи чары постигла и я;
И онъ, съ любопытствомъ смотря на меня,
Пѣснь женскаго сердца, пѣснь женскихъ страданій,
Всю повѣсть простую младыхъ упованій
Изъ устъ моихъ робкихъ услышать хотѣлъ.
Онъ выманить скоро довѣрье умѣлъ:
Въ душѣ геніальной есть что-то святое —
Она обѣщаетъ участье родное,
И свыкнуться съ нею намъ мнится легко,
Затѣмъ-что паритъ она такъ высоко,
Что ей неизвѣстны, въ ея возвышеньѣ,
Взыскательныхъ дольнихъ умовъ осужденья.
Вниманьемъ поэта вполнѣ дорожа,
Подъ говоръ музыки, украдкой, дрожа,
Стихи безъ искуства ему я шептала,
И взоръ снисхожденья съ восторгомъ встрѣчала.
А онъ, вдохновенный, съ какой добротой
Онъ исповѣдь слушалъ души молодой!...
Какъ съ кроткимъ участьемъ, съ улыбкою друга,

Отъ ранняго горя, отъ злаго недуга,
Отъ мрачныхъ предчувствій онъ сердце лечилъ,
И жить его въ мирѣ съ судьбою училъ! . . .
Онъ пылкостью прежней тогда оживлялся,
Онъ къ юности знойной своей возвращался,
О ней говорилъ мнѣ, ее вспоминалъ;
Со мной молодѣя, самъ снова мечталъ.
Слова его въ душу свою принимая,
Ему благодарна всѣмъ сердцемъ была я . . .
И много минуло годовъ съ того дня,
И много чувствъ новыхъ извѣдала я —
Но живо и нынѣ о немъ вспоминанье;
Но рѣчи поэта, его предвѣщанья
Я въ памяти сердца храню какъ завѣтъ,
И ими горжусь. . . хоть его уже нѣтъ! . . .

Г — — ня Ев. Р — — на.

Село Анна. 1838 г.

ПОСРЕДНИЦА.

Изъ праха созданное тѣло
Безсмертнымъ духомъ ожививъ,
Природа будто не хотѣла,
Чтобъ человѣкъ былъ вѣкъ счастливъ:
Плѣняясь прелестью земною,
Стремяся духомъ къ небесамъ,
Въ борьбѣ всегда онъ самъ съ собою —
На-половину *здѣсь* и *тамъ!*

Но есть посредница межъ высью
И доломъ, гдѣ влачимся мы;
Она связуетъ чувство съ мыслью,
Она и свѣта духъ и тьмы —

То дѣва! Въ ней отъ неба знамя,
Что въ жизни меньше намъ страдать—
И мы спѣшимъ земное пламя
Съ огнемъ небеснымъ сочетать!

Н. Рудыковскій.

СОНЪ ЛОМОНОСОВА.

Корабль на парусахъ летѣлъ;
Торжественно шумѣли волны.
Поэтъ, задумчивости полный,
Въ даль моря грознаго смотрѣлъ.
Валы, вздымаясь изъ пучины,
Стремясь одинъ другому въ-слѣдъ,
Несли корабль какъ исполины.
Казалось, дикостью картины
Былъ занятъ, увлеченъ Поэтъ. . .

Уже къ закату день клонился;
Вотъ въ бездны свѣтоносный шаръ
Великолѣпно погрузился.
Какъ ѳиміамъ, вечерній паръ
Надъ присмирѣвшими волнами

Поднялся дымными холмами,
Одѣлось море тишиной.
Склонясь усталой головой,
Поникнувъ томными очами,
Поэтъ себя и міръ забылъ...
Сонъ благотворными крылами
Его зѣницы осѣнилъ.

И въ тонкомъ снѣ Поэтъ печальный
Мятется робкою душой:
Онъ видитъ бытъ патріархальный,
Всю простоту страны родной;
Подъ яркой крышею соломы
Свѣтлѣютъ низменные домы
Ему знакомыхъ рыбаковъ;
Обременсенные сѣтями,
Ихъ челноки стоятъ рядами
У безопасныхъ береговъ.
Здѣсь тяжкій неводъ выгружаютъ;
Тамъ на разложенномъ огнѣ
Кипитъ котелъ, а вотъ играютъ
И дѣти празднуя веснѣ.
Все мило, радуетъ Поэта;
Не помнитъ онъ волненья свѣта,
Разлуки съ родиной святой;
Какъ небывалъ нигдѣ—онъ дома,
Въ семьѣ привѣтливой, родной;
Со всѣмъ душа его знакома.
Онъ видитъ сверсниковъ-друзей
Минутной юности своей;
И въ обаяніи дремоты

Съ отцомъ домашнія заботы
Онъ дѣлитъ: ѣдетъ съ нимъ
На ловлю; по волнамъ морскимъ
Шумъ дружныхъ веселъ раздается;
Ладья пучиною несется;
Изъ виду темный берегъ скрытъ.
Вдругъ набѣжали сверху тучи;
Сорвался съ цѣпи вѣтръ могучій —
И море грозное бурлитъ.

Куда пловцы свой взоръ ни кинутъ,
Вездѣ ужасно и темно. . .
И вдругъ челнокъ ихъ опрокинутъ;
Отецъ и сынъ идутъ на дно,
Добыча бездны разъяренной.
Но сынъ трепещущій мгновенно
Спасенъ изъ мрачной глубины:
Онъ очутился на стремнинѣ
Въ необитаемой пустынѣ
Среди могильной тишины —
И нарушаютъ лишь молчанье
Стонъ хищныхъ птицъ да вой волковъ,
И ощутительно дыханье
Во мглѣ скрывающихся льдовъ.
Въ немъ сердце дрогнетъ, замираетъ;
Пугливый взоръ его блуждаетъ:
Пустынѣ дикой нѣтъ конца.
Но вдругъ, о ужасъ! сынъ смятенный
На камнѣ видитъ трупъ отца,
Безъ жизни, черепъ раздробленный...

И чары сна изнемогли.
Страдалецъ съ стономъ пробудился;
Ручьи изъ глазъ его текли —
И передъ нимъ во мглѣ носился,
Мелькая, призракъ гробовой...
Чья тѣнь, прощаяся съ землей,
На вѣчный отдыхъ отлетала,
И долго съ милаго лица
Вперенныхъ взоровъ не спускала?
То тѣнь погибшаго отца,
Который въ скорбную кончину
Еще стремился взглядомъ къ сыну.

Эм— —въ*

См. Современ. Т. XIII стран. 179, *второй нумерации.*

Я ВИДѢЛЪ МОРЕ.

Я видѣлъ море: предо мною
Тревожная стихія шла,
И гармонической волною
На берегъ жалобы несла.
Спокойно, тихо протекала
По небу синему луна —
И равнодушна и блѣдна
На дольній міръ она взирала.
Безмолвно все: лишь говорятъ
Деревья шумными листами,
И вдохновенными волнами
Потоки горные шумятъ.

Часъ упоительный забвенья.
Я былъ одинъ. Но какъ назвать

Уединеньемъ тѣ мгновенья,
Когда дерзаешь вопрошать
Природы дивныя явленья!
Со мной шептался вѣтръ ночной,
И волны моря говорили;
Шли тѣни горъ передо мной
И думы мрачны наводили.

«О небо, небо! кто тебя
Усѣялъ яркими звѣздами?»
Но вотъ покрылась облаками
Лазурь прозрачная твоя.
Что ихъ внезапное явленье
Теперь скрываетъ отъ очей —
Шаги любви, иль преступленья,
Иль слезы горестныхъ страстей?
Любви ли первое лобзанье
Стыдливой, робкой красоты
Иль сладострастное желанье,
Иль муки ревностной мечты?
Сбылись, быть можетъ, подозрѣнья;
Напрасны клятвы, увѣренья —
И мщенья вѣрная рука
Вонзитъ...

Но мчатся облака;
Звѣзды увидѣлъ я паденье —
И мысль моя ужъ далека...
Чей это временный свѣтильникъ
Теперь исчезъ на небесахъ?
Быть можетъ, страждущій пустынникъ
Угасъ съ молитвой на устахъ.

Уже ли другъ въ странѣ далекой
Внезапной бурей унесенъ,
Иль моря бездною глубокой
Несчастный путникъ поглощенъ?
Дѣтьми ли старецъ окруженный
Безъ ропота покинулъ свѣтъ,
Иль юноша, во цвѣтѣ лѣтъ
На полѣ чести пораженый?
Надъ дочерью ли плачетъ мать?
Любовникъ нѣжную ль подругу
Въ разлукѣ не успѣлъ обнять,
Иль другъ печальный молча другу
Въ послѣдній разъ руки пожать?
А можетъ быть... и страхъ внезапный
Проникнулъ душу—стынетъ кровь—
Ея погаснулъ пламень страстный,
Ея звѣзда—*ея* любовь.
Въ сомнѣньи палъ я на колѣни;
Шумъ моря стонъ мой заглушилъ—
И сердца жалобныя пѣни
Холодный вѣтеръ разносилъ.

М. Межаковъ.

Неаполь.

ОГЛАВЛЕНІЕ XIV ТОМА.

Стран.

(Первой нумерации.)

I. Современная Шведская литература.

Зимніе Цвѣты. 5

II. Разборъ новыхъ книгъ.

Новыя сочиненія. 21

Новые переводы. 45

Новыя изданія. 52

(Второй нум.)

III. Критика.

Цимбелинъ Шекспира. 1

Жанъ-Поль. *Барона О. О. Корфа.* 15

Басурманъ Лажечникова. *Дм. С. Пр.* — — — 77

(Третьей нум.)

IV. Повѣсти.

Дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро. *Съ Малорос. В. Н. С.* 1

V. Итальянская Поэзія.

Томасъ Морусъ. *К. А. Петерсона.* 61

VI. Стихотворенія.

Богданъ. *Е. П. Гребенки.* 138

Отрывокъ изъ Поэмы. *Г — — ни Ев. П. Р — — ной.* 142

День и Ночь. *Ѳ. И. Т — — ва.* 145

Красная. *К. М. Айбулата.* 146

М. П. Бибикову. *С. И. Стромилова.* 148

Сосновый лѣсъ. *Г — — ни Ев. П. Р — — ной.* 150

Ночь. *И. Я. Пожарскаго.* 152

Не вѣрь, не вѣрь поэту. Ѳ. И. Т — — ва. 154

Гробница. 156

Стран.
(Третьей нум.)
Послѣдній *Его* современникъ. *К. М. Айбулата.* 158
Бѣгство. *А. В. Кольцова.* 159
Двѣ встрѣчи. *Г — — ни Ев. П. Р — — ной.* 162
Посредница. *Н. Е. Рудыковскаго.* 166
Сонъ Ломоносова. *Эм — — ва.* 168
Я видѣлъ море. М. П. Межакова. 172

Конецъ четырнадцатаго тома.